

ИЗДАНИЕ
1881

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. Смирнов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. А. СМЕРДИНОВА

1881

С. Муссис Нумер
1876 год.

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

КАРАМЗИНА.

А. Старчевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1845

г. н. 5176
28

ОДЕРЖА

ЛНТЕРЬАУРЫ

РАССЕЛОН ПОСЛОН

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Ап-
рѣля 10 дня, 1845 года.

Ценсоръ *А. Мехелинъ.*

Mehlin

Bayerische
Staatsbibliothek
München

1845

Представляя публикѣ очеркъ исторической дѣятельности до Карамзина, считаю не лишнимъ сказать слѣдующее:

Я писалъ одинъ очеркъ исторической дѣятельности, а не полную систему, въ которой бы подробно были изложены всѣ возможные поиски, споры, и сомнѣнія нашихъ историковъ, породившихъ и сдѣлавшихъ возможною «Исторію Государства Россійскаго». Я хотѣлъ представить очеркъ главныхъ состязателей на этой аренѣ и ихъ посильные труды, теперь большею частію забытые, но имѣвшіе своевременное значеніе.

Писалъ я этотъ очеркъ и для тѣхъ, которымъ только интересно знать нашихъ историковъ, и для тѣхъ, кто хотѣлъ бы заняться этимъ предметомъ исключительно. Изучающій предметъ добросовѣстно долженъ знать, что уже по этой части сдѣлано, какіе вопросы занимали нашихъ изыскателей отечественной судьбы, и какъ они смотрѣли на нѣкоторыя ея періоды. Если эта

книга будетъ служить имъ хотя малѣйшимъ посо-
біемъ и руководствомъ, я вполнѣ достигну своей
цѣли, и можетъ быть, представлю когда-нибудь
моимъ невзыскательнымъ цѣнителямъ дальнѣй-
шее продолженіе дѣятельности исторической отъ
Карамзина до нашего времени.

Сочинитель.

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе 1—11.

I. ЛѢТОПИСНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

А. До Нестора, т. е. до конца XI вѣка . . 11—14.

В. Несторъ или конецъ XI вѣка 14—34.

С. Продолжатели Нестора въ XII вѣкѣ:

*Сильвестръ.—Нифонтъ.—Іоаннъ священникъ
новгородскій.—Кирикъ.* 34—39.

Д. Продолжатели Нестора въ XIII вѣкѣ:

Симонъ.—Петръ архіепископъ. 39—40.

Е. XIV вѣкѣ.

*Игнатій, діаконъ смоленскій. — Кипріанъ,
митрополитъ кіевскій. — Лаврентій, мо-*

нахъ суздальскій. — Храбръ, черноризецъ. — Начало *Пален*. 40—43.

Г. XV вѣкъ:

Михаилъ (или *Мисаилъ*) епискомъ смоленскій. — *Софроній*, священникъ рязанскій. — *Антоній*. — *Теодосій*. — *Патерикъ Печерскій*. — *Статейные списки*. 43—45.

II. НАЧАЛО ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПОВѢСТЕЙ, СКАЗАНІЙ И ЗАПИСОКЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

А. XVI вѣкъ.

Памфилъ, игуменъ псковской. 46.
Паисій Ярославовъ, монахъ. —
Филофей, старецъ. —
Пахомій, монахъ. 47.
Георгій, монахъ троицко-сергіевского монастыря. —
Иаковъ, монахъ. —
Катавасья Юрьевъ, монахъ. —
Князь Теодоръ Кемскій, (въ монахахъ *Теодосій*.) —
Варлаамъ Палицынъ, монахъ чудова монастыря. —
Іоаннъ Глазатый, священникъ. 48.
Михаилъ, монахъ. 49.
Логгинъ, монахъ вологодскаго прилуцкаго монастыря. —
Макарій, митрополитъ московскій. —
Корнилій, игуменъ псковской. 53.

<i>Серапіонъ , іеромонахъ псковской.</i>	53.
<i>Іовъ, патріархъ.</i>	—
<i>Князь Андрей Михайловичъ Курбскій.</i>	54.

В. XVIII вѣкъ:

<i>Авраамій Палицынъ, келарь троїцкаго-сергіева монастыря.</i>	57.
<i>Рукопись Филарета.</i>	59.
<i>Кипріанъ, архієпископъ сибирскій.</i>	60.
<i>Савва Осиповъ, дьякъ сибирскаго митрополита.</i>	61.
<i>Никонъ Патріархъ.</i>	—
<i>Іванъ Шушеринъ, іподіаконъ при патріархъ Никонъ.</i>	65.
<i>Никаноръ, архимандритъ.</i>	66.
<i>Симеонъ Медвѣдевъ, подъячій, а потомъ монахъ подъ именемъ Сильвестра.</i>	—
<i>Адріанъ, патріархъ московскій.</i>	68.
<i>Тимофѣй Каменевичъ-Рвовскій, іеродіаконъ холопьяго монастыря.</i>	—
<i>Ігнатій, митрополитъ сибирскій.</i>	—
<i>Афанасій, єпископъ архангельскій.</i>	70.
<i>Коріонъ Истоминъ, іеромонахъ чудова монастыря.</i>	71.
<i>Захарій Копыстенскій, архимандритъ кієво-печерскаго монастыря.</i>	—
<i>Сильвестръ Коссовъ, митрополитъ кієвскій.</i>	72.
<i>Афанасій Калнофойскій, монахъ кієво-печерскаго монастыря.</i>	73.
<i>Петръ Могила, митрополитъ кієвскій.</i>	—
<i>Θеодосій Софоновичъ, игуменъ кієвскаго михайловскаго монастыря.</i>	—
<i>Іннокентій Гизель, архимандритъ кієво-печерскаго монастыря.</i>	82.

<i>Луговскій, діаконъ.</i>	83.
<i>Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій.</i>	84.
<i>Андрей Лызловъ, священникъ смоленскій.</i>	—
<i>Сергій Кубасовъ, боярскій сынъ.</i>	85.
<i>Князь Семенъ Шаховской.</i>	86.
<i>Сказаніе атамана Василя Тюменца и десятника Ивана Петрова, о посылкѣ ихъ въ Мунгалію.</i>	—
<i>Сказаніе томскаго, казака Ивана Петлина.</i>	—
<i>Иванъ Тимофѣевъ, діакъ митрополита Исидора.</i>	—
<i>Князь Иванъ Хворостининъ.</i>	87.
<i>Книга Большаго Чертежа.</i>	—
<i>Семенъ Ремезовъ тобольскій житель.</i>	89.
<i>Григорій Кошихинъ, подъячій посольскаго приказа.</i>	—
<i>Петръ Золотаревъ, боярскій сынъ.</i>	94.
<i>Федоръ Грибодовъ, разрядный дьякъ.</i>	—
<i>Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, ближній бояринъ царя Алексія Михайловича.</i>	95.

III. ПЕРІОДЪ СИСТЕМАТИЧЕСКАГО ОБРАБОТЫВАНІЯ ИСТОРИИ.

1) Эпоха Петра Великаго.

A. Обработываніе отечественной исторіи лицами духовнаго званія.

<i>Св. Димитрій, митрополитъ ростовскій (по прозванію Туптало.)</i>	97.
---	-----

Оеофанъ Прокоповичъ.	102.
Оедоръ Поликарповъ.	106.

В. Любители отечественной старины.

Князь Андрей Яковлевичъ Хилковъ.	107.
--	------

С. Сочинители записокъ (Mémoires).

Нѣкто Разладинъ.	110.
Григорій Скибинскій.	—
Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, знаменитый бо- яринъ.	—
Иванъ Афанасьевичъ Желябужскій.	—
Гр. Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ.	112.
Вицеканцлеръ Баронъ Шафировъ.	114.
Петръ Никифоровичъ Крекшинъ.	—
Кириша или Кирилъ Даниловъ.	118.

Д. Начало школы академиковъ.

Оеофилъ Зигфридъ Байеръ.	124.
----------------------------------	------

2) Въкъ Елисаветы.

1. Духовенство.

Оеодосій Сморгжевскій, архимандритъ съвскаго монастыря.	126.
--	------

Никодимъ Селлій, родомъ Датчанинъ, назывался прежде **Адамомъ Бернардомъ Селліемъ**. . . 127.

2. Свѣтскіе люди, любители русской старины.

Василій Никитичъ Татищевъ	130.
Василій Кириловичъ Тредьяковскій	140.
Ломоносовъ	141.
Иванъ Семеновичъ Варковъ	142.
Александръ Петровичъ Сумароковъ	143.

3. Сочинители записокъ.

Фельдмаршалъ Минихъ , ...	144.
Графъ Эрнстъ Минихъ , сынъ фельдмаршала.	—
Василій Александровичъ Нащокинъ	145.
Князь Яковъ Петровичъ Шаховской	146.

3) Вѣкъ Екатерины II-й.

А. НАРОДНОЕ ОБРАБОТЫВАНІЕ ИСТОРИИ.

а) Духовенствомъ.

Георгій Конискій , архіепископъ бѣлорусскій.	149.
Александръ Георгіевичъ Левшинъ , протоіерей московскаго успенскаго собора.	155.
Ергеній Булгарисъ , словенскій и херсонскій архіепископъ	—
Ювеналій Воейковъ , монахъ.	—

Минихъ Эрнстъ.

Минихъ Эрнстъ.

в) Свѣтскими людьми.

Князь М. М. Щербатовъ.	156.
Иванъ Никитичъ Болтинъ.	160.
Иванъ Ивановичъ Голиковъ.	171.
Николай Ивановичъ Новиковъ.	176.
Федоръ Александровичъ Эминъ.	178.
Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.	189.
Александръ Ивановичъ Оминъ.	194.
Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ.	197.
Николай Николаевичъ Бантишъ-Каменскій	208.
Семенъ Башиловъ.	217.
Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ.	218.
Федоръ Баузе	219.
Петръ Ивановичъ Рычковъ.	220.
Михаилъ Дмитріевичъ Чулковъ, оберъ-секретарь Сената.	—
Федоръ Осиповичъ Туманскій.	221.
Ипполитъ Федоровичъ Богдановичъ.	222.
Гавріилъ Романовичъ Державинъ.	—
Василій Григорьевичъ Рубанъ.	223.
Иванъ Нехачинъ.	225.
Тимофѣй Семеновичъ Мальгинъ.	226.
Иванъ Таубертъ.	227.
Іоаннъ Бакмейстеръ.	—
Гартманъ Людвикъ Христіанъ Бакмейстеръ.	228.
Матѣй Гутри, докторъ медицины.	229.
Петръ Безакъ.	—
Императрица Екатерина II.	230.

В. Сочинители записокъ:

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.	241.
Семенъ Андреевичъ Порошинъ.	245.
Максимъ Васильевичъ Даниловъ.	252.
Канцеляристъ Рюминъ.	255.

<i>Александръ Васильевичъ Храповицкій.</i>	255.
<i>Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.</i>	258.

С. Академики:

<i>Герардъ Фридрихъ Миллеръ.</i>	260.
<i>Іоаннъ Эбергардъ Фишеръ.</i>	279.
<i>Іоаннъ Готгильфъ Штриттеръ.</i>	—
<i>Августъ Людовикъ Шлёцеръ.</i>	282.
<i>Д. Іоаннъ Готлибъ Георги.</i>	284.
<i>Андрей (Генрихъ) Карловичъ Штохръ.</i>	288.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ РОССИИ ДО КАРАМЗИНА.

Изо всѣхъ взглядовъ на значеніе нашего вѣка, вѣр-
нѣйшій состоитъ въ томъ, что ему суждено рѣшить
между прочимъ, два великіе вопроса: *историческій* и
политическій. Девятнадцатое столѣтіе есть грань про-
шедшей и будущей жизни человѣчества; ибо ему при-
надлежитъ высокое сознаніе христіанства и проведеніе
сквозь это чистилище всѣхъ прежнихъ институцій.

Мыслящее человечество убѣдилось наконецъ въ томъ, что начало всего лучшаго въ современности положено еще за 18 вѣковъ проповѣдью Евангелія. Наши новѣйшія понятія о необходимости общества для развитія частнаго лица, о необходимости цѣлой системы государствъ для развитія отдѣльныхъ обществъ, однимъ словомъ, всѣ наши современныя убѣжденія въ необходимости того, чему мы даемъ названіе *единства, согласія, союза*, все это давно уже облечено въ одинъ стройный символъ *любви*, составляющій непоколебимую основу христіанскаго ученія. Намъ осталось теперь, бросить окончательно критическій взглядъ на все огромное *прошедшее*, и согласивъ историческія данныя съ идеею христіанства положить ихъ очищенными и одухотворенными въ основаніе будущей жизни человечества. Тогда только заложится прочное зданіе *политическихъ наукъ*.

Только вслѣдствіе такого процесса, можетъ зародиться истинная философія общества, которой дальнѣйшее развитіе выведетъ человѣческій родъ на прямую дорогу.

Эта высокая цѣль должна оживить и вдохновить дѣятельность собственно историческую, какъ краеугольный камень общественнаго ученія. Мы не должны щадить силъ, чтобы облечь исторію во всеоружіе истины, и потому намъ предстоитъ перестроить ее по всѣмъ законамъ критики, начиная съ зародыша и кончая послѣднимъ періодомъ ея развитія. Вотъ, что побудило насъ къ обзорѣ литературы русской исторіи, къ труду, составляющему необходимый приступъ къ изученію нашего дѣписанія.

Историческая дѣятельность въ нашемъ отечествѣ появилась очень рано въ сравненіи съ западными государствами Европы. Уже въ концѣ XI вѣка Русь имѣла своего народнаго лѣтописца, въ полномъ

смыслъ этого слова. Но есть много причинъ думать, что еще и до него была попытка того же. Мы разумемъ здѣсь Іоакима, который вѣроятно писалъ до Нестора. Однако жъ просимъ нашихъ читателей не думать, что мы основываемъ свое мнѣніе на нѣсколькихъ тетрадкахъ бывшихъ у Татищева, которыя онъ приписывалъ Іоакиму. Мы очень далеки отъ этого мнѣнія, какъ будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ. Трудно вообразить чтобы мы имѣли лѣтописцевъ уже въ первомъ вѣкѣ по введеніи христіанской вѣры. Духовенство слишкомъ обременено было своею прямою дѣятельностію, т. е. мѣрами къ обращенію язычниковъ, къ построенію церквей, къ устроенію собственной организаціи и къ упроченію своей безопасности. Притомъ не могло не быть затрудненія и въ самыхъ матеріалахъ письменности: бумага еще не была изобрѣтена, писали тогда на пергаментъ, вещество, которое безъ сомнѣнія обходилось не дешево, судя потому, изъ чего оно приготавливалось. По этому монастыри, разумѣется, употребляли его съ большою умеренностію; на немъ писали только грамоты, уставы и повѣствованія о такихъ событіяхъ, которыя считали священною необходимостію передать *ad perpetuam rei memoriam*. Однако жъ можно допустить, что нѣкоторые изъ первыхъ духовныхъ могли вести дневники и записывать важнѣйшія происшествія, которыхъ были очевидцами, и о которыхъ знали по слуху. Впрочемъ на это нѣтъ подлинныхъ доказательствъ. Достоверно извѣстно, что въ числѣ греческаго духовенства, пріѣзжавшаго въ русскую землю, были и Болгаре. Они первые познакомили Россію съ новоизобрѣтеннымъ церковно-славянскимъ алфавитомъ, начали переводить церковныя книги съ греческаго языка на болгарскій, который въ то время могъ быть очень понятенъ для жителей южной Руси.

Эти Болгаре вѣроятно занимались также переводомъ греческихъ хронографовъ и первые подали примѣръ веденія лѣтописей *.

Русскіе видя въ нихъ одноплеменниковъ, вѣроятно сближались съ ними гораздо болѣе чѣмъ съ Греками, о которыхъ и преподобный Несторъ выражается не очень выгодно, называя ихъ людьми льстивыми. Прямымъ же доказательствомъ учительской роли Болгаръ въ нашемъ отечествѣ служитъ то, что Несторъ, при составленіи своей лѣтописи, руководствовался хронографами писанными на болгарскомъ языкѣ, какъ еще въ 1826 году показалъ г. Строевъ и что вѣроятно со всею точностію докажетъ Археографическая Коммиссія критическимъ изслѣдованіемъ лѣтописи Нестора. Притомъ какъ объяснить иначе раннее появленіе множества книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ, книгъ, изъ которыхъ Ярославъ могъ уже составить цѣлую библіотеку (въ Софійскомъ Монастырѣ). Равнымъ образомъ, какъ объяснить иначе столь раннее появленіе Остромирова Евангелія? И такъ, начало русскихъ лѣтописей можетъ быть отнесено, безъ всякой натяжки, къ концу XI столѣтія.

По образованіи самостоятельныхъ удѣльныхъ кня-

* Что еще болѣе подтверждается однимъ мѣстомъ, находящимся въ историческихъ тетрадкахъ приписываемыхъ Татищевымъ Іоакиму, гдѣ сказано: «по семъ иде Владиміръ на Булгары, и побѣдя ихъ, миръ учини, и пріять крещеніе самъ и сынове его, и всю землю русскую крести. Царь же болгарскій Симеонъ присла іереи учены и книги довольны, и посла Владиміръ во Царьградъ ко царю и патріарху, просити митрополита, они же вельми возрадовашася, и прислаша митрополита Михаила, мужа весьма ученаго и богобоязненнаго, Болгарина суща, съ нимъ четыре епископа и многи іереи, діаконы и дѣмественники (пѣвчіе) отъ Словянъ».

Татищ. т. I. гл. IV. стр. 38.

жествъ, вѣроятно въ главнѣйшихъ изъ нихъ, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, Несторъ находилъ подражателей, особенно со времени появленія въ Европѣ бумаги. Набѣги Татаръ, предававшихъ огню и мечу все встрѣчавшееся имъ на пути, лишили насъ всѣхъ этихъ драгоценныхъ памятниковъ отечественной исторіи. Однако жъ и во время монгольскаго владычества, духовенство пользовавшееся одно свободою не переставало составлять лѣтопись отечества, чему доказательствомъ служатъ множество памятниковъ XIV и XV столѣтій.

Нашествіе Монголовъ нанесло Руси чувствительный ударъ раздробленіемъ ея на части: югозападная Русь избѣгла ихъ владычества, но за то подвергалась вліянію Польши и Литвы; а сѣверовосточная образовала отдѣльный міръ подъ игомъ завоевателей. Это раздѣленіе было причиною того, что лѣтописи наши со времени нашествія Татаръ сдѣлались большею частию областными и потеряли изъ виду интересъ всей Россіи. Такимъ образомъ произошли лѣтописи: *Волинская, Литовскія, Псковская, Новгородская, Московская* и прочія, сохранившіяся до сихъ поръ. Онѣ были продолжаемы до самаго конца XVI столѣтія *.

Въ югозападной Руси онѣ прекратились совершенно по присоединеніи ея къ Польскому Королевству. Въ западной или литовской, не смотря на подчиненіе ея игу Литвы, онѣ продолжались до соединенія сей послѣдней съ Польшею. Въ Московскомъ Государствѣ онѣ прекратились въ царствованіе Іоанна IV. И такъ періодъ лѣтописей продолжался не менѣе пяти столѣтій, считая съ начала XII до конца XVI вѣка.

* Даже до 1630 года.

Разсмотримъ ихъ характеръ и значеніе. Прежде всего постараемся дать нашимъ читателямъ понятіе о русскихъ лѣтописцахъ вообще, не смотря на мѣсто ихъ пребыванія и на время жизни. Съ конца XI столѣтія до половины XVI (т. е. до Іоанна Грознаго) лѣтописи наши были писаны монахами, какъ людьми образованнѣйшими въ то время. Принимая въ соображеніе, что духовенство пользовалось въ тогдашнемъ обществѣ множествомъ привилегій политическихъ, играло важную роль въ совѣтахъ князей, мирило ихъ между собою, было посредникомъ между верховною властію и обществомъ по самому своему сану, сверхъ того имѣло въ рукахъ своихъ значительную часть судебной власти, и наконецъ, должно было отличаться отъ всѣхъ сословій любовью къ истинѣ; можно бы было ожидать отъ лѣтописей болѣе удовлетворительнаго выполненія исторической задачи. Но на самомъ дѣлѣ, лѣтописцы наши, вѣрные тому взгляду на исторію, который господствовалъ во всей Европѣ до начала XVIII-го столѣтія, не подозревали, что она должна быть живою и вѣрною картиною прошедшей жизни человѣчества или части его, и ограничивались хронологическимъ изчисленіемъ событій, казавшихся имъ достопамятными, причемъ самый выборъ фактовъ также былъ не систематическій и не всегда разумный.

Смиренные монахи, погруженные въ созерцаніе божества, мало обращали вниманія на дѣла мірскія и вносили ихъ въ свои завѣтныя хартіи не иначе какъ съ равнодушною небрежностію и даже съ презрѣніемъ. Вниманіе ихъ болѣе всего устремлялось на явленія небесныя, въ которыхъ видѣли они предзнаменованіе наказаній, ожидавшихъ грѣшное чело-вѣчество; затѣмъ, личность князей, ихъ семейство, войны съ сосѣдями, и наконецъ, нѣкоторыя произшествія поучительныя для морали,—вотъ все, чѣмъ зани-

мались лѣтописцы. Дивную реставрацію этихъ понятій находимъ мы въ «Борисъ Годуновъ» въ слѣдующихъ словахъ Пимена:

Сей повѣстью плачевной кончу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыхъ чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.

Само-собою разумѣется, что при описаніи происшествій вы не найдете изслѣдованія ихъ причинъ и слѣдствій; ни тѣ ни другія не могли быть доступны монаху, котораго навѣки отдѣляли отъ міра стѣны обители; даже о происшествіяхъ современныхъ болѣею частію писали по слуху, на основаніи разсказовъ благочестивыхъ мірянъ, посѣщавшихъ спасавшихся иноковъ; правило: *гласъ народа, гласъ Бога*, было въ то время выше всякой исторической критики; но всего лучше снова обратиться къ поэту, изобразившему намъ въ не многихъ, но все выражающихъ строкахъ весь внутренній міръ лѣтописца, его собственный взглядъ на свою задачу, на цѣль своего труда, и на достоинства, которыя самъ желалъ бы въ немъ видѣть. Вотъ стихи драгоцѣнные и для искусства и для науки:

Пименъ пишетъ предъ лампадой.

Еще одно послѣднее сказанье —

И лѣтопись окончена моя,

Исполненъ долгъ завѣщанный отъ Бога
 Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
 Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
 И книжному исскуству вразумилъ:
 Когда нибудь монахъ трудолюбивый
 Найдеть мой трудъ усердный безымянный;
 Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
 И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
 Правдивыя сказанья перепишетъ,
 Да вѣдаютъ потомки православныхъ
 Земли родной минувшую судьбу,
 Своихъ царей великихъ поминаютъ
 За ихъ труды, за славу, за добро—
 А за грѣхи, за темныя дѣянья,
 Спасителя смиренно умоляютъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что лѣтописи далеко не могутъ удовлетворить нашихъ современныхъ требованій. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что весь прошедшій міръ погибъ для насъ невосвратно, или по-крайней-мѣрѣ мы не можемъ представить его себѣ въ живой и стройной картинѣ. Нѣтъ, не все потеряно: обыкновенный житейскій бытъ, именно общественную и нравственную жизнь народа, мы можемъ еще возстановить при помощи народныхъ преданій, пѣсенъ, поговорокъ, богословской литературы и самаго языка, какъ хранилища народныхъ понятій и наконецъ, при помощи повѣствованій иностранцевъ объ особенностяхъ русскаго народа. Но на эти важные источники обращено вниманіе только въ послѣднее время. Славяне, отставшіе въ обработываніи своей исторіи отъ прочихъ европейскихъ народовъ, ранѣе всѣхъ замѣтили однако жъ, всю важность такъ называемыхъ вспомогательныхъ источниковъ и принялись съ жаромъ за тщательное ихъ изученіе. И мы Русскіе, не отстали отъ своихъ соплеменниковъ. Первымъ на этомъ поприщѣ является у насъ г. Сахаровъ. Впрочемъ, такъ какъ этотъ взглядъ на обработку древней исторіи принадлежитъ новѣйшему времени, то

мы поговоримъ объ немъ въ своемъ мѣстѣ. Укажемъ здѣсь, только для примѣра, на труды г-на Висковатаго, какъ искусно воспользовался онъ одними названіями одеждъ древнихъ Руссовъ встрѣчающихся въ лѣтописяхъ: сличивъ мѣста, въ которыхъ попадаются эти названія, онъ вывелъ чрезвычайно ловкія заключенія объ истинномъ ихъ значеніи. Точно также, напри- мѣръ, изъ илирійскихъ народныхъ пѣсенъ, можно заключить, что въ отдаленномъ Дубровникѣ (Рагузѣ) было народное *вѣче*, подобное новгородскому *. Мы бы могли указать тысячи подобныхъ примѣровъ, доказывающихъ всю важность новѣйшаго обрабо- тыванія исторіи, но не въ этомъ цѣль этой статьи. Обратимся еще въ послѣдній разъ къ нашимъ лѣто- писямъ.

Съ половины XVI столѣтія монахи лишаются права продолжать лѣтописи, по-крайней-мѣръ въ Великомъ Княжествѣ Московскомъ. Тамъ, начиная съ половины царствованія Іоанна Грознаго лѣтописи сочинялись самимъ правительствомъ. Г. Берениковъ, дѣлавшій обзоръ древнихъ рукописей хранящихся въ библіо- текѣ Императорской Академіи Наукъ, и открывшій

* Въ Далмаціи весь свободный народъ созывается былъ звукомъ большаго колокола въ народное собраніе, которое въ одной старин- ной пѣснѣ называется такъ какъ и въ Россіи:

U Viechieje nigda ne primayte
Za glavare take ne Stavliayte
Vech mechte vazda Starenike
Za glavare i vasze vichni
Koje chie yas lipo Svitovati
I nauke prave kasiyati

То есть. Никогда не принимайте ихъ на вѣче, также не поста- вляйте ихъ начальниками, а поставляйте всегда старѣйшихъ на- чальниками и вѣчниками, которые хорошо будутъ вамъ совѣтовать и показывать правое ученіе.

«Перечень дѣлъ Московской Царской Канцеляріи XVI вѣка», между прочимъ говоритъ въ какихъ ящикахъ хранились какія бумаги. На одномъ изъ этихъ ящиковъ надписано: «Списки черные, писалъ память, что писати въ лѣтописецъ лѣтъ новыхъ»^{*}. Далѣе «въ 76 (1568) году августа, лѣтописецъ и тетради посланы къ государю въ слободу». Въ оглавленіи одинъ ящикъ поименованъ: «ящикъ 224», а въ немъ списки, что писати въ лѣтописецъ; лѣта новыя прибраны отъ лѣта 7068 до лѣтъ 7074 и до 76». Выписка эта заключается словами г-на Бередникова: Слѣдовательно наши лѣтописи въ XVI вѣкѣ сочинялись не монахами, но чиновниками въ канцеляріи царя и подъ непосредственнымъ его надзоромъ^{**}.

Изданіе лѣтописей подъ непосредственнымъ надзоромъ царя могло имѣть двѣ цѣли: — или для точности въ показаніяхъ, передаваемыхъ потомству, или для выполненія личныхъ его видовъ.

Теперь приступимъ къ разрѣшенію, по возможности слѣдующаго вопроса: кѣмъ писаны наши лѣтописи, въ какихъ областяхъ обширной Руси, и на какихъ нарѣчіяхъ? Въ этихъ вопросахъ встрѣчаемъ мы много обстоятельствъ запутанныхъ объяснителями и даже вовсе не разрѣшимыхъ. Лѣтописи наши писаны на трехъ главнѣйшихъ русскихъ нарѣчіяхъ, то есть, южномъ или малороссійскомъ, великороссійскомъ, и бѣлорусскомъ, съ примѣсью церковно - сла-

^{*} Т. е. черновыя бумаги, или замѣчанія, содержащія въ себѣ историческіе факты, которые, по утвержденію царя, вносились въ лѣтописецъ. Извѣстно изъ другихъ источниковъ, что по окончаніи редакціи, лѣтописи, переписанныя набѣло, въ огромныхъ фоліантахъ хранились въ царской бібліотекѣ; съ ними въ нужныхъ случаяхъ справлялись офиціально.

^{**} Ж. М. Н. Пр. 1835 года, Май. Стр. 257.

вянскаго языка. Относительно времени, мы постараемся изложить лѣтописную нашу дѣятельность по вѣкамъ, указывая на главнѣйшихъ лѣтописцевъ, имена которыхъ до насъ дошли, не оставляя безъ вниманія и безыменныхъ лѣтописей.

Лѣтописная дѣятельность.

А. до нестора то есть до конца XI вѣка.

Многимъ конечно покажется странно, что мы хотимъ говорить о лѣтописной дѣятельности до Нестора, но изъ нижеслѣдующаго читатели наши увидятъ, что это дѣлается не безъ основанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еще до Нестора на Руси нѣкоторые духовные вели записки, которыми и воспользовался Несторъ. Неопровержимымъ доказательствомъ этого факта служить самая форма его лѣтописи. Мы довольно приблизительно можемъ показать время, въ которое онъ жилъ и писалъ. Съ другой стороны, мы знаемъ что лѣтопись его заключаетъ въ себѣ пространство времени около 250 лѣтъ. Если бы Несторъ писалъ о томъ что было за 200 лѣтъ до него по одному слуху, по преданію,—то онъ бы не говорилъ:

«Въ лѣто 6416, въ лѣто 6417, въ лѣто 6418. Въ лѣто 6419 явися звѣзда велика на западѣ купиннымъ образомъ». Преданіе народное не можетъ удержать въ памяти въ какомъ году случилось какое либо происшествіе; это можетъ быть упрочено для потомства только письменностію.

Притомъ, уже самая краткость извѣстія: «явися звѣзда велика на западѣ купиннымъ образомъ» показы-

ваетъ, что оно почерпнуто изъ записокъ очевидца. Такъ и теперь еще множество нашихъ монаховъ и стариковъ, живущихъ въ провинціи, записываетъ не только произшествія важныя, но и самыя обыкновенныя метеорологическія и домашнія наблюденія, какъ это уже замѣтилъ Пушкинъ въ своей лѣтописи села Горохина. Отъ подобныхъ извѣстій всегда можно отличить то, что писано по преданію, какъ напр. разсказъ объ основаніи Кіевопечерскаго монастыря, въ которомъ уже нѣтъ никакой опредѣленной хронологіи: много, если означено, въ чье княженіе случилось повѣствуемое. Вотъ разсказъ преданія: се же да скажемъ, что ради прозвася Печерскій Монастырь: Боголюбивому князю Ярославу любящу Берестовое и церковь ту сущу святыхъ Апостолъ иконы мнози снабдящу, въ нихъ же бѣ презвитеръ и т. д.

На этомъ мы основываемъ свое мнѣніе, что Несторъ при составленіи своей лѣтописи пользовался записками своихъ предшественниковъ.

Не говоримъ уже о томъ, что все сказанное имъ въ началѣ его лѣтописи заимствовано изъ греческихъ хронографовъ, которыми онъ пользовался въ болгарскихъ переводахъ. Хронографы писанные на болгарскомъ языкѣ имѣли вліяніе и на дальнѣйшее развитіе лѣтописей. Вы встрѣчаете въ лѣтописи Нестора на ряду съ русскими словами и такія, которыхъ значеніе для природнаго русскаго человека непонятно, но эти слова еще понынѣ вы найдете въ нарѣчій илирійскомъ напр. *Лазити, кола, вариве* и т. д.

Послѣ этого мы очень можемъ вѣрить тому, что новгородскій епископъ Іоакимъ Корсуньянинъ, бывшій въ Новгородѣ въ 992 году и жившій до 1030 г., тоже велъ записки, которыя можетъ-быть и не были извѣстны Нестору, но о которыхъ знали тамъ гдѣ жилъ Іоакимъ. Здѣсь кстати вспомнить о лѣто-

писи, которую Татищевъ приписываетъ Іоакиму утверждая будто она древнѣе Несторовой. Мы не станемъ выписывать всѣхъ мнѣній нашихъ историковъ объ этой лѣтописи. Скажемъ только, что никто не обратилъ на нее надлежащаго вниманія. Тетрадки, которыя Татищевъ приписываетъ Іоакиму, были написаны позже Нестора, что доказывается слѣдующимъ мѣстомъ: «о князяхъ русскихъ старобытныхъ, Несторъ монахъ не добръ свѣдомъ бѣ, что ся дѣяло у насъ Славянъ во Новѣгородѣ, а святитель Іоакимъ добръ свѣдомый написа и т. д.

Нужно было прочесть прежде лѣтопись Нестора, а потомъ Іоакима, чтобы сказать, что одинъ зналъ о такихъ-то происшествіяхъ лучше другаго. Сочинитель этихъ тетрадокъ, какъ видно, былъ Новгородецъ, знатокъ языковъ: греческаго, славянскаго книжнаго, а вѣроятно и другихъ, пользовавшійся не только лѣтописями, но и преданіями народными и сказаніями иностранцевъ, можетъ быть даже исландскими сагами. Если мы вспомнимъ, что Новгородъ уже въ XIII вѣкѣ былъ въ сношеніи съ западомъ гораздо тѣснѣе чѣмъ Кіевъ, разоренный уже въ то время Татарами; то намъ во все не трудно будетъ допустить подобное смѣшеніе различныхъ понятій, выразившихся въ тетрадкахъ приписываемыхъ Іоакиму. Въ нихъ есть многія мѣста, ведущія къ различнымъ догадкамъ: въ нихъ встрѣчаемъ много согласнаго съ Несторомъ, многое, можетъ быть, заимствовано, ихъ сочинителемъ, изъ лѣтописи Іоакима, судя по древности повѣствованія и по правдоподобію, тѣмъ болѣе, что записки эти, какъ видно, составились совершенно въ духъ славянскомъ. Народныя преданія здѣсь чисто русскія, какъ напримѣръ: сказаніе о Изборѣ, Владимірѣ и Столпосвятѣ, вѣрно характеризуютъ Русь, въ особенности сѣверную. Сказаніе о принятіи Владимі-

ромъ вѣры отъ Болгаръ и о первомъ духовенствѣ, чрезвычайно правдоподобно. Татищевъ не упоминаетъ гдѣ, по мнѣнію сочинителя этихъ записокъ, крестился Владиміръ. Но уже самъ Несторъ сообщаетъ, — что въ его время были различныя преданія: «*Се же не свѣдуще не право глаголютъ, яко крестился въ Кіевѣ, инии же рѣша въ Василевѣ, друзи инако скажуще*». И такъ, утверждая что тетрадки эти не суть списокъ съ Іоакимовой Лѣтописи, мы не отрицаемъ, что она могла существовать и что нѣкоторыя ихъ мѣста могли быть изъ нея заимствованы. Въ заключеніе остается сказать, что на Нестора нельзя смотрѣть исключительно какъ на перваго сочинителя историческихъ записокъ; напротивъ, рассматривая со вниманіемъ его лѣтопись, мы можемъ указать на всѣ мѣста, которыя доказываютъ, что трудъ его есть сводъ болгарскихъ хронографовъ, многихъ туземныхъ записокъ и сказаній старожиловъ, въ особенности старца Яня. Доказательства этого мнѣнія будутъ изложены при разборѣ его лѣтописи.

В. НЕСТОРЪ ИЛИ КОНЕЦЪ XI ВѢКА.

Лѣтописная дѣятельность, въ собственномъ смыслѣ, является на Руси въ исходѣ XI столѣтія. Она явилась и могла явиться только въ южной Руси, куда въ концѣ XI вѣка успѣла уже проникнуть византійская цивилизація, а съ нею и хронографы, которые послужили образцами для нашихъ *временниковъ* *.

* Названіе *Временникъ* должно быть гораздо древнѣе слова *Лѣтопись*, ибо первое показываетъ чистый переводъ греческаго слова *хронографъ*, между-тѣмъ какъ второе обнаруживаетъ вліяніе Запада и есть переводъ латинскаго слова *annales*.

Первымъ русскимъ лѣтописцемъ (въ смыслѣ компилятора) былъ Несторъ, монахъ Кіевопечерскаго Монастыря. По изслѣдованіямъ Татищева, Миллера и Шлёцера, онъ родился въ 1056 г., но мѣсто рожденія его съ точностію не извѣстно. Мнѣнія объ этомъ предметѣ какъ отечественныхъ писателей такъ и иностранныхъ совершенно различны. Доказательства, которыми они подкрѣпляютъ свои догадки, шатки, и потому сомнѣваться съ ними нельзя. Достоверно только то, что онъ былъ природный Русскій, чему неоспоримымъ доказательствомъ служитъ языкъ лѣтописи. На 17 году (какъ пишетъ самъ о себѣ) онъ пришелъ въ Кіевопечерскій Монастырь и постриженъ въ монахи, вѣроятно черезъ годъ, игуменомъ Стефаномъ; а потомъ посвященъ въ діаконы. Въ 1091 году ему поручено было съ двумя братіями отыскать мощи преподобнаго Феодосія, что онъ и исполнилъ. Вотъ все что извѣстно изъ его жизни, притомъ въ Печерскомъ Патерикѣ сказано еще: что, онъ поживъ лета довольна, труждаясь въ дѣлахъ лѣтописанія и лета вѣчная поминая *, и тако добръ угоди Творцу лѣтомъ, къ нему же по лѣтѣхъ временныхъ довольныхъ представися на вѣчность, и положенъ есть въ пещерь. Это мѣсто Патерика тѣмъ для насъ важно, что, если онъ составленъ и въ XIII вѣкѣ, это всё-таки оно доказываетъ, что уже тогда Несторъ былъ почитаемъ лѣтописцемъ.

Историкамъ нашимъ XVIII столѣтія, или лучше сказать, первымъ изслѣдователямъ отечественныхъ лѣтописей не довольно было знать, что Несторъ жилъ долго, — нѣтъ; изъ словъ по лѣтѣхъ довольныхъ Миллеръ заключаетъ, что онъ жилъ 59 лѣтъ. Шлёцеру

* Что-то въ подѣ: dies antiquos cogitavit et annos eternos in mente habuit.

этого показалось мало, онъ прибавилъ ему еще одинъ годъ и говоритъ, что онъ жилъ 60 лѣтъ. Такимъ образомъ можно бы дойти до 90, что было бы гораздо вѣрнѣе! Подобныя изслѣдованія превосходно характеризуютъ и вѣкъ и людей, которые владѣли особенною способностію переводить слова въ цыфры — довольно въ 60, слѣдовательно не довольно въ 30, 40, 50 и т. д.?? Этого мало, — первый, говоритъ, что онъ, (Несторъ) проживъ 40 лѣтъ въ монастырѣ, началъ писать свою лѣтопись съ 1113 года, и продолжалъ до конца своей жизни, то есть, до 1115, по мнѣнію же Шлѣцера до 1116 г.; между тѣмъ какъ Татищевъ полагаетъ что только до 1094 года, потому-де, что 1093 годъ оканчивается у него набожнымъ увѣщаніемъ и словомъ *аминь*. Миллеръ и Шлѣцеръ опровергаютъ его мнѣніе во-первыхъ тѣмъ, что не подъ однимъ только этимъ годомъ поставлено слово *аминь*, а во-вторыхъ тѣмъ, что первый продолжатель его лѣтописи Сильвестръ, игуменъ выдубицкій, не могъ сказать о себѣ при нашествіи на Кіевъ половецкаго князя Боняка: *«и приидоша на монастырь, намъ сущимъ почивающимъ по келліямъ»* *, а слѣдовательно, Несторъ писалъ еще въ 1096 году и продолжалъ до 1116, гдѣ уже Сильвестръ прямо выставляетъ свое имя. Но по сличеніи подлинника лаврентьевскаго списка съ кенигсбергскимъ, который при изданіи въ семь мѣстъ, также какъ и во многихъ другихъ, испорченъ и перемѣшанъ, ясно видно, что Несторъ пересталъ писать свою лѣтопись 6618, то есть, 1110 года, а Сильвестръ началъ съ 6619, то есть, 1111 года и кончилъ 6624 или 1116 годомъ. Вотъ его слова:

«Се азъ, игуменъ Сильвестръ свята Михаила, напи-

* Это мѣсто просто значитъ, что Бонякъ напалъ на монастыря на разсвѣтѣ, когда всѣ спали.

сахъ (можетъ быть только *списалъ*) книги сіи лѣтописецъ, надѣясь отъ Бога милость пріяти при (Великомъ) Князѣ Володимірь; княжущу ему Кыевъ (въ Кіевѣ), а мнѣ въ то время игуменящу (бывшему игуменомъ) у Свята Михаила въ 6624 индикта 9 лѣтъ, а иже чтеть книги сія, то буди ми въ молитвахъ». Потомъ онъ, или кто-либо другой продолжаетъ лѣтопись словами: въ лѣто 6619 идоша весны на Половцы Святополкъ, Володимірь, и проч.

Послѣ Сильвестра съ 1116 года продолжалъ несторову лѣтопись, по сказанію Татищева, *Нифонтъ*, игуменъ волынскій, который и довелъ ее до 1157 года; а послѣ него неизвѣстный — до 1203 года. Съ этого времени въ лѣтописяхъ начинаются большія разногласія, доказывающія, что продолжатели ея были различные. Изъ нихъ, по замѣчанію Татищева же, извѣстны только по именамъ: *Симонъ*, епископъ володимірскій, и *Іоаннъ* священникъ новгородскій (о нихъ въ своемъ мѣстѣ). До насъ не дошли ни подлинникъ Нестора, ни его продолжателей какъ равно и списки съ нихъ XII и XIII столѣтій, которые вѣроятно истреблены временемъ, и нашествіемъ Татаръ, а уцѣлѣло множество позднѣйшихъ списковъ, хранившихся долгое время въ разныхъ библіотекахъ и архивахъ, а теперь собранныхъ въ Археографическую Коммиссію. Ни одинъ изъ нихъ не восходитъ далѣе половины XIV столѣтія, они писаны вначалѣ на пергаментѣ а въ XV столѣтіи и на бумагѣ. Мы не станемъ изчислять ихъ здѣсь, всѣ они подробно описаны Археографическою Коммиссіею, которая вѣроятно описаніе это помѣститъ въ предисловіи къ издаваемой лѣтописи Нестора; скажемъ только что одинъ списокъ лѣтописи Нестора называемый *троицкимъ* и относимый нашими палеографами и археологами къ XV столѣтію сгорѣлъ въ Москвѣ 1812 года, радзивилов-

скій или кенигсбергскій напечатанъ весьма неисправно въ Спб. 1767 года in 4°. Когда Миллеръ предложилъ издать его, президентъ Академіи Наукъ Таубертъ поручилъ это дѣло академическому переводчику Ивану Баркову, — поэту, со всѣмъ къ тому неспособному, и какъ пишетъ Шлёцеръ, позволилъ ему даже кое-что выпустить и прибавить, а древній языкъ измѣнить на новѣйшій. Такъ понимали въ XVIII вѣкѣ всю важность древнихъ памятниковъ! Миллеръ не могъ оспорить такого распоряженія президента и отказался отъ всякаго участія въ этомъ изданіи. Предисловіе къ нему нависалъ Шлёцеръ по плану Тауберта. Послѣ кенигсбергскаго списка изданъ *Никоновскій* въ Спб. 1767—1792 года въ 8 частяхъ; потомъ *Новгородскій* первый въ М. 1781 года. *Безымянный* въ Москвѣ же, 1784 г. *Новгородскій* второй въ Спб. 1786 г. *Софійскій* въ Спб. 1796 г., одна только часть и проч. Всѣ in 4°, кромѣ Новгородскаго втораго.

Важнѣйшее изданіе Несторовой лѣтописи есть Шлёцеровъ, — *сличенный Несторъ*, надъ составленіемъ котораго сочинитель трудился 40 лѣтъ. Онъ изъяснилъ въ немъ труднѣйшія мѣста, сличивъ разные его списки во-первыхъ между собою, во-вторыхъ съ лѣтописцами византійскими и латинскими среднихъ вѣковъ. Все почти, до тѣхъ поръ не понятное въ древней его космографіи, сдѣлалось понятнымъ по сличеніи русскихъ собственныхъ именъ съ греческими и латинскими, находящимися въ *Пасхальной Хроникѣ* Синкелла, у Кедрина и у западныхъ лѣтописцевъ. Нынѣ извѣстно, что многое Несторъ заимствовалъ изъ болгарскаго перевода лѣтописи архимандрита Георгія Гамартола, греческаго лѣтописца (или ком-

пилятора) IX вѣка *. Первую часть своего Нестора, на нѣмецкомъ языкѣ, Шлёцеръ напечаталъ въ 1802 г., слѣдующія четыре части выходили потомъ одна за другою, въ Геттингенѣ, послѣдняя напечатана въ 1809 г. Сводъ этотъ доведенъ Шлёцеромъ только до князя Ярополка. Онъ переведенъ на русскій языкъ съ нѣкоторою перемѣною порядка сочиненія г. Языковымъ и изданъ въ Спб. съ 1809 — 1819 годъ въ трехъ частяхъ нѣ 8° подъ заглавіемъ: *Несторъ, Русскія Лѣтописи на древле-славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя А. Л. Шлёцеромъ.*

Уже Байеръ и Миллеръ доказывали что Несторъ многое почерпнулъ изъ греческихъ лѣтописцевъ; а Шлёцеръ обнаружилъ это гораздо яснѣе, приведя изъ подлинниковъ заимствованныя имъ мѣста. Но какъ сказано выше, Несторъ пользовался не подлинными греческими лѣтописцами а въ славянскомъ или болгарскомъ переводѣ Гамартола, который самъ былъ компиляторомъ древнихъ греческихъ лѣтописей и хронографовъ; изъ него Несторъ могъ заимствовать все введеніе въ свою лѣтопись до Рюрика. Онъ начинаетъ свой *Временникъ* библейскимъ родословіемъ точно также какъ и Гамартоль; во многихъ мѣстахъ, онъ переписывалъ цѣлыя страницы слово въ слово, придерживаясь текста и хронологіи подлинника (это уже доказано Шлёцеромъ). За тѣмъ Несторъ вносилъ въ свою лѣтопись выписки изъ записокъ веденныхъ его предшественниками, современныя народныя преданія о первыхъ русскихъ князьяхъ, и наконецъ собственные замѣчанія. Замѣтимъ однако жъ что Татищевъ

* Подлинникъ этой лѣтописи хранится въ Парижской публичной библіотекѣ.

подъ 1031 г. своей исторіи говоритъ отъ имени лѣтописца, что въ Новѣгородѣ бѣ Ефремъ, который насъ училъ греческому языку: но такъ какъ Несторъ тогда еще и не родился, то это мѣсто относится не къ нему; но не доказываетъ ли это что Несторъ, при составленіи своей лѣтописи, пользовался записками, составленными въ Новѣгородѣ кѣмъ-либо жившимъ послѣ Іоакима, умершаго уже въ 1030 г.? а что въ этомъ мѣстѣ говорится въ первомъ лицѣ, то это можно изъяснить слѣдующимъ: во-первыхъ, что Несторъ или непосредственно продолжалъ записки писанныя въ Новѣгородѣ и потому въ обѣихъ лѣтописяхъ говорится въ первомъ лицѣ, и выходитъ какъ будто-бы онъ писаны были однимъ лицомъ, или, можетъ быть, въ прежнія времена по неумѣнію сочинять, сводить, составлять * изъ нѣсколькихъ повѣствованій одно полное сказаніе, заимствуя отъ другаго лѣтописца вносилъ его разсказъ въ свою лѣтопись, въ прежней его формѣ **. Такимъ образомъ могъ быть внесенъ Несторомъ въ лѣтопись переданный въ 1-мъ лицѣ разговоръ Василія, монаха червенской или волынской области, *** съ княземъ Василькомъ ослѣпленнымъ, къ которому первый былъ посломъ, 1029 г. Это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что непосредственно передъ 1098 годомъ именно въ 1097, у Татищева поставлены отъ имени лѣто-

* Тѣмъ болѣе что Несторъ и самъ говоритъ о себѣ въ предисловіи къ Патерику, что онъ человѣкъ не ученый ни коея же хитрости.

** Доказательствомъ служитъ и то, что даже продолжатели и переписчики XIV и XV столѣтій, переписывая лѣтописи, оставляли прежнюю ихъ форму; и въ самыхъ послѣднихъ сохранилось повѣствованіе Нестора въ первомъ лицѣ.

*** По мнѣнію Карамзина, Т. II. примѣч. 184.

писца слова: «случилось мнѣ тогда быть во Владимі-
 «рѣ, смотрѣнія ради училищъ и наставленія учите-
 «лей;» въ пушкинскомъ же спискѣ эти слова прямо
 приписаны *Василію*. Сильвестръ могъ несторову
 лѣтопись списать въ такомъ видѣ въ какомъ еѣ нашелъ,
 не отваживаясь ни на какую перемѣну текста; такимъ
 образомъ все вмѣстѣ съ его продолженіемъ, вышло въ
 первомъ лицѣ. Слово *аминь*, встрѣчающееся нѣсколь-
 ко разъ, не означаетъ ли также, что лѣтопись состав-
 лена изъ нѣсколькихъ повѣствованій, сведенныхъ въ
 одно цѣлое въ ихъ первоначальномъ видѣ. Или, мо-
 жетъ быть, она была достояніемъ монастыря и со-
 ставлялась въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ
 лѣтъ; монахи могли писать еѣ одинъ за другимъ. По-
 этому, только въ XIII и XIV ст. при списываніи съ
 подлинника, по однимъ пропускамъ легко можно бы-
 ло отличить сказанія каждаго; а теперь, когда въ
 XV и XIV вѣкахъ позднѣйшіе переписчики слили все
 въ одинъ рассказъ, пополнили пропуски и дали лѣ-
 тописи болѣе стройности и послѣдовательности, раз-
 ложеніе ея на первоначальные элементы, чрезвычайно
 трудно и даже не возможно.

Замѣчательнѣе всего то, что Несторъ писавшій
 въ XI вѣкѣ, когда вся Европа была погружена во
 тмѣ невежества и варварства, не наполнилъ своей
 лѣтописи баснословіями о происхожденіи и родона-
 чальникахъ народовъ, какъ другіе, жившіе послѣ
 него сѣверные лѣтописцы. Правда, слѣдуя визан-
 тійскимъ историкамъ, онъ начинаетъ свою лѣтопись
 отъ столпотворенія, и производитъ Славянъ отъ Іафе-
 та; но, при описаніи сѣвера, вдругъ обнаруживаетъ
 онъ такіа свѣденія о сѣверныхъ народахъ, какихъ
 нельзя найти ни въ одномъ лѣтописцѣ, жившемъ до
 него. Онъ съ точностію означаетъ ихъ жилища, от-
 личаетъ народы смѣжные и отдаленные отъ Славянъ,

замѣчаетъ ихъ переселеніе и соединеніе, и потомъ уже приступаетъ къ исторіи Славянъ сѣверныхъ. Это еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе, что онъ пользовался записками какого-нибудь новгородскаго жителя, гдѣ по прибытіи Варяговъ гораздо легче можно было узнать ихъ исторію чѣмъ на югѣ. Митрополитъ Евгеній предполагалъ уже, что Несторъ при описаніи отечественныхъ событій, могъ пользоваться какими-нибудь записками предковъ. Теперь это несомнѣнно. Подробное описаніе Несторомъ корсунской церкви и тамошнихъ палатъ Владиміра и царицы греческой, намѣкаетъ намъ на то, что Несторъ пользовался, не народнымъ преданіемъ, которое не могло сохранить въ памяти такихъ подробностей какія здѣсь встрѣчаются, а записками очевидца, можетъ-быть и Іоакима, который все это видѣлъ.

Несторъ многое зналъ, какъ самъ объявляетъ, отъ товарища своего монаха Яня, жившаго 90 лѣтъ, и умершаго въ 1106 г., слѣдовательно родившагося около 1016 г. спустя годъ по смерти великаго князя Владиміра; а многого и самъ былъ очевидцемъ. Притомъ же онъ писалъ свою лѣтопись спустя не болѣе 250 л. послѣ прибытія Варяговъ, и потому могъ пользоваться еще не весьма измѣненными преданіями. Вѣрность его сказаній доказывается и тѣмъ, что хотя продолжатели и переписчики его лѣтописи, иногда прибавляли нѣкоторыя мѣстные извѣстія, можетъ-быть не дошедшія до Нестора: однако жъ никогда не осмѣливались ничего перемѣнить изъ его собственныхъ сказаній, а развѣ только отъ недоразумѣнія, портили собственные имена и толковали по своему понятію, и чрезъ то вносили въ лѣтопись много нелѣпаго и несправедливаго; существенная же часть повѣствованія несторова всегда оставалась неприкосновенною. Сами иностранцы отдали Нестору полную справедливость,

и заимствовали изъ его лѣтописи много извѣстій къ нимъ относящихся, не находя ничего достовѣрнаго. Шлѣцеръ сличивъ различные списки его лѣтописи со всѣми сѣверными лѣтописцами, отдалъ ему преимущество предъ всѣми. «Сей Руссъ, говоритъ онъ, превосходитъ позднѣйшихъ Шотландцевъ и Поляковъ, какъ иногда затмѣвающійся разсудокъ превосходитъ безпрестанную глупость.» Хотя Несторъ подражалъ византійскимъ лѣтописцамъ, которыхъ зналъ по болгарскимъ переводамъ, однако жъ слогъ его повѣствованія похожъ болѣе на библейскій, чѣмъ на византійскій. Дѣйствующія у него лица говорятъ сами, какъ и въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завета. Онъ часто вводитъ изрѣченія Священнаго Писанія, дѣлаетъ набожныя, или нравственныя размышленія, описываетъ знаменія и чудеса *. Хронологія начинается у него по кенигсбергскому списку съ 858 г. а по лаврентьевскому съ 852, но сначала весьма сбивчива и съ пропусками многихъ лѣтъ. Съ 879 г. онъ все описываетъ уже пространнѣе и точнѣе. Только съ XVII вѣка имя его стало извѣстно иностранцамъ. Гербиній и Бергъ ссылаются уже на него, а Лейбницъ желалъ имѣть списокъ съ его лѣтописи. Но въ 1732 г. переводчикъ несторовой лѣтописи, напечатанной сокращенно на нѣмецкомъ языкѣ, въ Миллеровомъ Собраніи Россійской Исторіи, не понявъ словъ: Книга Лѣтописецъ Черноризца Θεодосіева Монастыря, принялъ слово Θεодосіева, за Θεодосіа, и назвалъ его симъ именемъ. Отъ этого многіе иностранные писатели называли его Θεодосіемъ, пока

* Впрочемъ, можетъ-быть, это все принадлежитъ его переписчикамъ и дополнителямъ?

Миллеръ не объяснилъ ошибки *. Къ сей погрѣшности еще присоединились и другія, такъ на-примѣръ: въ *Юхеровомъ Ученомъ Словарѣ*, изданномъ 1751 года, сказано, что Несторъ жилъ въ XVII столѣтіи. Моллеръ въ своемъ описаніи *Эстляндіи* и *Финляндіи*, изданномъ на шведскомъ языкѣ 1756 г. не вѣритъ даже, чтобы когда-нибудь существовалъ Несторъ и проч.

Кромѣ русской лѣтописи, Несторъ, по общему мнѣнію писалъ *Житія Преподобныхъ Печерскихъ*, помѣщенные въ I-й части *Патерика Печерскаго*. Но жизнеописанія эти дошли до насъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ вышли изъ-подъ пера его; потому-что о самомъ Несторѣ упоминается въ нихъ уже въ третьемъ лицѣ. Въ предисловіи къ *Патерику* сказано, что подлинникъ потерялся во время военныхъ смутъ; а списокъ его сохранилъ намъ Симонъ, епископъ володимірскій и суздальскій, выбравъ изъ его только достопамятнѣйшее. Нельзя также утвердительно сказать, прежде ли, или послѣ своей лѣтописи писалъ Несторъ эти жизнеописанія. Шлёцеръ полагаетъ, что прежде; а Татищевъ говоритъ, что послѣ: но скорѣе можно согласиться съ первымъ. Напротивъ того, одинъ изъ членовъ общества *Исторіи и Древностей Россійскихъ*, доказываетъ, что Несторъ не писалъ особаго *Патерика*, а жизнеописанія помѣщенные въ *Патерикъ* и ему приписываемыя, включилъ онъ въ свою лѣтопись, изъ которой въ послѣдствіи онъ перенесены въ *Патерикъ* *.

* См. Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащихъ, на 1751 г. мѣсяцъ Апрѣль при описаніи жизни и лѣтописи Несторовой.

* Записки и Труды Общества Исторіи и Древност. Рос. Ч. I. стр. 53 и слѣд.

Въ предисловіи къ жизнеописанію преподобнаго Θεодосія, по рукописнымъ патерикамъ, самъ Несторъ говоритъ о себѣ: *исперва писавшу ми о житіи и погубленіи, и о чудехъ Святою Блаженною Страстотерпцю Бориса и Глѣба и понудихся на другое исповѣданіе* (то есть, жизнеописаніе Θεодосіево) *приити*. Но эти слова, въ печатномъ патерикѣ, пропущены, а жизнеописаніе князей, сочиненное Несторомъ, до нынѣ еще не издано и находится въ числѣ рукописей Румянцевскаго Музея. Въ концѣ сего списка находятся слѣдующія слова: «Се же азъ Нестеръ грѣшный о житіи и погубленіи и о чудехъ сѣхъ Святою и Блаженною Страстотерпцю сею опасне вѣдущихъ не писахъ я, другая самъ свѣдѣй, отъ многихъ мало вписавъ, да почитающе славятъ Бога. Молю же вы и почитающе, да любви ради Божіе вспоминайте мя и глаголете: Боже молитва Преблаженною Страстотерпцу Бориса и Глѣба очисти грѣхи списавшаго си, негли вы оставленіе грѣховъ получите благодатию и щедротами и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ нимъ же отцу слава купно съ Святымъ Духомъ нынѣ и присно.» Замѣчательно, что сочинитель житія сихъ благовѣрныхъ князей, помѣщеннаго въ степенныхъ книгахъ, пользовался и симъ Несторовымъ сочиненіемъ, дополняя его изъ другихъ.

Въ новѣйшее время, а именно послѣ появленія Исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина, вопросъ о Несторѣ сдѣлался довольно запутаннымъ. Одни ученые начали сомнѣваться въ его существованіи, и въ томъ, что онъ самъ велъ лѣтопись до 1116 года; другіе совершенно отрицали его существованіе, третіе опровергали тѣхъ и другихъ. Мы не можемъ пускаться въ подробное изложеніе исторіи этихъ мнѣній; скажемъ только что, этотъ вопросъ могъ бы быть окончательно рѣшенъ не иначе

какъ при помощи множества списковъ и историческаго безпристрастія въ заключеніяхъ. Первому условію болѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ изслѣдователей нашей Исторіи, удовлетворяетъ г. Строевъ, ибо никому не удавалось имѣть подъ руками такого множества лѣтописей. Но самое заключеніе его кажется намъ слишкомъ утрированнымъ. Вотъ слова его: «Много писано въ новѣйшее время о Несторѣ, монахѣ Кіевопечерскомъ, *Лѣтописатель*; но критика недовольствуется ипотезами. Да и гдѣ *Лѣтопись Несторова*? Ужели въ Сборникахъ позднѣйшихъ вѣковъ, въ коихъ она будто бы образуетъ начало (до 1110 или 1116 г.)? Подобное мнѣніе (доселѣ всеобщее) указываетъ только на отсутствіе критики въ нашей Исторіи.

Не болѣе можно сказать о Василіи и Сильвестрѣ и другихъ (будто бы) продолжателяхъ Нестора.

Но монаху Нестору конечно принадлежатъ: *Житіе св. Феодосія* и *Сказаніе о Князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ*. Первое вошло въ Патерикъ, второе встрѣчается въ Сборникахъ.

Позднѣйшія поправки слишкомъ явны» *. Итакъ произнести надъ Несторомъ рѣшительный приговоръ можно будетъ тогда, когда выйдетъ въ свѣтъ изданіе его лѣтописи, предпринятое Археографическою Комиссіею. Однако жъ въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія, да позволено намъ будетъ сказать и наше мнѣніе о Несторѣ и его трудахъ. Нельзя сомнѣваться ни въ существованіи Нестора ни въ томъ, что онъ писалъ лѣтопись, основываясь на показаніи пате-

* См. Ж. М. Н. Пр. за 1834 г. Февраль. Стр. 152. Хронологическое указаніе матеріаловъ Отечественной Исторіи и т. д.

рика, къ какой бы эпохѣ сей послѣдній не принадлежалъ.

Монахъ Несторъ первый составилъ лѣтопись на Руси по формѣ византійскихъ хронографовъ, которыми онъ пользовался въ болгарскомъ переводѣ.

При составленіи своей лѣтописи, до самого того времени, о которомъ онъ могъ писать какъ современникъ и очевидецъ, Несторъ пользовался:

1) *Греческими хронографами въ болгарскомъ переводѣ, для описанія древнѣйшихъ временъ, до прибытія Варяговъ.*—Это видно изъ самого введенія въ лѣтопись. Какъ бы могъ Несторъ знать все тамъ заключающееся безъ помощи греческихъ хронографовъ. Повѣствованіе о путешествіи святаго Андрея также вѣроятно оттуда заимствовано. Оно никакъ не могло быть вымышлено нашими монахами съ цѣлью показать, что уже издревле христіанство проникло въ Русь; самый рассказъ о баняхъ показываетъ справедливость того, что онъ именно могъ быть на Руси и, какъ житель юга, удивлялся многимъ обычаямъ северныхъ народовъ а въ особенности банямъ. Русскимъ никакъ не пришло бы въ голову рассказывать о вещахъ столь обыкновенныхъ какъ для нихъ такъ и для ихъ соотечественниковъ. Напротивъ того, мы видимъ, что еще въ XVI столѣтіи о баняхъ нашихъ говорили на западѣ какъ объ удивительныхъ диковинкахъ. Поэтому святой Андрей могъ сказать: «Дивно видѣхъ землю Словенскую, идущу ми съмо, и видѣхъ бани древяны, и пережгутъ ихъ вельми, и сволокутся, и будутъ нази, и обольются мытellyю, и возмутъ вѣтвіе, и почнутъ ся бити, и того добыють, одва вылезутъ живи сущи, и обліются водою студеною, и тако оживутъ, и тако творять по вся дни, не мучими ни чимъ же, но сами ся мучать, и тако творять не мытву себѣ, но мученіе.» Да притомъ, въ

одномъ мѣстѣ Несторъ явно упоминаетъ имя лѣтописца, которымъ пользовался; говоря: «Глаголетъ Георгій въ лѣтописаніи: коемуждо языку овѣмъ законъ исписанъ есть и т. д., что указываетъ намъ на Георгія Гамартола. Надобно также замѣтить, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Несторъ ничего не могъ сказать о происшествіяхъ въ отечествѣ, онъ повѣствуетъ о томъ, что въ то время происходило въ Греціи или у Болгаръ. Это также показываетъ, что онъ пользовался греческими хронографами. Такъ напримѣръ онъ говоритъ: «Въ лѣто 6394. Въ лѣто 6395 Леонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и братъ его Александръ, иже царствоваста лѣтъ 26», а въ слѣдующемъ за симъ мѣстѣ объ Угрехъ, и проч., что продолжается до 6411 г., тамъ уже говорится о бракѣ Игоря, сказаніе вѣроятно заимствованное изъ записокъ туземцевъ. Договоры Олега съ Греками о мирѣ также вѣроятно переведены съ греческаго; но они вставлены въ лѣтопись Нестора въ позднѣйшее время, какъ это видно изъ языка. Въ нихъ встрѣчаются слова, которыхъ до того не находимъ въ лѣтописи, напримѣръ: *убо, аще, Русинъ, сотворивый, дондеже, трійчи, егда, любо, епитимьею, вмѣнится, насльдити, утвержденіе*, также мѣсто «*мѣсяца сентября 2 недѣли 8 въ лѣто созданія міра 6420*», — по всѣмъ признакамъ гораздо позднѣйшія. Вы не встрѣтите здѣсь формы *и*, безъ которой въ древнія времена ни какъ не могли обойтись, по младенчеству рѣчи.

Далѣе: «Въ лѣто 6421 поча княжити Игорь по Ольгѣ. Въ се же время ноца царствовати Константинъ, сынъ Леоновъ, и Деревляне затворишася отъ Игоря по Ольговѣ смерти». Здѣсь отечественныя извѣстія пополнены византійскими. «Въ лѣто 6424, 6425, 6426, 6427; въ лѣто 6428 поставленъ царь Романъ въ Грекохъ; и Игорь воеваше на Печенѣги».

«Въ лѣто 6450 иде Симеонъ на Хорваты, и побѣждены бысть Хорваты, и умре, оставивъ Петра князя, сына своего Болгаромъ».

«Въ лѣто 6451 паки придоша Угре на Царьградъ, и миръ сотворившимъ имъ съ Романомъ, возвратишась во своя си».

За симъ опять слѣдуютъ повѣствованія основанныя на туземныхъ источникахъ. Договоръ Игоря съ Грими—также произведеніе позднѣйшихъ временъ; языкъ его гораздо чище предъидущаго и слѣдующія выраженія не имѣютъ никакого права на древность: *отъ всѣхъ людей русскія земли; — месть отъ Бога Вседержителя;—да того дѣля грѣха заплатитъ серебра литръ пять по закону русскому; — дондеже солнце сіяетъ, и весь міръ стоитъ въ нынѣшній вѣкъ и въ будущій*». Вообще, слова встрѣчаемыя въ договорахъ Олега и Игоря, таковы, что ихъ не могли употреблять Россы въ началѣ X-го вѣка.

2) Несторъ пользовался записками первыхъ нашихъ духовныхъ, веденными въ Кіевъ (въ особенности), въ Новгородъ, и на Волини. Мы основываемъ это на томъ, что всѣ мѣста несторовой лѣтописи, въ которыхъ лѣтописецъ говоритъ о самомъ себѣ, (въ первомъ лицѣ) не могутъ быть приписаны одному Нестору. Укажемъ на всѣ эти мѣста. Въ сказаніи о прибытіи Варяговъ говорится: *«а другій Синеусъ сиде у насъ на Бѣль Озерѣ.»* Это мѣсто показываетъ, что лѣтописецъ жилъ или родился въ сѣверной Руси. Далѣе встрѣчаемъ: *«Еодосіюжъ живущу въ монастырѣ и правящу добродѣтельное житіе и чернецкое правило, и принимающу всякаго приходящаго къ нему; къ немужъ и азъ придохъ худый, и пріять мя лѣтъ ми сущу семнадцати отъ рожденія моего. Се же писахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти монастырь, и что ради зовется*

Печерскій; а о Θεодосіевомъ житіи паки скажемъ.» Это мѣсто принадлежитъ Нестору; но изъ словъ его видно что о началѣ печерскаго монастыря было составлено имъ отдѣльное повѣствованіе, которое въ послѣдствіи при составленіи лѣтописи могло быть внесено въ нее въ прежней формѣ. Эта догадка тѣмъ болѣе вѣроятна, что съ 1051 по 1079 годъ оно составляетъ какъ бы нѣчто отдѣльное.

Подъ 1090 годомъ, между-прочимъ, говорится: «И преслѣвну празднику Успенья Богородицы тремя деньми, повелѣ Игумень рушити, гдѣ лежатъ мощи отца нашего Θεодосія, егоже повелѣнію быхъ азъ первое самовидецъ, еже и скажу; не слухомъ бо слышахъ, но самъ о семъ начальникъ» и т. д. Здѣсь также говоритъ Несторъ; и съ этого мѣста, кажется, начинается онъ писать какъ очевидецъ.

Упоминая о взятіи Половцами Торческа, Несторъ опять говоритъ о себѣ: «Се бо паче ихъ казнимъ есми за грѣхи многи, яко же и азъ грѣшный много и часто Бога прогнѣваю и часто согрѣшаю, но по милости своей Господи спаси ны». Подъ 1094 годъ, повѣствуя о саранчѣ (прузи) лѣтописецъ говоритъ: «и не бѣ сего слышано въ днѣхъ первыхъ въ Руси яже видѣста очи наши».

Повѣствуя о второмъ нападеніи Половцевъ на Кіевъ, Несторъ говоритъ о себѣ: «и придоша на монастырь печерскій, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени» то есть на разсвѣтъ. Здѣсь, кажется, и прекращается нить повѣствованія начинающагося разговоромъ объ основаніи печерскаго монастыря; а отсюда то есть, начиная съ того мѣста, гдѣ говорится о произхожденіи татарскихъ поколѣній слѣдуетъ вставка, которую Несторъ заимствовалъ, кажется, изъ сказаній другаго лѣтописца жившаго на

сѣверѣ. Насъ наводятъ на это мнѣніе слѣдующія слова лѣтописца: «се же хочу сказати, яже прежде сихъ четырехъ лѣтъ сказа ми Гуря Тогоровичъ, Новгородецъ». А можетъ быть это мѣсто и послѣ Нестора вставлено было въ лѣтопись переписчиками, которымъ могъ быть извѣстенъ самый трудъ повѣствователя о Татарахъ. Здѣсь не мѣшаетъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ Исторіи англійскаго монаха Матвѣя Парижскаго, жившаго до 1259 года, упоминается какой-то Петръ, архіепископъ русскій, которому Матвѣй приписываетъ сочиненіе «О происхожденіи Татаръ». Не изъ этого ли сочиненія заимствовано переписчиками сказаніе о Татарахъ? Впрочемъ, это не болѣе какъ догадка, которую мы не можемъ выдавать за доказательство.

Подъ 1097 годомъ встрѣчаемъ мѣсто, въ которомъ лѣтописецъ повѣствуетъ о самомъ себѣ; но подлинное принадлежитъ Василию, какъ уже замѣтилъ Карамзинъ. Лѣтописецъ повѣствуя о мирѣ Владиміра съ Святополкомъ говоритъ: «и мнѣ ту сущу въ Володимірь, въ едину ночь посла по мя Князь Давидъ Игоревичъ, и придохъ къ нему. Съяху же дружина около его, и рече ми: «Се молвилъ Василько сея ночи ко Улану и Колчу» слышу, яко идутъ Володимірь и Святополкъ на Давида, оже бы менѣ Давидъ послушалъ, да быхъ послалъ къ Володиміру; вѣдаю бо се, оже что молвлю съ нимъ, и не поидеть, и се шлю тя *», иди къ Василькови съ сими отроками, и

* Въ Пушкинскомъ, Хлѣбниковскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ спискахъ несторовой лѣтописи сказано: «Да се, Василю шлю тя; иди къ Василькови, тезу, (тескѣ) своему». Карамзинъ замѣчаетъ, слѣдственно это писано Василиемъ. Сей Василій будучи жителемъ Черешской или Волынской области, вѣроятно дополнилъ Нестора, какъ

рцы ему: аще хочеш послати мужи свои, и воротится Володиміръ, то дамъ ти, который ми любь градъ, либо Всеволожь, либо Теребовль, либо Перемышль». Азъ же идохъ (говорить лѣтописецъ) къ Василькови, и повѣдахъ ему вся рѣчи Давидовы» и такъ далѣе. Все повѣствованіе, начиная съ разсказа о происхожденіи Татаръ, смѣшано съ повѣствованіемъ Василія и продолжается до 1107 года. Оно не принадлежитъ Нестору, какъ это видно по самой формѣ разсказа, который отличается, какъ отъ предъидущаго такъ и отъ послѣдующаго. Словомъ, или Несторъ заимствовалъ его въ свою лѣтопись, или югозападные переписчики, знавшіе объ этомъ повѣствованіи, для дополненія сказаній о происшествіяхъ въ ихъ странѣ, внесли въ несторову лѣтопись записки Василія.

Послѣднее мѣсто, въ которомъ лѣтописецъ упоминаетъ о себѣ, есть разсказъ о смерти Яна. — Это мѣсто безспорно принадлежитъ самому Нестору.

3) Несторъ пользовался народными преданіями, какъ самъ объ этомъ упоминаетъ.

4) Сказаніями старца Яна.

Старецъ Янъ могъ знать многое, ибо отецъ его Вышата былъ одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, участвовавшій во мно-

человѣкъ, которому происшествія на родинѣ должны были быть лучше извѣстны. Онъ оставилъ и краткія хронологическія его извѣстія; отъ чего вышли повторенія, напримѣръ; война Святополкова съ Давидомъ, бѣдствіе Венгровъ въ Галиціи, и кончина Мстислава, описаны весьма обстоятельно, а далѣе сказано: «въ лѣто 6607 изыде Святополкъ на Давида и прогна въ Ляхы; въ се же лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчъ». Одинъ человѣкъ не могъ писать сперва подробно, а тамъ коротко о томъ же случаѣ». Ист. Гос. Рос. Т. I. прим. 184.

гихъ походахъ. Несторъ подъ 6551 годъ гово-
р ить: «посла Ярославъ сына своего Владиміра на
Греки, давъ ему вой многи, и воеводство поручи Вы-
шатъ, отцу Яневу». Замѣчательно и то, что Несторъ
упоминаетъ о Янѣ какъ о лицѣ всѣмъ извѣстномъ.
Потомъ еще два три раза говоритъ о Вышатъ, и о
Янѣ, а подъ 1106 г., въ послѣдній разъ о немъ
сказано слѣдующее: «Въ се же лѣто преставись Янъ,
старецъ добрый, живъ лѣтъ 90 въ старости маститъ
по закону Божию, не хужше первыхъ праведникъ, у
него же и азъ (здѣсь опять говоритъ Несторъ о себѣ)
многа словеса слышахъ, еже и писахъ въ лѣтописаніи
семъ, (доказательство что онъ кромѣ повѣствованія о
началѣ печерскаго монастыря писалъ и лѣтопись
самъ о томъ упоминаетъ); бѣ бо мужъ благъ, и
кротокъ и смиренъ, отгребаяся отъ всякія вещи, и
есть гробъ его въ монастырѣ Печерскомъ въ притво-
рѣ, идѣже тѣло его положено».

5) Съ 1080 года или съ 1100 по 1110, Несторъ
могъ писать какъ очевидецъ, пользовавшійся вмѣстѣ
съ тѣмъ и преданіями о происшествіяхъ въ сѣверной,
восточной и западной Руси.

Въ заключеніе скажемъ: что лѣтопись эта бы-
ла сочинена въ Кіевѣ, это явствуетъ изъ языка,
и изъ того, что одни только кіевскія происшествія
описаны подробно. Всѣ прочія—играютъ роль вто-
ростепенную. Единство лѣтописи обнаруживается
послѣ договоровъ съ Греками; и продолжается до по-
вѣствованія о началѣ печерскаго монастыря. Да-
лѣе слѣдуетъ послѣдовательное повѣствованіе про-
должающееся до разказа о происхожденіи та-
тарскихъ поколѣній. Отсюда до 1099 повѣствованіе
смѣшано съ сказаніями различныхъ лѣтописцевъ; съ
1099 по 1110 опять повѣствуетъ самъ Несторъ; съ

1110 года начинается повѣствованіе сбивчивое. Здѣсь все перемѣшано, и едва ли что нибудь изъ этой смѣси принадлежитъ Нестору.

С. продолжатели нестора въ XII вѣкѣ.

Въ продолженіе всего XII столѣтія, историческая наша дѣятельность состояла въ продолженіи и вѣроятно въ списываніи несторовой лѣтописи. На этомъ поприщѣ ознаменовались: *Сильвестръ*, епископъ переяславскій; *Нифонтъ*, игуменъ волынскій и *Іоаннъ*, священникъ новгородскій.

Первымъ продолжателемъ Нестора. а можетъ-быть только списывателемъ, по мнѣнію нашихъ историковъ былъ *Сильвестръ*, игуменъ выдубицкаго монастыря (близь Кіева), въ 1119 году посвященный въ епископа переяславльскаго, и скончавшійся въ Переяславлѣ (кіевскомъ) апрѣля 23-го 1124 года.

Съ котораго года именно началъ онъ продолжать несторово сказаніе, въ этомъ ученые не согласны между собою. Миллеръ и Шлёцеръ полагаютъ, что онъ описалъ событія, съ 1116 года по 1123, а сочинитель письма о *Тмутараканскомъ камнѣ*—съ 1110 до 1116 года. Послѣдній доказываетъ свое мнѣніе сличеніемъ списковъ кенигсбергскаго съ лаврентьевскимъ. Между рукописями Императорской Академіи Наукъ есть особая лѣтопись въ двухъ частяхъ, приписываемая *Сильвестру*, положенная неизвѣстнымъ въ воскресенскомъ монастырѣ и подписанная патріархомъ *Никономъ*. Но она въ этомъ спискѣ доведена до царя *Михаила Θεодоровича*.

Послѣ *Сильвестра* съ 1116 года продолжалъ несторову лѣтопись, по сказанію *Татищева*, *Нифонтъ*,

игумень волинскій; а въ послѣдствіи (съ 1130 года) епископъ новгородскій, и довелъ её до 1157 года. Въ воскресенской лѣтописи сказано о немъ: *бысть поборникъ всей Руской земли*. Въ его продолженіи лѣтописи находится много волинскихъ происшествій, и онъ подробно описываетъ князей по возрасту, виду, лицу и проч. Изъ повѣствованія подъ 1147 годомъ, гдѣ продолжатель говоритъ о себѣ, что онъ съ княземъ Игоремъ Ольговичемъ пѣвалъ на клиросѣ во Владимірѣ волинскомъ, нѣкоторые заключили, что это былъ не Нифонтъ, ибо тогда онъ былъ уже епископомъ. Но это сомнѣніе можно разрѣшить тѣмъ, что тутъ говорится о прошедшемъ времени, то есть что онъ пѣвалъ будучи еще во Владимірѣ.

Продолжателемъ Нифонта на сѣверѣ, именно въ Новѣгородѣ, былъ Іоаннъ священникъ новгородскій, сочинитель, такъ называемой *Лѣтописи Новгородской*, потому что въ ней очень подробно описываются дѣла новгородскія. Имя сего продолжателя Татищевъ нашелъ въ бывшемъ у него спискѣ, съ коего она издана во второй части продолженія Древней Росс. Библіотеки 1786 года, въ С.-п.-б. *. Тамъ на страницѣ 497, подъ 1230 годомъ, напечатано между прочимъ: *и мнѣ грѣшному Іоанну попови*. Но въ изданіи этой лѣтописи въ Москвѣ 1787 года (напечатанной съ гораздо древнѣйшаго пергаментнаго списка синодальной библіотеки, № 617—786 in 4., 169 листовъ, писаннаго чистымъ уставомъ, безъ разстановки, съ отмѣткою только точекъ, разными почерками и принадлежащаго къ первой половинѣ XIV вѣка) на стр. 118

* Рукопись эта находится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ № 4 in 4., 241 листъ, писана полууставомъ въ исходѣ XV или началѣ XVI вѣка.

вмѣсто этихъ словъ находимъ: и мнѣ грѣшному Тимоѣю пономарю. А на стр. 25 подъ 1144 годомъ сказано: постави мя попомъ архіепископъ Св. Нифонтъ. Въ Татищевомъ же списокѣ, слова эти совсѣмъ пропущены. Итакъ, слѣдуя московскому изданію, надо предположить двухъ сочинителей, сперва попа, а потомъ пономаря, а можетъ быть и многихъ—судя по разности слога и лѣтъ. Въ обоихъ этихъ спискахъ начало лѣтописи потеряно, а начинается она въ синодальномъ съ 1017 и оканчивается 1352; въ Татищевскомъ съ 946 и продолжается до 1441 года. Третій списокъ этой лѣтописи есть полная рукопись изъ собранія графа Толстаго, поступившаго въ Санктъ-Петербургскую публичную библіотеку, № 351 in fol. 207 лис., писанная скорописью въ началѣ XVIII столѣтія. Она принадлежала архангельской библіотекѣ Д. М. Голицына. Толстовскій списокъ оканчивается 1444 годомъ.

Отличительныя признаки означенныхъ списковъ суть слѣдующіе: а) Синодальный можетъ похвастаться древнѣйшимъ спискомъ русскихъ лѣтописей; изъ сходства съ Татищевскимъ видно, что въ утраченныхъ его тетрадахъ (нѣтъ первыхъ пятнадцати тетрадей) заключалась лѣтопись Нестора, составляющая начало Татищевского списка. Какъ языкъ и правописаніе начальныхъ тетрадей «синодальнаго» значительно не сходны съ остальною его частью, то съ вѣроятностію можно предположить, что лѣтопись въ немъ заключающаяся, составлена въ XIII и дополнена позднѣйшими извѣстіями въ XIV вѣкѣ. б) Въ Татищевскомъ списокѣ, начинающемся лѣтописью Нестора съ 6453 года, находятся вставки: Росписи русскихъ великихъ князей, митрополитовъ, новгородскихъ владыкъ и посадниковъ, и отрывокъ Русской Правды. По именамъ

современныхъ лицъ жившихъ въ первой половинѣ XV столѣтія, которыми оканчиваются росписи, можно заключить, что и составленіе Татищевского списка относится къ тому же времени.

с) Толстовскій списокъ, составляющій точную копию Татищевского, и въ началѣ его дополняющій, имѣетъ заглавіе: «*Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе князей и земли Русскія, како Богъ избра страну нашу на послѣднее время и грады почаша (бывати) по мѣстомъ, прежде новгородская волость и потомъ кіевская, и о поставленіи Кіева, како во имя назвася Кіевъ.—Яко же древле Царь Римъ.... до Александра и Исакія*».

Въ Софійскомъ Временникѣ, изданномъ господиномъ Строевымъ, (Т. I. стр. 10) означенное мѣсто находится въ видѣ вставки. Изъ этого видно, что лѣтопись, заключающаяся въ Толстовскомъ и въ сходномъ съ нимъ Татищевскомъ списокѣ, служила матеріаломъ составителю безыменнаго лѣтописнаго сборника, напечатаннаго господиномъ Строевымъ подъ именемъ Софійскаго Временника, и ей то, а не означенному сборнику, принадлежитъ это названіе.

Новгородская первая лѣтопись составляетъ важный памятникъ отечественной исторіи. Она служитъ единственнымъ источникомъ исторіи древняго Новгорода, и потому-то текстъ ея преимущественно повторяется въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ или подлинными словами или съ подновленіями и измѣненіями; прибавочныя же извѣстія тѣхъ лѣтописей о дѣлахъ новгородскихъ, прежде половины XV вѣка, не важны а нѣкоторыя не заслуживаютъ вѣроятія. Первая новгородская лѣтопись изображаетъ древнее политическое и гражданское устройство Новгорода, дѣла тамошней церкви, тѣсно связанной съ кіевскимъ и мо-

сковскимъ православіемъ, союзы и раздоры Новгородцевъ съ русскими князьями, войны съ сосѣдями (Чудью, Шведами, Литвою, ливонскими рыцарями) раннюю торговлю съ Европою (Даніею, Голландіею, Ганзою), внутренніе мятежи, и народныя бѣдствія. Эта лѣтопись проливаетъ свѣтъ и на исторію русскихъ удѣльныхъ княжествъ, по тѣснымъ связямъ Новгорода съ южною Русью. Достоверность ея содержания основывается на самомъ свойствѣ матеріаловъ, состоящихъ или изъ сказаній по свѣжимъ преданіямъ или изъ правительственныхъ актовъ, или изъ записокъ очевидцевъ, описанныхъ въ ней событіяхъ.

Кто былъ *Іоаннъ* священникъ, первоначальный сочинитель Новгородской Лѣтописи, этого до сихъ поръ никто еще не изслѣдовалъ; но судя по 1144 г., къ которому отнесено, постановленіе сочинителя въ попы, весьма вѣроятно, что это былъ святой *Іоаннъ*, первый архіепископъ новгородскій. Въ житіи его, напечатанномъ въ Четіяхъ-Минеяхъ, подъ 7-мъ числомъ сентября и въ софійскомъ катологѣ новгородскихъ архіереевъ сказано, что онъ родился въ Новгородѣ и былъ священникомъ при тамошней приходской церкви св. Власія; по кончинѣ епископа Аркадія 1164 г., онъ избранъ Новгородцами епископомъ и при постриженіи въ монашество изъ *Іоанна* переименованъ *Иліею*. Въ 1166 г. онъ сдѣланъ архіепископомъ, съ предоставленіемъ сего достоинства и преемникамъ его, а въ 1186 г. скончался. Предъ кончиною принялъ онъ схиму, и какъ видно изъ житія его, помѣщеннаго въ сокращенныхъ Четіяхъ-Минеяхъ св. Димитрія, наречено ему *бысть въ схимѣ, первое имя его Іоаннъ*, подъ которымъ и теперь почитается во святыхъ. Въ подтвержденіе этого можно замѣтить, что онъ описываетъ дѣла своего правленія

весьма кратко и скромно, между-тѣмъ какъ рукоположившій его въ попы епископъ Нифонтъ выхваляется имъ и защищается отъ народныхъ нарѣканій по смерти. А такъ какъ Нифонтъ, бывши еще игуменомъ на Волыни, продолжалъ послѣ Сильвестра несторову лѣтопись и описалъ много волынскихъ событій, то вѣроятно онъ и захотѣлъ Іоанна сочинить новгородскую лѣтопись, которую потомъ продолжалъ пономарь Тимофей, а послѣ него другіе. Послѣдній продолжатель жилъ при архіепископѣ Іоаннѣ II, какъ видно подъ 1399 годомъ, на стр. 669 лѣтописи с.-п. бургскаго изданія.

Здѣсь кстати замѣтитъ, что уже въ XII ст., нѣкто Кирикъ, монахъ новгородскій, составилъ въ 1136 г. Ученіе, имѣющее въданіи числа всѣхъ лѣтъ — родъ хронологіи.

Д. продолжатели нестора въ XII вѣкѣ.

Въ началѣ XIII столѣтія появляются важныя различія въ нашихъ лѣтописяхъ, которыя указываютъ на различіе самыхъ продолжателей.

Изъ нихъ извѣстенъ Симонъ, первый епископъ владимірскій и суздальскій (скончавшійся 1226 года). Онъ по мнѣнію Татищева, продолжалъ несторову лѣтопись отъ 1203 г. или можетъ быть и прежде того. Татищевъ замѣчаетъ, что онъ, «не токмо тщаніе къ Россійской Исторіи, но и способъ имѣлъ, ибо жилъ при любомудромъ государѣ Константинѣ. Подробнѣе всего описывалъ случавшееся въ суздальской и ростовской областяхъ; до кіевскихъ же и волынскихъ дѣлъ не касался». Сверхъ-того Симонъ, съ помощію жившаго у него въ Суздаль родственника его Поли-

карпа инока кіевопечерскаго монастыря, описалъ чудеса преподобнаго Антонія печерскаго, устройство раки преподобнаго Θεодосія, житія нѣкоторыхъ печерскихъ угодниковъ * и сочинилъ *Сказаніе о Святой Чудотворной церкви Печерской Кіеской, како создася, украсися и освятися и Посланіе къ Поликарпу* **. Все это вошло въ первую часть *Патерика Печерскаго*, вторая его часть принадлежитъ Поликарпу, третья же опять Симону. Первое извѣстное намъ изданіе Патерика, напечатано въ Кіевѣ 1661 года in-folio, съ изображеніями, подъ заглавіемъ: *Патерикъ или отечникъ кіевскій, содержащій житія святыхъ, преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, просіявшихъ въ пещерахъ*. Потомъ книга эта многократно была издаваема въ Кіевѣ и въ Москвѣ.

Сверхъ-того, англійскій монахъ *Матѳей Парижскій*, жившій до 1259 года, упоминаетъ о какомъ-то *Петрѣ*, архіепископѣ русскомъ, писавшемъ о *Происхожденіи Татаръ*. Но у насъ сочиненіе это неизвѣстно, а Селлій говоритъ, что оно находится между рукописями въ Англіи.

Е. XIV вѣкъ.

Въ этомъ столѣтіи замѣчательнъ *Игнатій*, діаконъ

* Г. Строевъ говоритъ, что Симонъ извѣстенъ *Посланіемъ* къ монаху Поликарпу, въ коемъ содержатся краткія сказанія (anecdota) о восьми Печерянахъ кіевскихъ. — Ему же приписано въ послѣдствіи плодовитое *Сказаніе о созданіи церкви печерской*. Поликарпъ, ученикъ Симона, въ посланіи къ архимандриту Акиндину (около 1228 г.) написалъ подобныя жъ сказанія о тринадцати иныхъ Печерянахъ. Сіи писанія вошли въ составъ Патерика кіевопечерскаго.

** Это сочиненіе было напечатано и отдѣльно въ Кіевѣ 1701 г.

смоленскаго епископа Михаила, жившій около половины или въ исходѣ XIV вѣка. Будучи съ епископомъ своимъ въ свитѣ митрополита Пимена при третьемъ его путешествіи по рѣкѣ Дону въ Константинополь въ 1389 г., по замѣчанію Татищева, описалъ подробно и топографически все это путешествіе, также многіе виденные имъ церемоніалы при константинопольскомъ дворѣ и у константинопольскаго патріарха, между-прочимъ и вѣнчаніе на царство императора Мануила. Описаніе это помѣщено въ никоновъ и другихъ лѣтописяхъ. Между рукописями библіотеки Академіи Наукъ, есть полууставный сокращенный лѣтописецъ, писанный Игнатіемъ съ 1254 по 1423 г. in fol.

Гораздо примѣчательнѣе для насъ Кипріанъ, митрополитъ кіевскій, родомъ Сербъ, пріѣхавшій въ Россію въ 1378 году; заслуги его для русской исторіи неоцѣненны. Съ нашествіемъ Монголовъ и съ упадкомъ едва возникшей образованности, прекращаются наши писатели и вообще умственная дѣятельность останавливается. Кипріанъ былъ первымъ возстановителемъ упавшаго въ Россіи просвѣщенія. Онъ привезъ къ намъ множество славянскихъ переводовъ разныхъ церковныхъ книгъ, сохранившихся у задунайскихъ Славянъ. Большая часть самыхъ древнихъ рукописей на пергаментѣ, относится къ Кипріанову вѣку и кажется вывезена имъ изъ Сербіи, какъ это можно заключить изъ буквы юсъ, которая въ нихъ встрѣчается и принадлежитъ исключительно болгарскому и сербскому языкамъ.

Кромѣ попеченія объ умноженіи книгъ въ Россіи, Кипріанъ много сочинялъ и самъ. Въ лѣтописи Татищевской сказано о немъ: «книги своею рукою писалъ, яко въ наставленіе душевное преписа соборы,

бывшіе въ Руси, много житія святыхъ русскихъ и степени Великихъ Князей Русскихъ, иныя же въ наставленіе плотское яко правды и суды, и лѣтопись русскую отъ начала земли русскія вся по ряду, и многи книги къ тому собравъ, повелѣлъ архимандриту Игнатію спасскому докончати, яже и соблюдохъ» Но неизвѣстно уцѣлѣли-ль гдѣ доконченныя или не доконченныя кипріяновы сочиненія, кромѣ *Степенныхъ Книгъ*, которыя послѣ исправлены и распространены митрополитомъ Макаріемъ, продолжателемъ Кипріяна. Последнее ихъ дополненіе сдѣлано въ 1682 году. Отъ этого списки сихъ книгъ по большей части различны, одни кратче, другіе пространнѣе. А потому теперь нельзя узнать, каковы были первоначальныя, кипріяновы степенныя книги и вѣроятно краткія, а можетъ-быть только родословныя росписи. Въ нихъ говорится о Кипріянѣ уже въ третьемъ лицѣ.

Къ этому же времени относится и *Лаврентій*, монахъ суздальскій, жившій въ концѣ XIV столѣтія (1377), который списалъ а можетъ-быть и самъ продолжалъ несторову лѣтопись; списокъ этотъ оканчивается 1405 годомъ; писанъ на пергаментъ, находится въ Императорской публичной библіотекѣ, и есть древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ лѣтописныхъ сборниковъ.

Нѣкто Храбръ, черноризецъ, сочинилъ: *Сказаніе о писменахъ славянскихъ*. Рукопись эта находится въ библіотекахъ: синодальной и іосифовой волоколамской. По синодальному списку сказаніе это внесено въ книгу, писанную въ 1348 году для болгарскаго царя Александра, іеромонахомъ Лаврентіемъ Тахомъ.

Во второй половинѣ XIV вѣка (1370 году). встрѣчается уже *Палли*, родъ хронографовъ до сихъ поръ

еще не рассмотренный. Въ 1386 году сдѣланъ въ монастырѣ хилendarскомъ списокъ лѣтописца *Георгія Гръшнаго* (Гамартола), древнѣйшій изъ восьми извѣстныхъ.

Г. XV вѣкъ.

Въ XV вѣкѣ лѣтописная дѣятельность заключалась большею частію въ списываніи лѣтописей, составленныхъ въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. Впрочемъ никакъ нельзя сомнѣваться, что переписчики часто, во-первыхъ, доводили сказанія до своего времени, во-вторыхъ, дополняли подлинники, внося въ нихъ событія тѣхъ странъ, въ которыхъ жили сами, и о которыхъ лѣтописцы прежнихъ вѣковъ могли не имѣть достаточныхъ свѣденій. Оттого и произошелъ такой хаосъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Однако не смотря на то, что почти всѣ досель намъ извѣстные списки русскихъ лѣтописей обыкновенно относятся къ XV столѣтію, мы не знаемъ ни одного имени переписчика,—до того они были скромны.

Вотъ списокъ лицъ, оказавшихъ въ этомъ столѣтіи услугу русской исторіи:

Михаилъ, а по другимъ *Мисаилъ*; съ 1456 года епископъ смоленскій, а съ 1474 года митрополитъ кievскій, скончавшійся 28 мая 1489 года. Ему приписывается одна русская лѣтопись отъ 1254 по 1423 годъ, хранящаяся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ.

Софроній, священникъ рязанскій, жившій въ исходѣ XV вѣка, сочинилъ *Исторію или Повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамаѣ съ безчисленными Агаряны*. Эта поэма, нѣкоторыми нашими писателями, принимаема была за достовѣрное повѣствованіе. Она

уступаетъ въ достоинствѣ Слову о полку Игоря, и по нѣкоторымъ чертамъ можетъ быть почтена подражаніемъ ему *. Повѣсть эта внесена въ никонову лѣтопись, а особые списки ея находятся: одинъ въ Императорской публичной библіотекѣ, а другой въ синодальной. Въ послѣдствіи она была измѣнена.

Антоній, монахъ, сочинилъ около 1470 году, *житіе Свв. Θεодора, Константина и Давида, князей ярославскихъ*.

Θеодосій, монахъ, сочинилъ *Слово*, како крестися *Владиміръ еозма Корсунъ*; и *Андрей*, также монахъ сочинившій *житіе св. Михаила и Θεодора черниговскихъ*; оба извѣстны въ спискѣ XV вѣка. Ихъ сказанія внесены въ лѣтописи безъ означенія именъ сочинителей.

Въ 1460 году составленъ въ Кіевѣ, для архимандрита Акакія, намѣстника митрополита Іоны, и вскорѣ привезенъ въ Москву *Патерикъ Печерскій*. Въ эту книгу вошли: *несторово Житіе св. Θεодосія*, *Сказаніе о церкви печерской*, *Симоново посланіе къ Поликарпу* и *поликарпово къ Акиндину*. Въ послѣдствіи переписчики сдѣлали неважныя перемѣны. *Житіе св. Антонія* прибавлено въ XVII вѣкѣ. *Иннокентій Гизіель*, печатая «*Патерикъ*», переиначилъ этотъ любопытный сборникъ, достойный изданія по стариннымъ рукописямъ.

Въ этомъ столѣтіи начинаются также *Статейные Списки* посольствъ, содѣйствующіе не мало къ объясненію исторіи сношеній Россіи (т. е. собственно Московскаго государства) съ прочими государствами Европы.

* Выписки съ переводомъ изъ обоихъ твореній помѣщены въ концѣ V тома, *Ист. Госуд. Россійскаго*.

Странно однако жъ что въ XV вѣкѣ не встрѣчается ни одинъ псковской лѣтописецъ, между-тѣмъ, какъ мы знаемъ, что въ то время Псковъ ни въ чемъ не уступалъ Новгороду, былъ въ связи съ западомъ и славился многими учеными изъ духовныхъ. Такъ напр. Клирикъ Василій, описавшій жизнь Евфросина основателя елсазарова монастыря, отзывается о нѣкоторыхъ изъ нихъ съ необыкновенною похвалою. Вотъ слова его о священникѣ *Іовъ*: «Іовъ отъ всѣхъ «честенъ и знаемъ всѣми, и слываше въ нихъ достро- «ченъ философъ, имѣаше остръ умъ на божественное «писаніе. Того бо ради и столпъ нарицашеса цер- «ковный, благочестія подражаше крѣпость и твердъ «учитель Православію». Другой изъ псковскихъ же «діаконовъ *Филиппъ* «мудръ зѣло, обоя вѣдый писа- «нія, древняя и новая, и воленъ въ языкъ и скоръ «словомъ и многорѣчивъ докторъ и пространенъ фило- «софъ умомъ, и быстръ помысломъ и выше мѣры «книжныя всякое писаніе проумѣвающъ и зѣло ис- «кусенъ вещамъ законописменнымъ».

*Начало Историческихъ Повѣстей, Сказаній и Запи-
сокъ современниковъ.*

XVI ВѢКЪ.

Степенныя Книги и Повѣсть о Нашествіи Мамаѣ, составляютъ уже, нѣкоторымъ образомъ, переходъ отъ лѣтописей къ новой исторической дѣятельности, кото-
рой характеръ рѣшительно обозначился въ *Запискахъ Курбскаго*. Нѣкоторые памятники XVI вѣка пока-

зываютъ, что прежняя форма изложенія событій мало по малу замѣнялась *Историческими Повѣстями*. Событія монастырскія, житія святыхъ угодниковъ, дѣла великихъ князей и царей, — облеклись въ эту новую форму.

Въ одно и тоже время и въ томъ же духѣ появились *Сказанія*. Составъ ихъ былъ тотъ же что и *Повѣстей*.

Укажемъ на извѣстныя лица изъ духовенства, оказавшія услугу отечественной исторіи, и на ихъ произведенія.

Памфилъ, игуменъ псковскаго елизарьева монастыря, сочинившій въ 1505 г. *Посланіе*, къ псковскому великокняжескому намѣстнику, князю Дмитрію Владиміровичу Ростовскому и ко всемъ псковскимъ начальникамъ. Въ этомъ посланіи, которое помѣщено въ псковской лѣтописи * *Памфилъ*, описалъ нѣкоторыя безчинныя празднества, оставшіяся въ псковской области со временъ язычества, укоряя намѣстника за поущеніе этому разврату. Итакъ игуменъ *Памфилъ*, косвеннымъ образомъ, оказалъ услугу отечественной исторіи упоминая о древнихъ языческихъ обычаяхъ Славянъ — Псковичей, существовавшихъ еще въ его время.

Паисій Ярославовъ, монахъ, написалъ: *Сказаніе о монастырѣ Спасо-каменномъ и Повѣсть о второмъ бракѣ Вел. Кн. Василія Іоанновича* (въ 1526 г.).

Филофей, старецъ псковскаго елизарьева монастыря, жившій въ началѣ XVI вѣка, написалъ два посланія къ царскому діаку Мисюрѣ, служившему при царскомъ намѣстникѣ во Псковѣ съ 1510 — 1528 г. Первое его посланіе тѣмъ для насъ важно, что въ немъ *Филофей* отвѣчая на вопросъ Мисюрина о *Лѣтосчис-*

* По списку принадлежавшему прежде гр. Толстому.

сленій, показывааетъ какое у насъ въ XVI ст. имѣли понятіе объ этой наукѣ. Второе посланіе писано во время свирѣпствовавшей во Пскова 1552 г. моровой язвы. Онъ въ немъ упрекаетъ градскихъ начальниковъ въ томъ, что они не допускаютъ священниковъ исповѣдывать и причащать умирающихъ, запираютъ дома и улицы зараженные, а тѣла умершихъ вывозятъ далеко за городъ и проч. Памятникъ для исторіи Благочинія и Благоустройства въ XVI вѣкѣ.

Пахомій, монахъ сочинилъ около 1530 года: *Житіе св. Василія и Константина князей ярославскихъ*.

Георгій, монахъ троицко-сергіевского монастыря, жившій въ началѣ XVI вѣка сочинилъ *Россійскую Лѣтопись*, простирающуюся до 1533 г. Подлинникъ ея находится въ московской синодальной библіотекѣ.

Іаковъ, монахъ, составилъ около 1541 года *Житіе св. Князя Владиміра*.

Катавасья Юрьевъ, монахъ, написалъ *Лѣтопись* отъ начала прозванія русской земли, отъ 852 до 1544 г. Князь Щербатовъ почиталъ ее довольно подробною и исправною.

Князь Феодоръ Кемскій, въ монахахъ Феодосій, написалъ сокращенную русскую исторію подъ заглавіемъ: *Лѣтописецъ Россійскаго государства отъ начала Россійскихъ Князей до дней Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, 7057 (1549)*;—онъ мало извѣстенъ.

Варлаамъ Палицынъ, монахъ чудова монастыря. Между рукописями библіотеки Имп. Академіи Наукъ есть его краткая выписка изъ русскихъ лѣтописей, содержащая 1, *Описаніе осады города Кіева отъ Татаръ*; 2, *О трехъ князьяхъ, Чехъ, Кіпъ и Хоривъ*; 3, *Синописъ главамъ Россійской Исторіи съ 859 по*

1562, съ приложеніемъ мирныхъ договоровъ, заключенныхъ первыми князьями съ греческими императорами въ IX и X столѣтіяхъ. Бернардъ Рибера и Игнатій Кульчинскій, ссылаются также на *лѣтопись Варлаама Палицына* и на его списокъ *всероссійскихъ митрополитовъ*, полученные ими отъ Гроція.

Іоаннъ Глазатый, священникъ, первый сочинитель *Исторіи Казанской*, которая, по словамъ Татищева гораздо обстоятельнѣе *лѣтописи Князя Курбскаго* о взятіи города Казани. Рычковъ, при сочиненіи своего *Опыта Казанской Исторіи* *, имѣлъ разные списки *іоанновой лѣтописи*, изъ коихъ одинъ полнѣйшій былъ ему сообщенъ Миллеромъ, содержащій 91 главу и продолжавшійся до взятія Казани царемъ Іоанномъ Грознымъ. «Штиль въ немъ, говоритъ Рычковъ, старинный, схожъ съ церковнымъ и внесено въ него много такихъ вещей которыя къ исторіи гражданской существенно не принадлежатъ. Прочіе списки такого жъ штиля и содержанія; видно, что учинены изъ одного подлинника съ нѣкоторыми изъятіями и прибавленіями. Сочинитель оной исторіи, нигдѣ не показалъ своего имени, но то только объявляетъ о себѣ, что взятъ былъ въ полонъ, отведенъ въ Казань и тамъ подаренъ былъ царю Сафагирею, у котораго былъ онъ при дворѣ въ почтеніи и въ благодати 20 лѣтъ и имѣлъ случай о всемъ освѣдомиться. По взятіи же Казани, вышелъ онъ къ царю Ивану Васильевичу, который обратилъ его паки въ христіанство и приобща къ святой церкви, далъ ему для пропитанія землю» *. По замѣчанію же Рыčkова,

* Непечатанной 1767 г. въ Сиб.

* *Опытъ Казанск. Истор.* стр. 65 и 67.

Лызловъ , въ третьей книгѣ своей Скиѣской Исторіи, при описаніи Казани большую часть заимствовалъ изъ лѣтописи *Глазатаго*. Лѣтопись Іоанна Глазатаго напечатана при Академіи Наукъ 1791 г. подъ названіемъ. *Исторія о казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія по двумъ стариннымъ спискамъ*. Издатель (на стр. 258) не замѣтилъ что въ его спискахъ потерянь одинъ листъ, и потому между словами: *только возвратишася—что возлюби*, слилъ два различныя повѣствованія о Татаринѣ и ученикѣ, и о началѣ крещенія царей казанскихъ.

Михаилъ, монахъ, составилъ *Житіе Св. Князя Александра-Невскаго*.

Логгинъ, монахъ, вологодскаго прилуцкаго монастыря, сочинилъ Жизнеописаніе благовѣрнаго князя Игнатія, погребеннаго въ той обитети 1552 г. Сочиненіе это находится въ рукописи.

Макарій, митрополитъ московскій, знаменитъ попеченіями о церкви, обширными свѣдѣніями въ богословской литературѣ, неутомимыми трудами въ сочиненіяхъ и даромъ краснорѣчія. Старался о переводѣ многихъ книгъ на славянскій языкъ и для этого содержалъ при себѣ ученыхъ людей. Самъ онъ, будучи еще въ Новгородѣ, 12 лѣтъ трудился надъ составленіемъ *Четіихъ-Миней*, или *Житій Святыхъ*, почитаемыхъ вообще православною восточною и особенно русскою церковью, и какъ самъ пишетъ въ предисловіи къ нимъ, не щадилъ никакихъ издержекъ для собранія всѣхъ къ тому необходимыхъ свѣдѣній. Четыре огромныхъ книги, составляютъ все это сочиненіе и называются Великими *Четіями-Минеями*, для отличія отъ меньшихъ, изданныхъ Св. Димитріемъ ростовскимъ. Миней макаріевы до сихъ поръ остались въ рукописяхъ, и спи-

ски оныхъ находятся въ новгородскомъ софійскомъ, патріаршемъ, въ успенскомъ соборѣ и въ другихъ монастырскихъ и церковныхъ книгохранилищахъ. Сверхъ церковныхъ обязанностей связанныхъ съ должностію митрополита и сношеній съ дворомъ Макарій и въ Москвѣ находилъ время заниматься исторіею. По словамъ Татищева онъ дополнилъ и исправилъ *Степенныя Книги* кипріановы, доведши ихъ до 1559 г. въ 17 степеняхъ; особенно хорошо описалъ первыя 26 лѣтъ царствованія Іоанна Васильевича IV. *Степенныя Книги* * напечатаны Миллеромъ въ Москвѣ 1775 г. (одинъ, неполный списокъ) въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: *Книга Степенная царскаго родословія, содержащая исторію российскую, съ начала оныя до временъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященныхъ митрополитовъ Кипріана и Макарія а напечатанная подъ смотрѣніемъ Коллежскаго Совѣтника и Императорской Академіи Наукъ, такожъ и разныхъ иностранныхъ Академій и вольнаго экономическаго и российскаго же вольнаго собранія члена Герарда Фридриха Миллера. Окончаніе Степенной Книги напечатано въ Русскихъ Достопамятностяхъ.*

* Онѣ получили свое названіе отъ *степеней* царствовавшихъ государей и суть не иное что, какъ выписки изъ нашихъ лѣтописей; начинаются съ Рюрика и продолжаются до 18 степени или царя Теодора Іоанновича. Книги эти, по свидѣтельству Шлёцера, очень полезны для родословія, но не исправны въ лѣтосчисленіи, и въ повѣствованіи о древнихъ временахъ, наполнены баснями; а въ описаніи новыхъ происшествій, — подробностями ничтожными. Языкъ ихъ, особенно въ похвальныхъ словахъ разнымъ лицамъ, отличается силою и чувствомъ. Списки Степенныхъ Книгъ хранятся въ разныхъ библіотекахъ; одни полиѣе, другіе недостаточнѣе.

Въ предисловіи своемъ къ степенной книгѣ, Миллеръ говоритъ, что по извѣстію, отъ достовѣрныхъ російскихъ писателей сочинена она двумя славными въ російской церкви митрополитами Кипріаномъ и Макаріемъ. Не смотря на то, нѣкоторые писатели, замѣтивъ на стр. 76 первой части степенной книги, въ началѣ жизнеописанія великаго князя Владиміра, признаніе сочинителя онаго, что онъ писалъ по благословенію и повелѣнію митрополита Макарія, а во второй части на стр. 244, находя похвалу Макарію, заключили, что книга эта не принадлежитъ ни Макарію ни Кипріану. Но слова сочинителя владимірова жизнеописанія очевидно здѣсь относятся къ одной только этой статьѣ, похвала же Макарію, можетъ быть, вставлена переписчиками. Миллеръ предвидѣлъ будущія возраженія и уже въ предисловіи предупреждаетъ ихъ, говоря, что можетъ быть и другіе ученые мужи, отъ Кипріана до Макарія церкви служившіе украшеніемъ, къ сему, при митрополіи хранившемуся сокровищу, свой также бисеръ присовокупили, но кто именно такіе были?—неизвѣстно». Притомъ, хотя издавнная степенная книга не простирается далѣе жизни макаріевой; но Миллеру было извѣстно, что въ нѣкоторыхъ сей книги спискахъ находятся небольшія прибавленія о послѣдующихъ государствованіяхъ. Въ одномъ же ея спискѣ, находящемся въ алексаandro-невской библіотекѣ, встрѣчаемъ довольно большое дополненіе доведенное до временъ царя Михаила Ѳеодоровича. Списокъ библіотеки Императорской Академіи Наукъ доведенъ до 1630 года, а бывшій въ библіотекѣ графа Толстова (нынѣ въ Имп. публичной библіотекѣ) не только доведенъ до 1630 года, но имѣетъ еще прибавленіе 18 степеней, доведенное до кончины царя Алексія Михайловича, съ выписками изъ польскихъ историковъ, сдѣланными по повелѣнію царя Ѳеодора

Алексіевича. Изъ всего этого видно, что не одинъ былъ составитель степенной книги; но къ числу признаковъ труда макаріева, можно причислить во-первыхъ краснорѣчивый слогъ этой книги, которымъ сей пастырь отличался въ своемъ вѣкѣ, во-вторыхъ и то, что онъ по скромности мало тамъ писалъ о себѣ, и даже не помѣстилъ въ ней своихъ привѣтствій и посланій царю, которыя находятся въ лѣтописи, извѣстной подъ названіемъ *Царственной Книги*. Жизнеописанія же святыхъ, помѣщенные въ степенной книгѣ, очевидно заимствованы изъ его же *Четихъ-Миней*. Г. Строевъ говоритъ что подъ вліяніемъ сего іерарха составленъ какъ *Новый Лѣтописецъ*, такъ и *Лѣтопись о мятежахъ*, напечатанная въ 1788 году. Въ заключеніе приведемъ самый несправедливый приговоръ нашихъ соотечественниковъ, любителей русской исторіи, произнесенный въ началѣ XIX столѣтія надъ трудами Кипріяна и Макарія. «Кипріянь, творецъ книги *Степенной*, писалъ при Дмитріи Донскомъ въ XIV вѣкѣ и послѣ продолженъ Макаріемъ при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Дѣписатели сіи во многомъ порицанія достойны: они удалились отъ смысла древнихъ лѣтописцевъ и замѣнили его ложными и смѣшными преданіями. Часто портили повѣствованіе свое чудесами, которыя были во вкусъ у монаховъ того времени. Въ ихъ степеняхъ многіе государи пропущены; замѣчательнѣйшія ихъ дѣла и происшествія забвенны, либо не въ надлежащихъ мѣстахъ положены; а въ порядокъ степеней введены такіе, которые великими князьями никогда не бывали. Ничего нѣтъ скучнѣе какъ ихъ витіеватый, надутый слогъ: ищешь исторіи, и находишь каплю, въ морѣ многоглаголанія. Продолжатель его Макарій (митрополитъ) говоритъ *Эмингъ*: — описалъ жизнь царя Іоанна II и Грознаго

первые 26 лѣтъ, какъ порядочно по годамъ, такъ и съ довольными обстоятельствами; но отъ скудости ли знанія въ древности, или отъ лицепріятія, нѣсколько ложныхъ обстоятельствъ внесъ. Сіи историки хранятся у насъ, такъ какъ по слову Квинтилиана, нѣкоторые священные дерева: *in quibus non tantam speciem, quantam religionem, adoremus* * ».

Корнилій, игуменъ псковскаго печерскаго монастыря, (умеръ 1570 г.) написалъ первую лѣтопись о началѣ онаго, подъ заглавіемъ: *Сказаніе откуда бысть прозваніе печерскому монастырю во Псковъ*. Рукопись этого сочиненія находится въ библіотекѣ новгородскаго-софійскаго монастыря. Повѣсть эту пополнили: Григорій монахъ въ 1585 г., игумены Мелетій въ 1587 г. и Іоакимъ 1601. Все вмѣстѣ можно назвать: *Патерикъ Псковскій*.

Серапіонъ, іеромонахъ псковскаго елеазаровскаго монастыря, писалъ *Лѣтопись о приходѣ Стефана короля польскаго ко Пскову и печерскому монастырю и о побѣдѣ надъ Поляками 1581 г.*

Іовъ, первый патріархъ россійскій, описалъ *Жизнь Θεодора Іоанновича*. Описаніе это включено въ лѣтопись по никонову списку, а также находится и въ нѣкоторыхъ спискахъ степенной книги. Онъ же, или келейникъ его Іосифъ, описалъ кратко послѣдніе 24 года царствованія Іоанна Грознаго, которыхъ не окончилъ митрополитъ Макарій; послѣдующее за тѣмъ время, до избранія Михаила Θεодоровича, написано Іосифомъ довольно пространно. Патріархъ Іовъ самъ описалъ жизнь свою въ духовной, напечатан-

* Корифей 1802 г. стр. 92—94.

ной въ VI части Древн. Рос. Вивліюѣики. Онъ умеръ въ 1607 году.

Изъ свѣтскихъ лицъ, занимавшихся отечественною Исторіею въ XVI столѣтіи, намъ извѣстенъ одинъ только князь *Андрей Михайловичъ Курбскій*, потомокъ князей ярославскихъ, * родившійся около 1528 г., бояринъ и воевода царя Іоанна Васильевича и близкій его родственникъ по первой супругѣ царя, Анастасіи Романовнѣ. Гдѣ и какъ провелъ онъ юность свою, неизвѣстно; но рано исторія вписала имя его въ свои скрижали. Начиная съ 21 года своей жизни Курбскій ознаменовалъ себя многими геройскими доблестями, въ особенности подъ стѣнами Казани. Извѣдавъ мужество и усердіе Курбскаго, Царь оказывалъ ему самую лестную довѣренность и поручалъ ему дѣла, требовавшія дѣятельности, искусства, личной храбрости. Въ 1563 году онъ измѣнилъ своему государю, покинулъ отечество и сталъ служить главному врагу Іоаннову, королю польскому. Что побудило его къ сему поступку, достовѣрно неизвѣстно. Тогда уже кончилась лифляндская война и Сигизмундъ-Августъ провозглашенъ былъ великимъ магистромъ. Несогласіе дворовъ возгорѣлось; князь Курбскій изъ своего заточенія представляетъ Грозному его преступленія и укоряетъ его въ жестокости. Іоаннъ не пренебрегаетъ отвѣтствовать патріоту; предста-

* Родоначальникъ князей Курбскихъ былъ св. чудотворецъ *Феодоръ Ростиславичъ Смоленскій* и *Ярославскій*, жившій въ концѣ XIII вѣка. Внукъ его, *Василій Грозный*, владѣлъ *Ярославлемъ* въ XIV столѣтіи независимо, съ именемъ великаго князя. Правнукъ *Василія Грознаго Семенъ Ивановичъ*, первый принялъ прозваніе Курбскаго, отъ наслѣдственной отчины своей *Курбы*. И теперь еще существуетъ село Курба, верстахъ въ 15 отъ Ярославля: не оно ли отчина князей Курбскихъ?

вляеть въ оправданіе свое многія огорченія претерпенныя имъ отъ своихъ подданныхъ, и эта переписка князя Курбскаго съ царемъ, есть драгоцѣннѣйшій памятникъ чистосердечныхъ преній. Курбскій умеръ въ 1587 или 1588 г., въ глубокой старости. Ему было не менѣе 70 лѣтъ.

Находясь въ Вольмарѣ (который тогда принадлежалъ Польшѣ) онъ написалъ *Исторію князя великаго московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашими*. Это сочиненіе содержитъ въ себѣ исторію жизни Іоанна IV отъ самого дѣтства до 1578 года. Здѣсь описалъ онъ воспитаніе сего государя, его походы на Казанцевъ, Крымцевъ, Черемиссовъ и Лифляндцевъ; но большая часть сочиненія наполнена описаніемъ жестокостей Грознаго съ боярами и съ другими подданными. Въ немъ находится много любопытныхъ историческихъ извѣстій *. Сочиненіе Курбскаго долгое время хранилось въ рукописи, и въ первый разъ издано г. Устряловымъ въ С.-пб. 1833 г. in 8° въ двухъ частяхъ подъ заглавіемъ «Сказанія Князя Курбскаго». Второе изданіе было въ 1842 году въ С.-пб. же въ большую осьмушку въ I томѣ. Въ составъ обѣихъ изданій вошли: кромѣ его *Исторіи*, переписка съ Іоанномъ, письма Курбскаго къ разнымъ лицамъ и *Исторія Флорентійскаго Собора*. При первомъ изданіи г. Устряловъ имѣлъ 7 списковъ сочиненій Курбскаго: 5 безъ поправокъ, но со многими описками—Патріаршій, Румянцовскій, Академическій, Казанскій, Бородинскій, и два поновленные въ слогъ—Эрмитажный

* Самая лучшая оцѣнка творенія Курбскаго находится въ предисловіи ко второму изданію его «Сказаній».

и свой собственный. При второмъ изданіи онъ пользовался еще двумя списками, Архивскимъ и Академическимъ.

Издатель сдѣлалъ самое полное описаніе достоинства каждого изъ этихъ списковъ. Въ основаніе же текста принять былъ патріаршій списокъ—лучшій, древнѣйшій, по всѣмъ признакамъ современный и весьма исправный. Подъ текстомъ указаны всѣ вообще варианты, или разногласія другихъ списковъ. Въ концѣ втораго изданія приложены примѣчанія издателя, Синодикъ Іоанна Грознаго, акты литовской метрики, изъясненіе плана осады Казани, словарь иностранныхъ старинныхъ рѣченій и указатель.

XVII ВѢКЪ.

Въ началѣ XVII вѣка лѣтописная дѣятельность прекращается совершенно; въ это время, какъ духовенство такъ и свѣтскіе люди; начинаютъ описывать событія, которыхъ они были очевидцами, или извѣстныя эпохи нашей исторіи; однимъ словомъ, это вѣкъ записокъ и монографій, предшествовавшей систематическому обработыванію лѣтописей. Счастливое преобразование, начатое Курбскимъ, продолжалось въ XVII вѣкѣ. Авраамій Палицынъ, Князь Симеонъ Шаховской, Кн. Иванъ Хворостининъ, Ордынъ-Нищокинъ, Кошихинъ, самъ царь Алексій Михайловичъ * и т. д. были истинными основателями отече-

* Дневникъ царя Алексія Михайловича и записки нашего дипломата Ордына—Нищокина до сихъ-поръ считались утраченными, и

ственныхъ записокъ. Мысль дьяка Грибоѣдова и іеромонаха Каменевича — написать русскую исторію въ XVII вѣкѣ, была слишкомъ отважна, и осталась безъ исполненія. Замѣтимъ здѣсь, что въ то самое время когда великороссійское духовенство дало лѣтописной дѣятельности форму записокъ, духовенство западной Руси занималось, большею частью *компиляціею* отечественныхъ и польскихъ лѣтописцевъ. По этому мы постараемся отдѣлить первое направленіе отъ послѣдняго. Разсмотримъ сначала заслуги оказанныя отечественной исторіи духовенствомъ великороссійскимъ.

Во главѣ русскихъ историческихъ духовныхъ писателей XVII вѣка стоитъ *Авраамій Палицынъ*, * келарь троицкаго сергіева монастыря, очевидецъ и герой описаннаго имъ событія, знаменитый сподвижникъ Минина и Пожарскаго, мужъ замѣчательный между патріотами, спасшими Россію отъ бѣдствій въ началѣ XVII столѣтія. Онъ происходилъ отъ древняго дворянскаго рода Подоліи, постриженъ въ монашество

въ 1844 г. извѣстный ученый Эдуардъ Муральтъ, путешествуя по Италіи, открылъ въ Генуѣ въ библіотекѣ Маркиза Дураццо первое изъ этихъ сочиненій (Дневникъ царя Алексія Михайловича); оно принадлежало нѣкогда бывшему въ Москвѣ голандскому корабельному мастеру Витцену (Witzen), потомъ было имъ подарено во Франціи герцогу Лаваліеру, а отъ сего перешло въ Генуу. Неизвѣстно, подлинное ли это сочиненіе Алексія Михайловича или переводъ онаго на какомъ-либо иностранномъ языкѣ (Сѣв. Пчела 1845 г. № 30 фельетонъ).

* Авраамій былъ Аверкій Ивановичъ. Въ 1588 г. онъ подвергся царской опалѣ: все имущество у него было отобрано въ казну, самъ онъ сосланъ въ Соловки и тамъ постриженъ; въ 1594 г. онъ былъ присланъ въ тройцкую лавру съ другими соловецкими старцами; отсюда отосланъ въ свіяжскій монастырь, подвѣдомственный лаврѣ, потомъ опять взятъ въ лавру, гдѣ и сдѣланъ келаремъ не ранѣе 1608 или 1609 года.

въ концѣ XVI вѣка, скончался, по мнѣнію г. Строева въ 1626 г. Палицынъ писалъ исторію своего несчастнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и славнаго для Россіи времени, начиная съ кончины царя Іоанна Васильевича IV до возведенія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича. Сочиненіе его встрѣчается между рукописями многихъ русскихъ библіотекъ, подъ разными заглавіями, но изданно въ М. 1784 г. in 4°, подъ названіемъ: *Сказаніе о осадѣ троицкаго сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы, и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ*. Въ составъ этой книги вошло два сочиненія Палицына, которыя въ рукописяхъ встрѣчаются отдѣльно. Кромѣ этого историческаго произведенія онъ продолжалъ исторію *Іосифа келейника* *. Татищевъ говоритъ, «что сія книга весьма рѣдко гдѣ нибудь полная находится: и замѣчаетъ что Палицынъ, о временахъ до царя Михаила Ѳеодоровича, писалъ кратче и не столь порядочно, какъ Іосифъ, келейникъ Іова патріарха; избраніе же царя Михаила Ѳеодоровича описалъ со всѣми обстоятельствами». Миллеръ о твореніи этомъ замѣчаетъ **, «что въ немъ слогъ больше витіеватый нежели чтобъ съ натуральною историческою простотою сходствовалъ. А Елагинъ *** прямо называетъ сочиненіе это *пристрастнымъ*. Нельзя однако жъ не замѣтить, что Палицынъ, описывая происшествія, въ которыхъ онъ самъ былъ лицомъ дѣйствующимъ, не могъ писать безъ нѣкотораго жара и

* Г. Строевъ сочиненіе это (Палицына) называетъ *Исторію Московскаго государства, отъ 1598—1613 г.*

** Ежемѣс. соч. 1735 г. апр. стр. 295.

*** Опытъ повѣств. о Россіи.

восторга, котораго трудно было бы не имѣть, и всякому на его мѣсть. Его можно также извинить и въ невыгодномъ описаніи царя Бориса потому, что онъ писалъ свою исторію въ царствованіе Романовыхъ, претерпѣвшихъ отъ Бориса жестокое гоненіе. Въ концѣ прошедшаго столѣтія были слухи, что онъ писалъ по повелѣнію двора для истребленія памяти Годунова. Говоря объ исторической дѣятельности XIX столѣтія мы не упустимъ изъ виду всей полемики произведенной сочиненіемъ Авраамія Палицына и занявшей значительное мѣсто въ *Москвитянинѣ*.

Къ этому же времени относится *Повѣсть о бывшихъ въ Россіи послѣ кончины царя Бориса Годунова до избранія царя Михаила Феодоровича замѣшательствахъ и бѣдствіяхъ*, извѣстная въ новѣйшее время подъ именемъ рукописи Филарета патріарха московскаго и всея Россіи. Сочиненіе это писано въ первой половинѣ XVII вѣка на 34 аршинномъ столбцѣ, который въ прошедшемъ столѣтіи разрѣзанъ на листы и сшитъ въ тетрадь. На оберткѣ ея написано заглавіе, котораго не имѣлъ столбецъ; въ немъ между-прочимъ, сказано, что рукопись эта сочинена при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его рукою исправлена. Это подало поводъ къ тому, что рукопись эта была приписана патріарху Филарету, однако жъ этого ни чѣмъ нельзя доказать. Сочиненіе это весьма занимательно и важно по историческимъ свѣдѣніямъ о смутномъ времени нашей исторіи. Въ немъ, излагаются хотя не всегда отчетливо происшествія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ съ 1606 по 1613 годъ. Рукопись Филарета была извѣстна Карамзину; онъ ссылается на нее въ XII т. своей исторіи; но въ списокъ, которымъ Карамзинъ пользовался были пропуски и ему не были извѣстны два любопытныя сказанія, находящія въ списокѣ

изданномъ Мухановымъ: 1. Сказаніе о смерти «храбраго и разсмотрительнаго всеводы», безсмертнаго героя нашей исторіи князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, коего подвиги краснорѣчиво описаны Карамзинымъ; и 2. Сказанія о мѣстѣ погребенія «Властителя рязанскія земли и начальника московскаго собранія» Прокопія Ляпунова, убитаго измѣнниками Казаками, когда вся надежда Русскихъ была въ немъ одномъ, лицѣ истинно драматическомъ. Рукопись приписываема патріарху Филарету издана Мухановымъ въ Москвѣ 1837 года in 8° съ палеографическими снимками почерковъ. Притомъ издатель сдѣлалъ къ ней примѣчанія и указатель. Всякій Русскій, для котораго не чужды имена Скопина-Шуйскаго и Ляпунова, съ живѣйшимъ участіемъ прочтетъ въ рукописи Филарета сказанія объ этихъ двухъ историческихъ мужахъ, и о другихъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ эпоху 1612 года; прочтетъ и то, что говорится о великомъ святителѣ Ермогенѣ, который непоколебимо стоялъ за вѣру и принялъ мученическую смерть отъ иноземцевъ.

Кипріанъ, первый архіепископъ сибирскій и тобольскій, скончавшійся въ Новѣгородѣ 1635 года. Миллеръ въ своей «Сибирской Исторіи» говоритъ, что сей пастырь былъ первымъ сочинителемъ записокъ сибирской исторіи; потому, что онъ по прибытіи въ Тобольскъ отобралъ отъ Казаковъ, бывшихъ товарищами завоевателя Сибири—Ермака Тимофеева, первыя письменныя извѣстія о всѣхъ обстоятельствахъ ихъ прибытія въ Сибирь, а въ особенности о мѣстахъ сшибокъ и сраженій. Имена убитыхъ Казаковъ онъ записалъ въ синодикъ соборной церкви. Во всѣхъ мѣстахъ Сибири, говоритъ Миллеръ, находятся списки сихъ извѣстій. Онъ пользовался многими изъ нихъ при сочиненіи своей Исторіи.

Савва Осиповъ, (Есиповъ) дьякъ сибирскаго митрополита, сочинившій въ 1637 году Лѣтопись о сибирстѣй земли и о Царствіи, пользовался также и трудами Кипріана. Извѣстно и другое Сказаніе о взятіи царства Сибирскаго, неизвѣстнаго сочинителя, писавшаго въ началѣ XVII вѣка.

Рѣзче всѣхъ въ исторической дѣятельности означился *Патріархъ Никонъ*. Никонъ есть лицо историческое, дѣла его болѣе или менѣе извѣстны каждому, кто хотя не много знакомъ съ отечественною исторіею. Намъ довольно будетъ сказать, что онъ сдѣлалъ въ пользу русской исторіи.

Патріарху Никону обязаны мы многими историческими рукописями (съ X — XVII ст.) привезенными по порученію его іеромонахомъ Арсеніемъ Сухановымъ, котораго онъ посылалъ въ Іерусалимъ. Въ числѣ ихъ привезенъ и болгарскій переводъ Гамартола какъ утверждаютъ нѣкоторые наши археологи. Онъ старался также о переводѣ на русскій языкъ многихъ историческихъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя, находившіяся прежде въ его собственной библіотекѣ и подписанныя имъ самимъ, нынѣ хранятся въ библіотекахъ московской синодальной, въ Императорской Академіи Наукъ и другихъ. Онъ доказываютъ его любознательность и свѣдѣнія не въ однихъ богословскихъ наукахъ. Въ 1648 г. онъ сдѣланъ былъ митрополитомъ новгородскимъ и по пріѣздѣ своемъ въ Новгородъ, нашелъ въ софійской библіотекѣ много лѣтописей. Обстоятельство это, безъ сомнѣнія, внушило ему мысль составить полную лѣтопись Россіи (то есть русскую исторію) по тогдашнимъ понятіямъ. Никонъ находился въ Новгородѣ не болѣе трехъ лѣтъ и будучи сдѣланъ патріархомъ, онъ велѣлъ перевести изъ прежней своей епархіи множество лѣтописей въ свой новоіерусалимскій (или воскресенскій)

монастырь а вѣроятно, и изъ другихъ мѣстъ, и составилъ себѣ историческую библіотеку. Это доказываютъ многія лѣтописи, на которыхъ находится собственноручная помѣта Никона, о томъ что онъ принадлежали его новоіерусалимской монастырской библіотекѣ. Онъ вполне понималъ какую драгоценность лѣтописи наши составляютъ для потомства, и на лѣтописи Сильвестра игумена монастыря св. Михаила, хранящейся въ числѣ рукописей библіотеки Академіи Наукъ, мы встрѣчаемъ слѣдующую собственноручную помѣтку Никона: «Лѣта ⁷¹⁶⁹ ~~7320~~ (7169) сію книгу положилъ въ домъ святаго живоноснаго воскресенія Господня и Спаса нашего Іисуса Христа Новаго Іерусалима смиренный Никонъ Божіею милостію патріахъ, а кто восхощетъ ю усвоити яко же Ахавъ сынъ Халміевъ, или утаитъ яко же Ананія и Сапфира,—да отъиметь отъ него Господь Богъ святую свою милость и затворитъ двери святыхъ щедротъ своихъ и да прійдетъ неблагословеніе и клятва и казнь Божія душевная и телесная въ нынѣшнемъ вѣцѣ, а въ будущемъ вѣчная мука, а кто сіе писаніе какимъ злымъ умышленіемъ испишитъ отъ книги сея, да испишитъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя». Этихъ словъ довольно чтобы дать понятіе о томъ, какъ высоко цѣнилъ Никонъ лѣтописи. Съ другой стороны онъ превосходно изображаютъ крутой нравъ этого великаго мужа.

Почти въ то самое время, когда въ Кіевѣ являются компиляторы русскихъ и польскихъ лѣтописей, въ Великой Россіи первому Никону пришла геніальная мысль составить сводъ отечественныхъ лѣтописей, мысль конечно довольно смѣлая въ то время, если вспомнимъ на какой степени находилась тогда наука. Она исполнена не совсѣмъ удачно, чужда всякой очистки отъ сомнительныхъ и невѣрныхъ извѣстій,

внесенныхъ во многія наши лѣтописи, частью продолжателями, частью переписчиками, за то методъ свода чрезвычайно оригиналенъ. Не смотря на то, что Никонъ жилъ почти за 200 лѣтъ до насъ, при составленіи своей лѣтописи онъ руководствовался такими же почти понятіями, какими слѣдовало бы руководствоваться — и въ новѣйшее время. Свѣтлый умъ его превосходно понималъ, что для того, чтобы передать со всею живостію и оригинальностью времена прошедшія, надо перенести читателя въ изображаемую эпоху. По этому онъ заставляетъ многія историческія лица говорить ихъ языкомъ, выражающимъ тогдашнія понятія; мѣста, въ которыхъ лѣтописцы-современники только намѣкаютъ о нѣкоторыхъ предметахъ или обстоятельствахъ, пополняетъ извлеченіями изъ цѣлыхъ современныхъ сочиненій о нихъ. Упоминая о какомъ нибудь лицѣ, Никонъ рассказываетъ всю его жизнь (біографію) приводитъ его посланіе, сказаніе, слова и т. д. Однимъ словомъ, читая его лѣтопись вы невольно вспомните Вильмена! *Русская лѣтопись* подъ именемъ *Никоновой*, или по *Никонову списку*, была издана въ Спб. при Академіи Наукъ въ 8 частяхъ in 4°. Этотъ сводъ отечественныхъ лѣтописей, степенныхъ книгъ и греческихъ хронографовъ, доведенъ до 1630 г. и напечатанъ съ подлинника подписаннаго патріархомъ Никономъ, со всею точностію. Первая часть издана въ 1767 г. Шлёцеромъ и Башиловымъ; вторая въ 1768 г. Башиловымъ и Полновымъ; прочія части напечатаны Академіею по примѣру первыхъ, съ 1786 по 1792 г. Шлёцеръ въ предисловіи къ 1-й части не признаетъ, что эта лѣтопись составлена самимъ Никономъ, потому, что въ первомъ и второмъ томахъ подлинника до стр. 532 она сходствуетъ почти слово въ слово съ такъ называемымъ *патріаршимъ* спискомъ лѣтописи. Бакмейстеръ

въ жизнеописаніи никоновомъ прибавляетъ, что Никону, подписавшему свой подлинникъ въ 1661 г. нельзя было успѣть, въ три года пребыванія своего въ воскресенскомъ монастырѣ, составить эту лѣтопись. Но сомнѣнія эти не основательны; ибо патріаршій списокъ могъ быть составленъ Никономъ же еще прежде, а полнѣйшій послѣ. Самъ Шлёцеръ, принявъ во вниманіе новостъ письма и слога, признаетъ, что обѣ эти лѣтописи писаны въ половинѣ XVII вѣка, то есть, во времена никоновы, только первая содержитъ въ себѣ почти голыя выписки изъ древнихъ лѣтописей, а вторая писана съ измѣненіемъ устарѣвшихъ словъ на новыя, съ пополненіемъ изъ хронографовъ и проч. Сомнительно чтобы кто-нибудь изъ его предшественниковъ былъ способенъ составить такую лѣтопись. А Никонъ могъ начать ее еще въ 1648 году въ Новѣгоровѣ; по-крайней-мѣрѣ, многія лѣтописи находящіяся въ софійскомъ новгородскомъ книгохранилищѣ, и самая такъ называемая софійская лѣтопись доказываютъ своимъ сходствомъ съ никоновою, что онѣ служили ему источниками. Впрочемъ лѣтопись его имѣетъ множество недостатковъ и не исправностей, какъ и прочія русскія лѣтописи, изъ которыхъ она составлена — отпечатковъ разныхъ вѣковъ и понятій. Татищевъ обвиняетъ Никона въ подмѣнѣ въ своей лѣтописи слѣдующихъ мѣстъ, гдѣ въ древнихъ спискахъ было написано *посла князь*, или *повелѣ князь* митрополиту или епископу, тамъ будто онъ вездѣ ставилъ *моли князь*. Шлёцеръ напротивъ, оправдываетъ его, доказывая что онъ видѣлъ лѣтописи древнѣе никоновой, въ которыхъ встрѣчаются слова *моли князь* и проч. да и самъ Татищевъ утверждаетъ, что измѣненія эти будто бы началъ дѣлать еще митрополитъ Макарій при поправкѣ *кипріановыхъ Степенныхъ Книгъ*. Эминъ выражается о лѣтописи патріарха Нико-

на слѣдующими словами. «Изъ 8 ея частей, говоритъ онъ, ежели выбрать одинъ томъ россійской исторіи, которую разумные люди читать могутъ; то прочіе всѣ будутъ наполнены грубымъ суевѣріемъ, несправедливымъ описаніемъ дѣйствій греческихъ царей и разными больше смѣшными, нежели удивительными приключеніями многихъ колдуновъ и волшебницъ». Такъ думалъ Эминъ, но если мы бросимъ взглядъ на то что сдѣлано по своду лѣтописей до Никона и послѣ него до Татищева, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Никонъ составляетъ эпоху въ нашей исторической дѣятельности, несмотря на всѣ несовершенства его труда.

Иванъ Корнильевичъ Шушери́нъ, родомъ новгородецъ, бывшій иподіакономъ (клирикомъ) при патріархѣ Никонѣ. Онъ пользовался отличнымъ благоволеніемъ этого святителя, и по низрерженіи его впалъ въ подозрѣніе, содержался одиннадцать дней въ тайной канцеляріи, потомъ слишкомъ три года въ тюрьмѣ, наконецъ сосланъ былъ въ Новгородъ и жилъ тамъ въ заточеніи 10 лѣтъ, но въ послѣдствіи освобожденъ по ходатайству царевны Татьяны Михайловны и возвращенъ въ Москву. Шушери́нъ извѣстенъ подробнымъ описаніемъ всей жизни Никона; кажется, многого онъ не смѣлъ писать. Это жизнеописаніе издано со списка иверскаго монастыря О. П. Козодавлевымъ, бывшимъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, 1784 года въ Спб. подъ заглавіемъ: *Житіе святѣйшаго патріарха Никона писанное бывшимъ при немъ клирикомъ*. Второе изданіе было въ Спб. же 1817 г. Миллеръ, еще до того въ 5 части своего нѣмецкаго *Собранія Русской Исторіи*, напечатанной въ Спб. издалъ краткую выписку изъ сочиненія Шушерина, а Иванъ Бакмейстеръ сдѣлалъ изъ него же довольно полное и безпристрастное сокращеніе на нѣмецкомъ языкѣ и

напечаталъ въ Ригѣ 1788 г., съ присовокупленіемъ двухъ прибавленій, изъ которыхъ первое содержитъ исторію исправленія церковныхъ книгъ, вышедшихъ при Никонѣ, а второе дополнительныя извѣстія о причинахъ паденія сего патріарха, почерпнутыя изъ его же книги *Возраженій* и другихъ извѣстій.

Никаноръ, архимандритъ, сочинилъ въ 1685 г. *Сказаніе о построеніи Новаго Іерусалима*.

Симеонъ Медвѣдевъ, курскій уроженецъ, служилъ прежде подъячимъ въ губной избѣ, потомъ переселился въ Москву, постригся въ монахи подъ именемъ *Сильвестра*, и былъ настоятелемъ московскаго заиконоспаскаго монастыря. Дружба съ белорусскими учеными, которые вслѣдъ за Симеономъ Полоцкимъ во множествѣ стѣкались въ Москву, поколебала Медвѣдева въ догматахъ греческаго исповѣданія. Подражая Симеону, онъ писалъ сочиненія на разныя происшествія, и по кончинѣ его, въ правленіе Софіи поднесъ царевнѣ, сочиненный Полоцкимъ уставъ Московской Славяно-Греко-Россійской Академіи, съ присовокупленіемъ собственной своей эпистолы, которая напечатана въ древней Россійской Библіотекѣ». Но братья Лихуды, прибывъ изъ Греціи для занятія первыхъ учительскихъ мѣстъ въ новоучрежденной академіи, обнаружили ересь Медвѣдева. Онъ завелъ съ ними споръ. «Манна», сочиненіе, написанное имъ противъ Лихудовъ, произвело сильное волненіе. Тщетно Патріархъ Іоакимъ уговаривалъ Медвѣдева отступить отъ своихъ мнѣній; онъ отвѣчалъ только возраженіями. Наконецъ сей святитель предалъ его проклятію и хотѣлъ заточить. Узнавъ объ этомъ, Медвѣдевъ рѣшился бѣжать въ Польшу и въ 1689 г. скрылся изъ Москвы, но въ смоленской губерніи былъ задержанъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми стрѣльцами. Тогда его, уже какъ гражданскаго преступника, ли-

шили монашескаго званія, посадили въ троицкій сергіевъ монастырь, и предали суду. Въ 1690 году, послѣ втораго стрѣлецкаго бунта, онъ казненъ вмѣстѣ съ Шакловитымъ *. Онъ сочинилъ *Описаніе стрѣлецкаго бунта* 1682 г. Записки Медвѣдева заключаютъ въ себѣ описаніе происшествій отъ кончины царя Θεодора Алексѣевича до распоряженій, сдѣланныхъ вслѣдствіе безыменнаго доноса о новомъ заговорѣ стрѣльцовъ подкинутаго царямъ въ селѣ Коломенскомъ, то есть, онъ содержатъ первый стрѣлецкій бунтъ, возмущеніе раскольниковъ, и предпріятія Хованскаго противъ правительства. Записки его любопытны, какъ очевидца, передавшаго намъ описаніе самаго ужаснаго событія, какъ современника знавшаго всѣ подробности. Не ко всѣмъ безпристрастный, онъ описываетъ подробно всѣ обстоятельства, говоритъ откровенно о лицахъ, участвовавшихъ въ этомъ заговорѣ; Медвѣдева можно обвинить въ пристрастіи къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Непонятно его равнодушіе къ Милославскому и къ князю Хованскому. Современникъ его графъ Матвѣевъ, раскрываетъ вполнѣ участіе царевны, и въ то же время является пристрастнымъ къ Толстымъ, дѣйствовавшимъ въ этомъ событіи.

Записки Медвѣдева въ первый разъ были напечатаны въ шестой части Сборника *Туманскаго*. Г. Сахаровъ напечаталъ ихъ съ двухъ рукописей доставленныхъ ему въ 1829 г. отъ тульскаго купца Грязева, совершенно сходныхъ между собою **. Изложе-

* Въ московской синодальной библіотекѣ хранится, рукопись, содержащая въ себѣ описаніе заблужденій, заговоровъ, суда и казни Медвѣдева.

** См. записки Русскихъ людей. Спб. 1841 г. in 8.

ніе событій, описанныхъ Медвѣдевымъ, напечатано съ рукописи безъ малѣйшаго измѣненія въ текстъ. Слогъ Медвѣдева не дуренъ и гораздо чище слога записокъ его современниковъ.

Адріанъ, послѣдній патріархъ московскій, скончавшійся въ 1700 г., оказалъ не маловажную услугу отечественной исторіи, составивъ: *Собраніе грамотъ, или посланій и духовныхъ указовъ, писанныхъ въ разные времена*. Собраніе это находится въ числѣ рукописей библіотеки Императорской Академіи Наукъ. Второй историческій трудъ его есть: *Выписка правъ и привиллегій Греко-Россійской церкви, отъ начала оныя до 1700 г.* Она была сдѣлана для комисіи, учрежденной по указу Петра 1-го 1700 г. февраля 23 дня, для составленія новаго уложенія. Списки этого сочиненія находятся въ синодальной и александровской библіотекахъ.

Тимофей Каменевичъ-Рвовскій, іеродіаконъ холопьяго монастыря (при устьѣ рѣки Мологи), жившій въ концѣ ХУІІ столѣтія, писалъ *О происхожденіи Славянъ и Руссовъ* *. Подлинникъ этого сочиненія находится въ числѣ рукописей синодальной библіотеки, въ сборникъ подъ заглавіемъ: *о Древностяхъ Россійскаго государства*. Карамзинъ полагаетъ, что изъ этого сочиненія почерпнуть отрывокъ *Іоакимовой летописи*, помѣщенный Татищевымъ въ 1-й части его *Исторіи*.

Игнатій митрополитъ сибирскій и тобольскій, изъ рода *Римскихъ-Корсаковыхъ*, былъ прежде стольникомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, потомъ принялъ монашество въ соловецкомъ монастырѣ, и съ 1677 г.

* А по мнѣнію г. Строева онъ составилъ *Исторію Греко-Славянскую 1684 г. и Описаніе о началѣ славяно-россійскаго народа 1699 г.*

былъ тамъ еклесіархомъ, или уставщикомъ церковнымъ; въ 1685 г. посвященъ въ архимандриты московскаго новоспасакаго монастыря. Въ семъ званіи, онъ былъ посланъ (1687) патріархомъ Іоакимомъ въ костромской и кинешемскій уѣзды для увѣщанія раскольниковъ, и написалъ *Историческое извѣстіе объ этомъ своемъ путешествіи*. Въ 1690 г. онъ сочинилъ также, *Историческое извѣстіе о Россійскомъ царствіи отъ святаго писанія и повѣстей отцовъ*. Оба эти сочиненія находятся между рукописями библіотеки Императорской Академіи Наукъ. Въ 1692 году, онъ сдѣланъ былъ митрополитомъ сибирскимъ и тобольскимъ; будучи въ Tobольскѣ, сочинилъ три окружныя пастырскія *Посланія* въ обличеніе сибирскихъ еретиковъ и раскольниковъ, размножившихся отъ сосланныхъ туда двухъ раскольниковъ, протопопа *Аввакума* и казанскаго чернеца *Іосифа Астомина*, изъ которыхъ первый привезенъ былъ въ Сибирь въ 1656 г., а послѣдній въ 1660 году. *Астоминъ*, на дорогѣ въ Енисейскъ проѣзжая города *Верхотурье*, *Туринскъ* и *Тюмень*, заразилъ многихъ своимъ ученіемъ, совѣтуя креститься двумя перстами, и доказывая справедливость своего ученія книгами напечатанными при патріархѣ *Іосифѣ*. На *Тюмень* одинъ попъ *Дометіанъ*, называвшійся въ монашествѣ *Даніиломъ*, развращенный ученіемъ его, распространилъ эту ересь, и около 1660 году, уговорилъ многихъ къ самосожженію.

Подробное извѣстіе о всѣхъ сихъ лжеучителяхъ и ихъ послѣдователяхъ, находится въ третьемъ *Игнатьевомъ Посланіи*, писанномъ въ 1696 году. Тамъ есть также много любопытныхъ извѣстій о древнихъ русскихъ расколахъ вообще. Св. *Димитрій* митрополитъ ростовскій, и прочіе писавшіе о раскольникахъ послѣ *Игнатія*, много приводятъ свидѣтельствъ изъ его *Посланій*; такъ какъ онъ былъ современникъ и очевидецъ

самыхъ важнѣйшихъ раскольниковыхъ мятежей при Алексіѣ Михайловичѣ и его наследникахъ. Въ третьемъ его *Посланіи* замѣчательно то, что онъ, производить обычай двуперстнаго знаменія креста, употребляемаго раскольниками, отъ нѣкоторыхъ армянскихъ семействъ обратившихся къ греко-россійской вѣрѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Къ одному изъ этихъ семействъ принадлежалъ и чернецъ *Іосифъ Астоминъ*. *Посланія Игнатьевы* и упомянутыя его сочиненія находятся въ библіотекахъ: синодальной, новгородской, софійской и александровской. Изъ третьяго *Посланія* была сдѣлана выписка *Повѣсти о жидовствовавшихъ новгородскихъ еретикахъ*, съ краткимъ содержаніемъ словъ, объ нихъ написанныхъ *Іосифомъ* игуменомъ Волоколамскимъ, и напечатана въ XIV и XVI частяхъ «Древней Россійской Вивліюѣики», изданіе второе въ М. 1790 и 1791 годовъ. Въ верхотурскомъ монастырѣ, есть составленное митрополитомъ Игнатіемъ *Описаніе жизни и чудесъ праведнаго Симеона*, котораго мощи тамъ почитаютъ.

Афанасій, первый епископъ архангельскій, возведенъ былъ въ это достоинство изъ крестовыхъ патріаршихъ іеромонаховъ въ 1682 году, умеръ въ Архангельскѣ 1702 года. Онъ былъ однимъ изъ искуснѣйшихъ современныхъ іеромонаховъ, состязателей съ раскольниками; ибо прежде самъ находился въ сообществѣ съ ними, но замѣтилъ ихъ лжеученіе и во время раскольниковъ бунта въ 1682 г., сильно обличалъ ихъ. Посему, онъ имѣлъ по этой части очень частыя порученія отъ Императора Петра Великаго. *Афанасій* имѣлъ большую библіотеку, изъ которой многія книги и рукописи достались въ наследство графу Толстому. Въ числѣ ихъ, по каталогу графа Толстаго находилось его: *Описаніе трехъ путей изъ державы Царскаго Ве-*

личества изъ поморскихъ странъ въ Шведскую землю и до столицы ихъ. in-fol.

Коріонъ Истоминъ, іеромонахъ московскаго чудова монастыря и справщикъ московской духовной типографіи, обучался въ московской заиконоспасской Академіи у Грековъ Лихудовъ. Голиковъ ссылается на его *Лѣтопись*, но намъ ни чего болѣе о ней неизвѣстно. Онъ скончался 1713 года.

Изъ духовенства Западной Руси замѣчательны на историческомъ поприщѣ слѣдующіе:

Захарій Копыстенскій, архимандритъ кіевопечерскаго монастыря (скончался 1626 года), современникъ Палицына. Въ то самое время, когда Палицынъ описывалъ бѣдствія Великой Россіи подъ игомъ Поляковъ, Копыстенскій защищалъ Русь западную отъ вліянія католицизма. Кромѣ многихъ чисто богословскихъ сочиненій, которыя не относятся къ нашему предмету, важнѣйшее его сочиненіе есть *Палинодія*, написанное 1621 г., на польско-русскомъ языкѣ, если можно такъ выразиться, въ опроверженіе книги изданной виленскимъ игуменомъ Львомъ Кревзою, 1618 года, подъ названіемъ: *Оборона Уніи*. Сочиненіе Копыстенскаго важно для насъ въ томъ отношеніи, что въ немъ, кромѣ защищенія православной церкви, заключается много историческихъ извѣстій, объясняющихъ различныя обстоятельства русской, въ особенности кіевской іерархіи, начало и причины Уніи съ опроверженіемъ всѣхъ разнствующихъ догматовъ и ученій римской церкви. Сочиненіе это до сихъ поръ находится въ рукописи. Подлинникъ за подписью автора, хранится въ кіевопечерской лаврской бібліотекѣ, а списки съ него встрѣчаются въ разныхъ би-

бліотекахъ. Десять главъ изъ этого творенія напечатаны въ книгѣ о *Вѣрѣ*, изданной въ 1648 году, въ Москвѣ. Святой Димитрій митрополитъ ростовскій также пользовался *Палинодією* при сочиненіи своего каталога кіевскихъ митрополитовъ, чему доказательствомъ служатъ безпрестанныя на нее ссылки. Въ концѣ подлинника находится еще другое сочиненіе Копыстенскаго, подъ названіемъ, *О правдивой едности христіанъ правовѣрныхъ церкви всходной также и противъ апостатовъ и о ихъ фальшивой Уніи*. Какое имѣли дѣйствіе труды Копыстенскаго на современниковъ, можно нѣсколько видѣть изъ лекцій господина Шевырева напечатанной въ 4 № Москвитянина за 1844 г.

Сильвестръ Коссовъ, митрополитъ кіевскій, знаменитый ученый и богословъ своего времени, скончавшійся въ 1657 году. Онъ сократилъ *Патерикъ Печерскій* и издалъ его на польскомъ языкѣ съ присокупленіемъ нѣкоторыхъ историческихъ примѣчаній, заимствованныхъ имъ изъ писателей греческихъ, латинскихъ и польскихъ. Онъ помѣстилъ въ концѣ его хронологическій списокъ православныхъ кіевскихъ митрополитовъ отъ введенія въ Россію христіанской вѣры до Петра Могилы, но повѣствованіе его не всегда вѣрно. *Патерикъ* этотъ напечатанъ въ Кіевѣ въ 1735 году готическими буквами in 4°. Есть и русскій переводъ этой книги. Залускій въ каталогъ своемъ говоритъ, что онъ *удивительно рѣдокъ* (opusculum stupendae raritatis). Это потому что малороссійскіе католики и уніаты всегда старались истреблять книги писанныя въ защиту православія и печатанныя въ типографіяхъ западной Руси. Потому весьма не много такихъ книгъ уцѣлѣло въ тамошнихъ бібліотекахъ. Можетъ быть это же было причиною истребленія тамошнихъ древнихъ архивовъ.

Афанасій Калнофойскій, соборный монахъ кіевскаго печерскаго монастыря, сочинилъ на польскомъ языкѣ, который былъ тогда въ Кіевѣ почти общенароднымъ, книгу подъ заглавіемъ *Тератургима*, или чудеса, случившіяся въ печерскомъ монастырѣ и въ обѣихъ пещерахъ (съ нѣкоторыми замѣчаніями). Въ этомъ сочиненіи есть много историческихъ свѣдѣній о печерскомъ монастырѣ, и разныя надписи съ надгробій благодѣателей этой обители, положенныхъ въ пещерахъ. Оно напечатано въ Кіевѣ въ 1638 году in 4°, готическими буквами.

Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, родился въ Молдавіи въ 1590 году, (а по другимъ въ 1597). Онъ происходилъ изъ рода князей волошскихъ, воспитывался въ Парижѣ, служилъ въ польскомъ войскѣ; въ 1625 году постригся въ монахи въ кіевопечерскомъ монастырѣ при Захаріи Копыстенскомъ а въ 1633 году посвященъ въ санъ митрополита кіевскаго; скончался въ 1647 году. Сей архипастырь сдѣлалъ чрезвычайно много для просвѣщенія западной Руси, и кромѣ многихъ сочиненій, первый предпринялъ изданіе на церковно-славянскомъ языкѣ, *Житій Святыхъ*, почитаемыхъ православною церковью, но не успѣлъ и приступить къ этому труду. Татищевъ * и его послѣдователи упоминаютъ еще о сочиненной имъ *Русской Лѣтописи*, находящейся будто бы въ Кіевѣ за его подписью. Но она до сихъ поръ еще не извѣстна нашимъ археологамъ.

Оеодосій Софоновичъ, игуменъ кіевскаго михайловскаго монастыря, избранъ и посвященъ въ этотъ санъ 1655 года. Онъ сочинилъ *Хронику*, которой

* Росс. Истор. Ч. 1. стр. 33.

одинъ списокъ находится въ Императорской библиотекѣ, а другой найденъ въ Швеціи въ библиотекѣ города Вестеррасса, гдѣ Хилковъ находился въ заключеніи. Вѣроятно онъ тамъ остался послѣ его смерти. Этотъ списокъ былъ списанъ для графа Н. П. Румянцева. Хроника Софоновича написана польско-русскимъ языкомъ подъ заглавіемъ: *Хроника изъ лѣтописцевъ стародавнихъ, изъ святаго Нестора печерскаго и иныхъ, также изъ хроникъ польской о Русси, отколы Русь началась и о первыхъ князехъ русскихъ и по нихъ дальшихъ наступающихъ князехъ и о ихъ дѣлахъ, собранная працою іермонаха Θεодосія Софоновича, игумена монастыря золотого кіевскаго, року отъ сотворенія свѣта 7180, а отъ Рождества Христова 1672*. Списокъ же поступившій въ Императорскую публичную библиотеку отъ графа Толстова относится къ 7190 (1681) году. Въ немъ, послѣ заглавія слѣдуетъ краткое предисловіе, которымъ мы подѣлимся съ нашими читателями: «съ Русія уродившися въ вѣрѣ православной, за слушную рѣчь почитаемъ, абы вѣдалъ самъ и инымъ русскимъ сыномъ сказалъ отколы Русь почалася, и якъ Панство русское за початку ставши, до сего часу идетъ. Каждому бовѣмъ потребная есть рѣчь о своей отчизнѣ знати и инымъ пытающимъ сказати. Бо своею роду не знающихъ людей за глупыхъ почитаютъ. Що теды изъ разныхъ лѣтописцевъ русскихъ и хроникъ польскихъ вычиталъ, тое пишу». Изъ этого предисловія мы видимъ, что призваніе Софоновича на историческое поприще, былъ чистый патріотизмъ, самое благородное побужденіе къ наукѣ. Но какъ жаль, что у насъ съ древнѣйшихъ временъ происходитъ постоянная разладица идеи съ словомъ. Кто не согласится, что на Руси издревль было много свѣтлыхъ умовъ, но какъ только дѣло доходило до

облеченія мыслей въ форму, тутъ-то являлись чрезвычайныя странныя вещи. Русскіе еще до сихъ поръ болѣе способны къ умственной, созерцательной жизни, чѣмъ къ выраженію своего внутренняго міра. У насъ отъ природы нѣтъ коммуникативности, нѣтъ стремленія къ сообщенію мыслей, а оттого нѣтъ до сихъ поръ и общества въ нравственномъ смыслѣ. Вы и теперь встрѣтите много умнѣйшихъ людей, но посмотрите въ лѣтописи нашего общества: есть ли въ немъ слѣды общей образованности. Довольно долго Русскимъ не сродно было обобщеніе высокихъ понятій да и теперь даже, разберите содержаніе какаго угодно гостиннаго разговора между людьми самыми умными и образованными; вы увидите что дѣло идетъ о самыхъ ничтожныхъ предметахъ, между тѣмъ какъ человѣческія идеи остаются въ сторонѣ. Главная причина всего этого заключается въ томъ, что Русь по мѣрѣ умственнаго образованія не обрабатывала своего языка, а ученые наши, всѣхъ вѣковъ, думали что самыя высокія понятія должно выражать языкомъ церковно-славянскимъ. Что же изъ этого вышло? Умы развивались, а языкъ стоялъ на одной и той же степени, на которой поставили его Кириллъ и Меѳодій. Уже Гриммъ замѣтилъ этотъ общій недостатокъ славянской цивилизаціи, онъ говоритъ: «могъ ли напр. какой нибудь провансальскій трубадуръ или нѣмецкій менезингеръ слагать свои пѣсни на языкъ церковномъ? Какъ бы онъ не былъ благозвученъ, богатъ и силенъ въ своей сферѣ;—въ свѣтскомъ обиходѣ онъ будетъ слабъ, бѣденъ и невыразителенъ. Никакъ нельзя согласиться, чтобы кирилловскій языкъ могъ выражать своими средствами всю полноту чувствъ и понятій которыя находятъ себѣ выраженіе въ живыхъ нарѣчіяхъ. Не говоря уже о словахъ коренныхъ, замѣтимъ, что мертвый церковный языкъ не

имѣеть тѣхъ изгибовъ, образовъ, отступленій, равно какъ того юмора и той поэзіи, которые проникаютъ въ живой языкъ народа прямо изъ жизни дѣйствительной и удовлетворяютъ всѣмъ тонкимъ требованіямъ выраженія чувствъ и мыслей».

Такое же горе постигло и западную Русь: перенимая живыя идеи Запада, она принуждена была выражать ихъ по-славянски или на худой конецъ по славяно-польски. Мысль живая, гибкая, извилистая облекшись въ формы славяно-польскія дѣлалась или смѣшною или уродливою. Намъ нужно было видѣть Софоновичей, Тредьяковскихъ и такъ далѣе, чтобы убѣдиться наконецъ въ томъ, что русскій чело вѣкъ какъ бы онъ образованъ ни былъ, свой внутренній міръ, можетъ выразить только на своемъ собственномъ, родномъ—русскомъ языкѣ. Тогда только мы можемъ имѣть притязанія на собственно русскую, оригинальную цивилизацію.

Обратимся теперь къ своему предмету. Послѣ предисловія Софоновича сдѣдуетъ самая хроника, раздѣленная на три книги. Первая глава первой книги имѣеть заглавіемъ: *О пачатку Славенъ и Руси*; вторая, *О первыхъ князяхъ русскихъ*; третія, *О заби-тѣ князей кіевскихъ, Дира и Аскольда и о княженіи рюриковомъ*; четвертая, *О княженіи Ольги въ Кіевъ, о помстѣ на Древляны и о крещеніи Ей*; пятая, *О княженіи Святослава Игоревича въ Кіевъ року 6970*, и такъ далѣе.

Хотя Θεодосій и говоритъ въ заглавіи, что составилъ свою хронику изъ Нестора и польскихъ хроникъ: однако жъ по сличеніи съ волинскою или ипатъевскою и хлѣбниковскою лѣтописями, оказывается, что онъ почти только переводилъ сію послѣднюю на малороссійскій языкъ, даже кончилъ 1289 и 1292 годомъ на извѣстїи о гробницѣ княгини Романовой, чѣмъ

оканчивается и волынская летопись писанная славянскимъ языкомъ *.

Всё различіе въ томъ, что Сафоновичъ часто ссылался на польскихъ историковъ, чего нѣтъ въ волынской летописи. Впрочемъ, въ обѣихъ этихъ летописяхъ тѣ же неисправности, безпорядки и особенное обиліе сказаній о юго-западной Руси или лучше сказать о галицкомъ княжествѣ. Въ Вестеррасскомъ спискѣ хроники Сафоновича находится еще 31 статья различнаго содержанія, которыя всѣ имѣютъ достоинство историческое, а именно:

1. Книга лошадиного ученія, имѣющая въ подлинникѣ 126 стр. (Кавалерійскій уставъ).

2. Россійская Исторія отъ начала происхожденія Славянскаго народа до княженія князя Мстислава въ Володимірь. 311 стр.

3. Переводы и списки съ различныхъ грамотъ и писемъ. 21 стр.

4. Надворныя пѣхоты, бунтовавшей во Москвѣ, челобитье къ царямъ Иоанну и Петру Алексѣевичамъ. 7 стр.

5. Введеніе въ Космографію и ея части. 26 стр.

6. Описаніе великой церкви Воскресенскаго монастыря Новаго Іерусалима и торжественнаго ея освященія. 56 стр.

7. Разговоръ, каковъ имѣли царскіе послы съ королевскими Сенаторами и Гетманомъ Литовскимъ. 23 стр.

8. Описаніе рады въ Глуховѣ и статей, постанов-

* Въ ней подъ 6800 годомъ показаны только два происшествія, случившіяся послѣ zaloженія каменнаго столба въ городѣ Чаршорыйскѣ (въ одномъ году съ сооруженіемъ гробницы), то есть, о смерти Максима князя Юрія Владиміровича и князя Степанскаго (?).

ленныхъ оною, также статьи съ челобитья нѣжинскихъ и кievскихъ мѣщанъ. 60 стр.

22. Книга Большой Чертежъ всему Московскому Государству 142 стр.

23. Описаніе Новыя земли т. е. Сибирскаго Царства (отъ начала покорѣнія Сибири). 28 стр.

24. О постановленіи Великихъ Князей Русскихъ на Великое Княженіе Святыми Бармами и Царскимъ Вѣнцемъ откуда бѣ, и како начаша ставитися и како на царство помазаніе бываетъ царемъ. 40 стр.

25. Родъ Великихъ Князей Московскихъ и удѣльныхъ князей. 7 стр.

26. Родословіе Великихъ Князей Русскихъ.

27. Уставъ о бракахъ въ одной таблицѣ.

28. Родословіе различныхъ князей, представленное въ 7 таблицахъ.

31. Чертежъ всей Сибири, сбранный въ Тобольскѣ по указу Царя Алексія Михайловича. 19 стр.

При спискѣ же, бывшемъ Гр. Толстова, находится только 20 статей, упомянемъ слѣдующія:

1. О благовѣсту въ святой Обители Печерской къ церковному служенію, откуда онъ начася.

2. Описаніе русскихъ происшествій въ 6749 г. (1241) по 6907 (1399) годъ.

6. Повѣсть ведлугъ нѣкоторыхъ мудрыхъ людей, откуль початокъ свой и назвиско взяли Козаки.

7. Книга о побоищѣ Мамая Царя Татарскаго отъ Князя Владимірскаго и Московскаго Димитрія въ 12 главахъ.

8. Описаніе отколь Москва узяла свое назвиско и мѣста стольнаго Москвы, и Княженій, Повѣтовъ, мѣстъ (т. е. городовъ), Замковъ и Краинъ земли Московской подъ властію православнаго Монарха Московскаго зостающихся?

9. Откуда два митрополита въ Россіи, одинъ въ Москвѣ, а другой въ Кіевѣ?

10. Когда въ царствовавшемъ градѣ Москвѣ Патріаршій престолъ устроился?

11. О царствѣ Астраханскомъ Татарскомъ.

12. Мѣсяца Маія въ 15 день убіеніе благовѣрнаго Царевича Димитрія Углицкаго и Московскаго и всея Руссіи Чудотворца, и о пренесеніи честныхъ мощей его отъ града Углича въ царствующій градъ Москву.

13. О превращеніи Великаго Княженія Кіевскаго въ Воеводство.

14. О возвращеніи на первое паки царственное бытіе богоспасаемаго града Кіева.

15. Хроника о земли Польской, отколь Поляки Лехами и Поляками названы суть, о першихъ и о дальшихъ князехъ и о короляхъ польскихъ, съ историковъ польскихъ вкратцѣ собранная и русскимъ языкомъ списанная, року отъ Рождества Христова 1682. *

Въ ней исторія Польши начинается отъ Леха, названнаго первымъ княземъ; послѣ него слѣдуютъ: Казимиръ, двѣнадцать Воеводъ, Кракусъ; послѣ Кракуса и Леха, дѣва — Ванда, опять XII Воеводъ, Премиславъ, Лешки второй и третій, Попѣли 1-й и 2-й, Пясть, Зѣмовить и т. д., до короля Іоанна Казимира, или до сложенія имъ короны, на чемъ и прерывается исторія 1673 годомъ. Польскія дѣла перемѣшаны съ событіями казацкими изъ польскихъ писателей. Годы едва упоминаются въ началѣ каждого цар-

* По списку же хранищемуся въ московской библіотекѣ Колл. Иностр. Дѣлъ №4407 (1673).

ствованія и ведутся всегда отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра.

16. *Хроника о початку и назвиску Литвы и о князьяхъ литовскихъ, о дѣлахъ ихъ, съ историковъ польскихъ и русскихъ собранная року 4406.*

Эта лѣтопись, начиная исторію Литвы отъ Гомора старшаго сына Іафетова, ведетъ ее до временъ короля Сигизмунда I, въ царствованіе коего описываетъ войны съ московскимъ государствомъ, рожденіе Сигизмунда Августа, принятіе имъ въ 1529 г. княжества литовскаго; она называетъ его послѣднимъ Великимъ Княземъ Литвы, а князя Константина Ивановича Острожскаго, троцкаго Воеводу, послѣднимъ Литовскитъ Гетманомъ, и тѣмъ оканчиваетъ. Всѣ это сочиненіе есть не иное что, какъ сокращеніе Стрѣйковскаго, безъ малѣйшихъ прибавленій. Самъ даже Софоновичъ не скрываетъ своего источника, а напротивъ того во многихъ мѣстахъ упоминаетъ Стрѣйковскаго. Литовская лѣтопись начинается слѣдующими словами: «Литва маєтъ свой початокъ и рожай отъ Іафета сына Ноеваго, и отъ сына Іафетоваго старшаго Гомора, отъ котораго звалися Гомори, албо Цымери. Потомъ Цимбріи названныи, звано ихъ Иепидами, по раздѣленіи языковъ въ столпотвореніи, тый сыны Гомеровы внуки Іафетовы размножившися пошли на полночь и пришовши осѣли въ поляхъ подлѣ чермнаго и мертваго моря».

Но такъ какъ размножившись, и тамъ не могли уже помѣщаться, то иные пошли къ черному морю и поселились тамъ, гдѣ теперь Перекопъ, Крымъ и Кафа, и названы были Половцами, отъ того, что ловили людей; иные же поселились тамъ, гдѣ теперь Литва, надъ прусскимъ моремъ. Оттуда, авторъ лѣтописи ведетъ размножившихся Кимвровъ во Францію, Испанію и Италію, и такъ какъ Римляне не хотѣли дать имъ земель, то они овладѣли ими насильно. Наконецъ

послѣ многихъ сраженій полководецъ Марій побѣдилъ ихъ и вытѣснилъ изъ Италіи на Сѣверъ. Названіе Литвы онъ производитъ отъ Литалана или Литвона. Говоритъ, что большая часть писателей выводитъ Литву отъ Палемона, Неронова родственника. Всякій изъ этого можетъ видѣть, что это сокращеніе Стрійковскаго съ 24 по 27 страницу. Авторъ переходитъ послѣ того къ Палемону и тремъ его сыновьямъ, рассказываетъ о Куковойтѣ, Гедрусь Рингольдѣ, Мипдовгѣ, Тройнатѣ, Войшелкѣ, Гедиминѣ и т. д. Сначала годы ставятъ только въ началѣ cadaго царствованія; далѣе же, со времени Гедимина, главнѣйшія событія различены годами. Годы, какъ въ предыдущей лѣтописи, считаются отъ Рожд. Христова.

18. Листъ святѣйшаго патріарха іерусалимскаго (Досифея), писанный до малороссійскаго народу, утверждаючи о вѣрѣ, року 1679.

19. Копія съ грамматы великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, какова послана въ срѣтеніе мощей Филлипа митрополита московскаго и всея Россіи чудотворца, писана новымъ почеркомъ. Преосвященный Евгеній замѣчаетъ, что вѣроятно, статьи писанныя на малороссійскомъ языкѣ, сочинены также Софоновичемъ. Это подтверждается и рукописью, въ четвертую долю листа, писанною церковнымъ шрифтомъ, подаренною 1809 года коллежскимъ секретаремъ Михайломъ Шульцемъ, московской библіотекѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ она до сихъ поръ находится. * Рукопись эта содержитъ въ себѣ только двѣ хроники поименованныя

* Она заключаетъ въ себѣ 171 стр. Съ 1—110 стр. находится лѣтопись польская, а далѣе до конца стр. 171 — литовская.

здѣсь подѣ № № 15 и 16. Тамъ именно сказано, что онѣ сочинены Ѳеодосіемъ Софоновичемъ.

Хроникой Софоновича пользовались, князь Хилковъ и Иннокентій Гизель при составленіи своего *Синописа*, который собственно и есть сокращеніе труда Софоновича. Это явствуетъ изъ одинаковости ихъ мѣтій, изъ порядка и даже выраженій, переведенныхъ только съ малороссійскаго на славянскій языкъ. Но къ первымъ главамъ *Синописа*, Гизель прибавилъ нѣсколько главъ своего сочиненія, напримѣръ: *О разныхъ идолахъ славянскихъ* и проч., а къ инымъ онѣ присовокупилъ свои изъясненія и примѣчанія, ссылаясь вездѣ на Нестора и польскихъ историковъ: *Стрѣйковскаго*, *Длугоша*, *Бѣльскаго*, *Кромера*, *Мѣховиту* и *Гванина*, сокративъ вообще всѣ сказанія о *Волини*; а съ XIV ст., на которомъ остановился Софоновичъ, Гизель продолжалъ свою исторію сокращенно до самыхъ временъ Царя Ѳеодора Алексѣевича.

Иннокентій Гизель, архимандритъ кіевопечерскаго монастыря, родился и обучался въ дѣтствѣ въ *Польской Пруссіи*, вскорѣ потомъ понавъ въ Кіевъ принялъ православную вѣру и постригся въ монахи въ кіевопечерской Лаврѣ. Послѣ того, онѣ былъ отправленъ Петромъ Могилою, для усовершенствованія себя въ наукахъ, въ знаменитую въ то время львовскую академію. По возвращеніи оттуда, онѣ занималъ должность учителя и проповѣдника; въ 1645 г. сдѣланъ ректоромъ кіевской академіи; въ 1656 г. произведенъ въ архимандриты и спустя 28 лѣтъ послѣ того, скончался 1684 г. Будучи архимандритомъ, онѣ рѣшился послѣ Могилы собрать и дополнить *Четии-Минеи*: но трудъ этотъ суждено было окончить святому Димитрію, который во время смерти Гизеля былъ уже игуменомъ и приближеннымъ его.

Гизель, литературными трудами, бѣднѣе прочихъ

западныхъ русскихъ духовныхъ; изъ 4 его сочиненій, второе относится къ нашему предмету; — это *Сѹнописѹ*, или краткое описаніе о началѣ славенскаго народа и о первыхъ кіевскихъ князьяхъ до государя царя *Θеодора Алексіевича*, напечатанный въ первый разъ въ кіевопечерской Лаврѣ 1674 г., потомъ 1678 и 1680 также in 4°. Послѣднее изданіе полнѣе двухъ первыхъ. Сочиненіе это есть утомительное и сухое извлеченіе изъ хроники *Софоновича*, въ которомъ самыя важнѣйшія происшествія упомянуты кратко и только слегка означены, а другія выдуманы. Впрочемъ, такъ какъ до изданія *Ломоносова Краткаго Россійскаго Лѣтописца* не было вовсе печатнаго учебника русской исторіи, то *Сѹнописѹ* нѣсколько разъ былъ перепечатываемъ и въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ, такъ что съ 1718 по 1810 г. вышло 9 академическихъ его изданій. *Страленбергъ*, а за нимъ *Далинъ* приписывали это сочиненіе какому-то патріарху *Константину*, а послѣдній назвалъ его даже древнимъ русскимъ историкомъ. Въ 1823 г. *Сѹнописѹ* былъ изданъ въ Кіевѣ съ присовокупленіемъ росписей великихъ князей, царей и императоровъ Россійскихъ, великихъ князей литовскихъ, королей польскихъ, удѣльныхъ князей русскихъ, митрополитовъ кіевскихъ, гетмановъ малороссійскихъ, хановъ Великой Орды и Крыма, воеводъ и кастелановъ кіевскихъ. *Сѹнописѹ Гизеля* болѣе кажется, сдѣлалъ вреда, чѣмъ пользы нашей отечественной исторіи. Онъ распространилъ много ложныхъ свѣдѣній, которыя ввели въ заблужденіе нѣкоторыхъ нашихъ писателей XVIII столѣтія. Кромѣ того *Гезель* издалъ въ Кіевѣ 1661 г. *Патерикъ Печерскій* имъ переименованный.

Луговскій, діаконъ, жившій въ концѣ XVII ст. по свидѣтельству *Татищева*, описалъ: *Походы царя Алексія Михайловича въ Польшу и Литву*, *Присое-*

диненіе Кіева и Малой Россіи и Судъ патріарха Никона. Но сочиненія его потеряны.

Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій; обучался въ кіевской духовной академіи, потомъ былъ въ ней учителемъ, въ 1669 г. избранъ ректоромъ, а въ 1690 сдѣланъ митрополитомъ; умеръ въ 1707 г. Изъ сочиненій его сохранилось только одно, подъ заглавіемъ: *Икона, или изображеніе дѣлъ московскаго патріаршаго престола*. Оно находится въ числѣ рукописей московской синодальной бібліотеки.

Андрей Лызловъ, священникъ смоленскій, жившій во второй половинѣ XVII столѣтія, сочинилъ *Скифскую Исторію* въ 5-ти книгахъ, полную вымысловъ. Въ 1-й книгѣ онъ собралъ извѣстія объ ордынскихъ, казанскихъ и астраханскихъ Татарахъ; въ ней много свѣдѣній, относящихся къ нашей исторіи; во 2-й о крымскихъ Татарахъ и о Туркахъ; въ 3-й содержится описаніе Константинополя и проч.... Источниками для этого сочиненія служили писатели латинскіе, польскіе и туземные; авторъ вездѣ на нихъ ссылается; третью часть всю перевелъ онъ съ польскаго въ 1687 году. Полууставный списокъ своего творенія онъ представилъ въ патріаршую бібліотеку; въ заглавіи сего списка сказано, что исторія эта сложена и написана мѣта отъ сотворенія свѣта 7200, а отъ Рождества Христова 1692 и переведена отъ славено-польскаго (бѣлорусскаго) языка на славено-россійскій имѣ же Андреемъ Лызловымъ. Рукопись эту издалъ Новиковъ сперва въ 1776 г. въ Спб., а потомъ 1787 г. въ Москвѣ; оба изданія въ 3 частяхъ in-8. Въ предисловіи своемъ назвалъ онъ Лызлова *стольникомъ*; но въ Смоленскѣ найдены доказательства, что онъ былъ тамъ священникомъ и что потомки его также пребыли въ духовномъ званіи. Слово *Сшнкъ* подъ титлою ошибкою было принято за

«етольникъ», а годъ сочиненія его въ тамошнихъ спискахъ означенъ *ѣахчн* (1698); послѣдняя буква *н* сочтена была за *к*.

Въ заключеніе, объ историческихъ трудахъ духовенства западной Руси скажемъ, что одинъ разъ данное въ Кіевѣ дѣписательное направленіе продолжалось постоянно и никогда не прекращалось. Монашествующее духовенство, обогащенное щедротами князей и вельможъ, побуждаемое своимъ призваніемъ къ наукамъ, основывало образцовыя книгохранилища, скопляло въ нихъ историческіе матеріалы и акты, содержало училища и высшія учебныя заведенія (Академіи). Даже и по изобрѣтеніи книгопечатанія, Кіевъ не имѣлъ недостатка въ дѣписателяхъ. Они, то на туземномъ русскомъ языкѣ, сокращали для обучающагося юношества лучшихъ историковъ латинскихъ и польскихъ, то описывали казацкія войны съ Польшею, Татарами и Русью. Нѣтъ сомнѣнія что со временемъ откроется не малое число подобныхъ ученыхъ трудовъ.

Изъ свѣтскихъ людей въ этомъ вѣкѣ отечественною исторіею занимались:

Сергій Кубасовъ, тобольскій боярскій сынъ, выходецъ изъ Ярославля; жившій въ началѣ XVII столѣтія. Онъ составилъ *Хронографъ*, сирѣчь *лѣтописецъ* отъ сотворенія свѣта. Этотъ хронографъ доведенъ до греческой имперіи и оканчивается взятіемъ Константинополя. Съ 245 главы сего сочиненія, начинается *Лѣтописецъ* славенскаго языка и русскаго рода, откуда начаса и како бысть и дочего дойде, оканчивающійся избраніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича. Въ концѣ его, послѣ нѣсколькихъ силлабическихъ стиховъ приложено: *Написаніе* вкратцѣ о царяхъ московскихъ, отъ Іоанна Васильевича до Михаила Ѳеодо-

ровича^{*}; о образъ ихъ и о возрастъ и о нравахъ. Это сочиненіе тоже оканчивается стихами. Хронографъ Кубасова находится въ библіотекѣ московскаго Университета, послѣдняя же статья была напечатана въ 1-й части «Русскихъ Достопамятностей».

Князь Семенъ Шаховской, жившій тоже въ началѣ XVII вѣка, впалъ въ немилость у царя Михаила Ѳеодоровича, и былъ заключенъ въ чудовъ монастырь. Тамъ написалъ онъ: 1. *Повѣсть о перенесеніи ризы Господней*. 2. *Повѣсть на память святаго Царевича Дмитрія* и 3. *Записки о претерпѣнныхъ имъ гоненіяхъ*. Сочиненіе его хранится въ синодальной библіотекѣ, въ рукописи.

Ему же г. Бередниковъ приписываетъ *Кронику*, сиречь *Лѣтописецъ* о дѣлахъ смутнаго періода до 1619 года, и *Написаніе о царяхъ московскихъ*, которое, по его мнѣнію будто по тому только было приписываемо Кубасову, что при изданіи въ *Русскихъ Достопамятностяхъ* (М. 1815 г. стр. 172) оно было заимствовано изъ его хронографа.

Къ этой же эпохѣ надо отнести *Сказаніе тарскихъ атамана Василія Тюменца и десятника Ивана Петрова о посылкѣ ихъ въ Мунгалію къ Алтынъ-Хану* (1616 г.)

Также *Сказаніе томскаго казака Ивана Петлина, о посылкѣ его въ Китай* (1618 г.); не мало сходствующее съ сказаніемъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева.

Иванъ Тимоѳеевъ, діакъ митрополита новгородскаго Исидора, по приказанію котораго и сочинилъ около 1619 г. *Временникъ* въ 5 главахъ: отъ царя Іоанна Ва-

^{*} По мнѣнію г. Строева сочиненіе это написано Кн. *Ив. Хворостининымъ*.

сильевича до своего времени; твореніе высокопарное и многословное, но мѣстами любопытное, какъ говорить г. Строевъ.

Князь Иванъ Хворостининъ, извѣстный въ смутахъ междоцарствія и сосланный въ 1623 г. въ кирилловъ монастырь за вольнодумство, написалъ: *Словеса дней и царей, отрывокъ О междоцарствіи, и Написаніе о царяхъ московскихъ*, приписываемое Шаховскому и Кубасову *.

Къ этому же времени (то есть къ 1627 г.) относится возобновленіе *Большаго Чертежа*.

Составленіе *Большаго Чертежа* то есть географической карты московскаго государства началось, по мнѣнію г. Буткова, въ XV вѣкѣ при Іоаннѣ III **. Онъ былъ пополняемъ въ послѣдовавшія царствованія, и пришедши въ ветхость, поновленъ въ 1627 г. въ разрядѣ по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, который сверхъ того приказалъ еще сдѣлать ему описаніе и составить новую карту московскаго государства. Наконецъ обѣ эти карты, съ описаніемъ были вторично возобновлены при царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ, въ 1680 году.

Самыя карты, кажется, исчезли совершенно; по крайней-мѣрѣ, до-сихъ-поръ неизвѣстно гдѣ онѣ; ***

* Русскія Достопамятности, М. 1813 г. стр. 172.

** Мнѣніе свое г. Бутковъ основываетъ на заглавіи рукописи *Большаго Чертежа*, хранящейся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, гдѣ сказано, что *Чертежъ сей учиненъ въ давнихъ годѣхъ, а переписанъ и пополненъ при Іоаннѣ Васильевичѣ*.

*** Нѣкоторые писатели наши утверждаютъ что въ Депо Картъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества есть довольно древній снимокъ *Большаго Чертежа*.

но описанія, которыя гораздо драгоцѣннѣе картъ, сохранились. Новиковъ напечаталъ одно изъ нихъ подъ названіемъ: «Древняя Руссiйская Идрографія, содержащая описаніе московскаго государства, рѣкъ, протоковъ, озеръ, кладязей, и какіе поимъ города и урочища, и на какомъ оныя разстояніи». Изъ предисловія издателя, видно, что изданная имъ «Идрографія» не что иное, какъ описаніе карты, составленное въ 1680 г., при царѣ Θεодорѣ Алексіевичѣ, котораго онъ имѣлъ шесть списковъ; но ему неизвѣстно было описаніе карты сдѣланное, при царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ, напечатанное 20 лѣтъ спустя по изданіи его «Идрографіи», именно въ 1792 году, въ Спб. подъ заглавіемъ «Книга Большому Чертежу, или древняя карта россiйскаго государства, поновленная въ разрядъ и списанная въ книгу 1627 года» *. Въ 1838 году. г. Языковъ издалъ вторично «Книгу Большому Чертежу» съ изданія Болтина подъ тѣмъ же заглавіемъ **. Издатель сличилъ «Идрографію» съ «Книгою Большому Чертежу» и напечаталъ ихъ вмѣстѣ, безъ всякаго измѣненія; съ означеніемъ варіантовъ. Онъ признаетъ послѣднее описаніе исправнѣйшимъ, и говоритъ, что «въ Идрографіи встрѣчаются ужасныя ошибки, а въ особенности въ цифрахъ», которыя однако жъ онъ оставилъ въ прежнемъ видѣ. Г. Языковъ при изданіи своемъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, какъ въ самомъ текстѣ, такъ и въ алфавитномъ указателѣ. Нѣкоторымъ, замѣчанія эти показались излишними. Однако жъ надо отдать справедливость издателю за его «ал-

* Г. Языковъ полагаетъ издателемъ этой книги И. Н. Болтина.

** Спб. въ типографіи Императорской Россiйской Академіи in 8°, ХХ и 261 стр.

фавитный указатель», который составленъ съ большимъ стараніемъ и точностію.

Нужно ли говорить о важности Книги Большаго Чертежа въ области очественной исторіи?

Семенъ Ремезовъ, тобольскій житель, составилъ: *Лѣтопись сибирскую кунгурскую съ рисунками*, доведенную до 1649 г. Этимъ сочиненіемъ пользовался Миллеръ, при составленіи своей *Сибирской Исторіи*; но оно наполнено многими баснями. Списокъ съ этой лѣтописи находится въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

Григорій Карповъ Кошихинъ, подъячій посольскаго приказа, употребляемый неоднократно правительствомъ при дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными дворами. Непредвидѣнное обстоятельство, какъ говорить самъ Кошихинъ, заставило его покинуть свое отечество; онъ удалился сначала въ Польшу (около 1664 г.), гдѣ скрывался подъ именемъ Селицкаго, потомъ странствовалъ по Пруссіи, былъ въ Любекѣ, и наконецъ проникнувъ въ Лифляндію, отдался въ покровительство рижскаго генераль-губернатора фельдмаршала Гельмфельда, который исходатайствовалъ ему дозволеніе на свободное пребываніе въ Швеціи. Кошихинъ прибывъ въ 1666 года въ Стокгольмъ, поселился въ домъ королевскаго переводчика Даніила Анастасіуса. Здѣсь-то, по требованію государственнаго канцлера графа Магнуса Делагарди, онъ окончилъ сочиненіе свое «о Россіи», начатое вскорѣ послѣ побѣга изъ-подъ Смоленска. Кошихинъ прожилъ въ Стокгольмѣ около полутора года. Еще прежде, въ бытность въ Германіи, онъ принялъ лютеранскую вѣру. Необузданныя страсти сдѣлали его преступникомъ, преждевременно свели въ могилу и на чужбинѣ покрыли имя его безчестіемъ. За убійство хозяина своего Анастасіуса, совершенное въ ссорѣ по подозренію въ любовной связи въ его женою, Кошихинъ

былъ приговоренъ къ смертной казни, и—публично обезглавленъ. При всемъ однако жъ недостаткѣ нравственности, Кошихинъ, во время пребыванія въ Стокгольмѣ, успѣлъ пріобрѣсть извѣстность, и снискалъ дружбу нѣкоторыхъ знаменитыхъ современниковъ. Онъ былъ знакомъ съ Гербиніемъ и Рудбекомъ. Подлинникъ его сочиненія найденъ въ 1838 г. Г. Соловьевымъ профессоромъ императорскаго alexандровскаго Университета, въ uppsальской библіотекѣ. Рукопись эта писана скорописнымъ почеркомъ XVII вѣка, in 4°, на 232 листахъ, народнымъ русскимъ языкомъ; слогъ ея тотъ же, какой употреблялся въ юридическихъ нашихъ актахъ XV—XVII столѣтій. Она состоитъ изъ 13 главъ, раздѣленныхъ на 234 статьи, и заключаетъ въ себѣ полное описаніе Россіи въ политическомъ и юридическомъ отношеніяхъ, весьма замѣчательное по разнородности своего содержанія. Въ ней подробно описываются придворныя обряды, всѣ отрасли государственнаго управленія, судопроизводство и нѣкоторые публичные и частные обычаи; о военныхъ, земскихъ и торговыхъ дѣлахъ, говорится гораздо менѣе; о іерархіи же почти не упоминается. По обилію и новости свѣдѣній, преимущественно заслуживаютъ вниманіе главы первая, вторая, четвертая, седьмая и тринадцатая, остальные же, и особенно третья, десятая, однанадцатая и двѣнадцатая, не столь удовлетворительны. Дополняемое свидѣтельствами другихъ историческихъ памятниковъ, сочиненіе это поясняетъ темныя преданія нашихъ лѣтописей и государственные акты, и открываетъ многое что до сихъ поръ таилось во мракѣ. Можно сказать утвердительно, что кромѣ иностранныхъ сказаній о Россіи, по большей части наполненныхъ ошибками, въ литературѣ нашей, до XVIII вѣка преимущественно состоявшей изъ богословскихъ произведе-

ній, лѣтописей и грамотъ, не было сочинія, которое соединяло бы въ себѣ въ такой степени достоинство истины съ живостію повѣствованія.

Кошихинъ трудясь для иноземцевъ, все русское предполагалъ для нихъ неизвѣстнымъ; а потому свѣдѣнія, имъ изложенныя, имѣютъ довольно систематическій видъ. Онъ сообщаетъ намъ и такія извѣстія, которыя безъ его сочиненія остались бы для насъ неизвѣстными. Однимъ словомъ сочиненіе это назидательно, полезно и пріятно для чтенія.

При всемъ томъ, Археографическая Коммиссія находитъ въ сочиненіи Кошихина слѣдующія погрѣшности:

1. Что Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ сына Димитрія, котораго въ младенчествѣ отравили бояре, за обнаруженную имъ склонность къ жестокости; стр. 9—4. Но извѣсто что у царя Михаила Ѳеодоровича не было сына, именемъ Димитрія.

2. Что англійскаго и польскаго пословъ не допустили къ царицѣ, для поднесенія ей королевскихъ подарковъ, потому что она не могла прилично отвѣчать на посольскія рѣчи; стр. 44.

3. Что митрополитъ Алексій, по возвращеніи изъ крымскаго плѣна, запретилъ Русскимъ воевать съ крымскими Татарами, и проч. стр. 45 и 46. — Святитель Алексій путешествовалъ въ Золотую Орду, но не пленникомъ, а миротворцемъ. Крымскаго ханства, въ XIV вѣкѣ, при жизни Св. Алексія, еще не существовало.

4. Что русскіе цари, послѣ Іоанна Васильевича, при восшествіи на престолъ давали записи, ограничивавшія самодержавную власть, и что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ хотя и писался самодержцемъ, однако-жъ безъ боярскаго совѣта ничего не могъ дѣлать стр. 100. По всей вѣроятности къ этому мнѣ-

нію подало поводъ слѣдующее древне юридическое выраженіе. Царь указалъ и богре приговорили, но оно встрѣчается въ актахъ не только Михаила Ѳеодоровича, но и преемниковъ его до Петра Великаго, и даже употреблялось при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. *

Сочиненіе Кошихина было переведено съ русскаго на шведскій языкъ королевскимъ переводчикомъ Беркгузеномъ подъ заглавіемъ: *Om Rysslands Stat, eller några Ryska ceremonier ifrån Ryska öfversatt af H. K. M. Translator Olof Didrikson Berkhusen,*

А°. 1682. Переводъ этотъ до-сихъ-поръ остается въ рукописи, которой списки встрѣчаются въ различныхъ библіотекахъ Швеціи. **

Въ 1839 году г. Солсвьевъ представилъ Арх. Коммиссіи списокъ русской рукописи, хранящейся въ упсальской библіотекѣ, который и былъ изданъ подъ редакціею члена Археографической Коммиссіи Я. И. Бередникова съ приложеніемъ къ нему указателя и перечня старинныхъ словъ, подъ заглавіемъ: *о Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича, современное сочиненіе Григорья Кошихина. С.-пб. въ тип. Эдуарда Праца, 1840 г. 4 XVI и 159.*

По выходѣ въ свѣтъ, сочиненіе Кошихина обратило на себя всеобщее вниманіе; оно было разобрано во всѣхъ почти журналахъ, но лучшій его разборъ сдѣланъ профессоромъ Морошкинымъ, *** пока-

* Акты Историческіе Т. I. стр. 251—258, и проч.

** Въ стокгольмскомъ государственномъ архивѣ, въ библіотекахъ суклоостерской графа Браге, леберёдской графа Делагарди, стрёской Роламба, тидеской Барона Риддерстольпе, и проч.

*** Помѣщенный въ Москвитянинъ 1841 г. Ч. 2 №. 3.

завшимъ всю важность этого сочиненія въ юридическомъ отношеніи.

Чтобы дать понятіе нашимъ читателямъ о языкѣ того времени, подѣлимся съ ними хотя однимъ мѣстомъ изъ этого крайне интереснаго сочиненія. Вотъ какъ рассказываетъ Кошихинъ о воспитаніи царевичей и царевенъ московскихъ. «А на воспитаніе царевича, или царевны, выбираютъ всякихъ чиновъ изъ жонъ — жену добрую, и чистую, и млекою сладостну, и здорову, и живетъ та жена у царицы въ верху на воспитаніе годъ... Да у того-жъ царевича, или у царевны, бываетъ приставлена для досмотру мамка боярыня честная, вдова старая, да нянька и иные прислужницы. А какъ царевичъ будетъ лѣтъ пяти, и къ нему приставятъ для береженія и наученія боярина, честию великаго, тиха и разумна, а къ нему придадутъ товарища окольничего, или думнаго человека; также изъ боярскихъ дѣтей выбираютъ въ слуги и въ стольники такихъ-же молодыхъ, что и царевичъ. А какъ приспѣетъ время учить того царевича грамотѣ, и въ учителя выбираютъ учительныхъ людей, тихихъ и не бражниковъ; а писать учить выбираютъ изъ посольскихъ подъячихъ; а инымъ языкомъ, латинскому, греческаго, нѣмецкаго, и некоторыхъ, кромѣ русскаго наученія, въ російскомъ государствѣ не бываетъ.... А до 15 лѣтъ и больша царевича, окромѣ тѣхъ людей, которые къ нему уставлены, и окромѣ бояръ и ближнихъ людей, видѣти никто не можетъ (таковъ бо есть обычай), а по 15 лѣтѣхъ укажутъ его всѣмъ людямъ, какъ ходить съ отцемъ своимъ въ церковь и на потѣхи; а какъ увидаютъ люди; что ужъ его объявили, и изо многихъ городовъ люди на дивовище ѣздятъ смотрити его

нарочно.» Какая простота разсказа, какой прекрасный, русскій народный языкъ.*

Петръ Золотаревъ, боярскій сынъ, служившій при астраханскомъ митрополитъ *Іосифъ*, написалъ въ 1669 году *Исторію о астраханскомъ бунтѣ Казака Стеньки Разина и о убіеніи въ ономъ митрополита Іосифа, боярина князя Прозоровскаго и многихъ воеводъ*.

Списки съ этого сочиненія находятся въ библіотекахъ московской синодальной и александро-невской.

Феодоръ Ивановичъ Грибоѣдовъ, разрядный діакъ, служившій при царяхъ *Алексіѣ Михайловичѣ* и *Феодорѣ Алексіевичѣ* и участвовавшій въ сочиненіи Уложенія. Въ XVII столѣтіи, онъ первый, попытался написать *Русскую Исторію*, и сочинилъ сокращеніе русской исторіи въ 96 главахъ, содержащее въ себѣ краткое повѣствованіе о событіяхъ отъ великаго князя *Владимира св.* до вступленія на престолъ царя *Феодора Алексіевича*, которому и посвящено это сочиненіе въ 1676 г. Оно не издано; списокъ съ него находится въ александро-невской библіотекѣ. Не смотря на то, что опытъ *Грибоѣдова* былъ неудаченъ, авторъ все-таки былъ ободренъ царемъ и, судя по времени, награжденъ примѣрно, какъ это видно изъ словъ, находящихся въ концѣ сего списка: «Сочинитель за книгу сію получилъ въ награжденіе отъ государя 40 соболей, да въ приказъ денегъ 50 рублей, да атласъ и камку, да придачи къ мѣстному окладу 50 четвертей и денегъ 10 рублей, а подлинная взята къ государю». Вотъ какъ наградилъ благое предпріятіе великодушный *Феодоръ Алексіевичъ*.

Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, ближній бояринъ царя Алексія Михайловича, родился въ 1625 году, занималъ высшія государственныя должности и убитъ во время перваго стрѣлецкаго бунта въ Москвѣ 15 мая 1682 года. Этотъ знаменитый сановникъ и другъ царя, былъ просвѣщеннѣйшій вельможа своего времени; онъ занимался словесностію, исторіею, философіею и другими науками, и любилъ искусства. Изъ сочиненій его извѣстны:

1. *Вспѣхъ великихъ князей московскихъ и всея Россіи самодержцевъ персоны титла и печати какъ они великіе государи, сами себя описывали; также и вспѣхъ государей христіанскихъ и бусурманскихъ, которые имѣютъ ссылки съ вами великимъ государемъ, персоны ихъ, титла и печати.* Составлено 1678 г.

2. *Избраніе и посылка на Кострому, и о прошеніи и о походѣ къ Москвѣ и о вѣнчаніи на царство московское дѣда твоего государева, блаженныя памяти великаго государя, московскаго царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея Россіи самодержца.*

Подлинникъ этого сочиненія находится кажется, въ эрмитажной библіотекѣ. Мальгинъ пользовался имъ при составленіи своего «Чиновника Россійскихъ Государей», * напечатаннаго въ С.-пб. 1792 г., въ предисловіи къ которому и говоритъ о сочиненіи Матвѣева слѣдующее: «Письмо въ подлинникъ старинное, но самое чистое и четкое; образцы грамотъ большею частію содержатъ въ себѣ только богословіе, государскія титла и заключеніе, а дѣла, о чемъ грамота, неписано».

3. *Описаніе вспѣхъ великихъ князей и царей російскихъ, славныхъ въ ратныхъ побѣдахъ, въ лицахъ съ*

исторіями. *. Творенія эти не напечатаны. Ему же приписываютъ: *Лѣтопись о многихъ мятежахъ*, изданную княземъ Щербатовымъ.

Періодъ систематическаго обработыванія исторіи.

Историческая дѣятельность въ Россіи при Петрѣ Великомъ представляетъ также какъ и въ XVII столѣтіи, два различныя направленія; она находилась, во первыхъ, въ рукахъ духовенства, во вторыхъ, въ рукахъ свѣтскихъ лицъ, не столько ученыхъ сколько любителей отечественной старины. Въ это время появляется идея составленія полнѣйшей, русской исторіи, но, такъ какъ въ эту эпоху и на западѣ господствовали еще не совсѣмъ свѣтлыя понятія объ этомъ предметѣ, то само собою разумѣется, что у насъ были онъ еще не совершеннѣе. При Петрѣ Великомъ лѣтописи наши замѣняются вѣдомостями и постановленіями правительства, которыя съ 1705 или 1711 года, были предаваемы печати, и такимъ образомъ сдѣлались доступными для каждаго. Эта перемѣна чрезвычайно важна; ибо съ этого времени отечественная исторія дѣлается во первыхъ гораздо достовѣрнѣе а во вторыхъ, любители отечественной старины съ большею удобностію могутъ составлять свои записки не только о современныхъ происшествіяхъ, но и о событіяхъ минувшаго времени. Западъ всего лучше показываетъ какую перемѣну произвели публичныя вѣдомости въ исторической дѣятельности. При помощи ихъ новѣйшая исторія, овладѣла не из-

* Сочиненіе это онъ поднесъ царевичу Θεодору Алексіевичу.

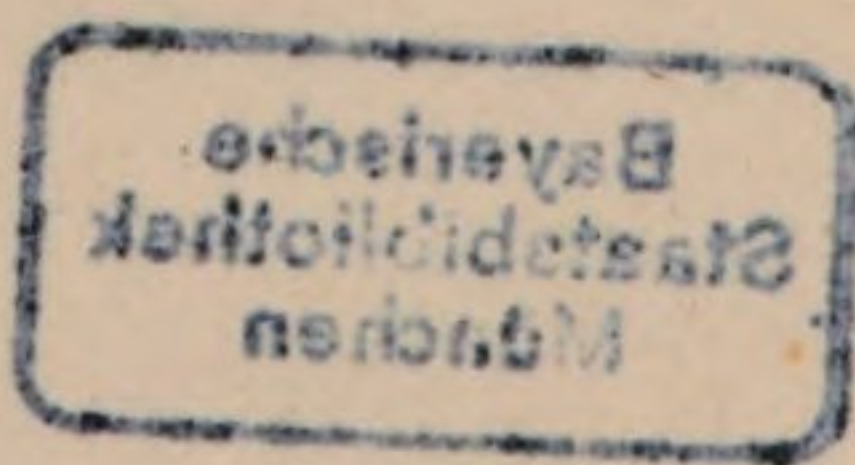
черпаемыми матеріалами. Притомъ же нужно замѣтить, что отечественныя вѣдомости удивительно характеризуютъ наше общество. Прочтите тотъ же два листка Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, выходившихъ въ царствованіе Анны или Елисаветы и вы совершенно перенесетесь мыслію въ тѣ времена. Всѣ наши историки, пишущіе о XVIII столѣтіи, должны обращать на нихъ особенное вниманіе.

А. Обработываніе отечественной исторіи лицами духовнаго званія.

Въ царствованіе Петра Великаго высшее духовенство, не смотря на множество официальныхъ занятій успѣвало трудиться и для отечественной исторіи. Оно обработывало ее по частямъ, и труды его были гораздо благотворнѣе прежней исторической дѣятельности. Духовные сановники, окружавшіе Петра были лица большею частію не чуждыя тогдашней европейской образованности; слѣдовательно и на предметъ исторіи смотрѣли болѣе или менѣе съ надлежащей точки зрѣнія. Теперь скажемъ кто, и что произвелъ на этомъ не обработанномъ полѣ.

Первый открываетъ эпоху Петрову св. Димитрій митрополитъ ростовскій (по прозванію Туптало), получившій образованіе въ Кіевѣ. Здѣсь не мѣсто излагать всѣ обстоятельства его жизни и труды богословскіе; скажемъ только, что около 1684 г. (на 33 году своей жизни) онъ былъ приглашенъ кіево-печерскимъ архимандритомъ Варлаамомъ Ясинскимъ для собранія, исправленія и изданія *Житій Святыхъ* или *Читійхъ-Миней*, въ которыхъ нуждалась тогда малороссійская церковь. Уже прежде этотъ трудъ предпри-

нимали митрополитъ кievскій Петръ Могила и кievо-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, но попытки ихъ остались безуспѣшны. Библіотеки малороссійскихъ монастырей не имѣли даже необходимыхъ для этого матеріаловъ. Не смотря однако жъ на всѣ затрудненія, Ясинскій съ кievо-печерскою братією убѣдили Димитрія принять на себя сей трудъ и онъ приступилъ къ нему въ 1684 году. Не излагая всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ это занятіе; замѣтимъ что онъ принялъ за основаніе и руководство Метафрастовы греческія и славянскія Макаріевы Великія Четви-Миней, гдѣ находились и жизнеописанія святыхъ россійскихъ, и что трудъ этотъ стоилъ св. Димитрію двадцати лѣтъ. Въ 1705 году съ появленіемъ четвертой и послѣдней четверти Житій Святыхъ, предпріятіе его увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ. Послѣ того онъ продолжалъ исправлять свое сочиненіе и приготавливать ко второму изданію. *Четви-Миней* или *Житія Святыхъ*, почитаемыхъ греко-россійскою церковію, заключаются въ четырехъ четвертяхъ, или двѣнадцати частяхъ въ листъ. Первая четверть окончена имъ въ четыре года (въ батуринскомъ монастырѣ) и напечатана въ Кіевѣ, въ 1689 году. Она была посвящена кievо-печерской лаврой царямъ Іоанну и Петру Алексіевичамъ и царевнѣ Софіи Алексіевнѣ. Второе отдѣленіе было окончено въ 1693 году въ Батуринѣ же, и вышло изъ печати въ кievо-печерской лаврѣ въ 1695. Третья часть была окончена въ новгородъ-сѣверскомъ спасовомъ монастырѣ и напечатана въ Кіевѣ, въ 1700 году. Четвертая часть окончена уже въ Ростовѣ, но напечатана тоже въ Кіевѣ, въ 1705 году. Второе изданіе сего сочиненія напечатано съ нѣкоторыми поправками самаго сочинителя и другихъ духовныхъ лицъ въ Кіевѣ же. Первая четверть въ 1711, вторая 1714, третья 1716, четвертая 1718.—

Третье изданіе съ новыми поправками выходило съ 1741—1751, въ кіево-печерской лаврѣ, и съ 1756 — 1759 въ Москвѣ. Четвертое 1767 года, въ Москвѣ; и потомъ уже многократно печатались онѣ въ Москвѣ и Кіевѣ. Съ 1702 г. начато было также изданіе ихъ и въ Могилевѣ (на Днѣпрѣ); но тамъ вышла только одна первая часть. На этотъ трудъ святаго Димитрія современники смотрѣли какъ на подвигъ великій, патріархи Іоакимъ и Адріанъ ободряли автора, хотя первый изъ нихъ, и находилъ въ первой четверти нѣкоторыя ошибки. По появленіи же третьей четверти императоръ Петръ Великій облекъ св. Димитрія въ уваженіе его трудовъ, въ санъ тобольскаго и сибирскаго митрополита. Но такъ какъ климатъ этой епархіи онъ почиталъ вреднымъ для слабаго своего здоровія, и такъ какъ удаленіе могло помѣшать продолженію труда его, то государь позволилъ ему остаться въ Москвѣ, и по открытіи ваканціи ростовской и ярославской митрополіи, онъ былъ назначенъ въ Ростовъ и тамъ окончилъ свое огромное предпріятіе.

Вторымъ трудомъ св. Димитрія для исторіи церкви былъ *Розыскъ о расколынической брынской вѣрѣ*, о ученіи и дѣлахъ ихъ, въ трехъ частяхъ; въ первой доказывается, что *вѣра ихъ неправа*; во второй, что *ученіе ихъ душевредно*; въ третьей, что *дѣла ихъ небогоугодны*. Въ этомъ сочиненіи, въ первый разъ раздѣлены всѣ расколыническія секты и изложены заблужденія каждой. Димитрій окончилъ его не задолго до своей смерти (то есть въ 1709 году). Первое изданіе его напечатано въ Москвѣ 1745 года in fol; второе въ Кіевѣ 1748 года in 8; третье въ Москвѣ 1755 года и четвертое 1762 года тамъ же, оба въ листъ, а потомъ многократно въ Москвѣ и Кіевѣ.

3. *Каталогъ кіевскихъ митрополитовъ съ краткимъ описаніемъ*. Это произведеніе было издано Руба-

номъ въ «Московскомъ любопытномъ мѣсяцесловѣ на 1776 годъ», (стр. 57 и слѣдующія) и пополнено ссылками на Селліеву *Россійскую Іерархію* и другія сочиненія, съ присовокупленіемъ жизнеописаній кіевскихъ митрополитовъ XVIII вѣка.

4. *Лѣтопись*, или лучше сказать, *Сборный хронографъ* о началѣ славянскаго народа, смѣшанный съ фактами, относящимися къ исторіи прочихъ народовъ. Рукопись эта находится въ александровской Академіи; къ ней въ самомъ началѣ приложенъ и списокъ кіевскихъ митрополитовъ, изданный Рубаномъ. Въ-сто этой лѣтописи издатель сочиненій св. Димитрія (1805—1807 г.) помѣстилъ въ числѣ его твореній *Синописисъ* Гизеля.

5. *Лѣтописаніе краткое*, или *синхронистическія* таблицы, константинопольскихъ царей и патріарховъ православныхъ и еретиковъ, и о благочестивѣйшихъ царяхъ и о святѣйшихъ патріарсахъ всероссійскихъ, собрано отъ многихъ лѣтописцевъ скорого ради приобрѣтенія и вѣдѣнія. Сочиненіе это находится между рукописями александровской Академіи. Издатель древняго и новаго историческаго *Театрона*, напечатаннаго 1814 г., въ Санктпетербургѣ, весь планъ сего произведенія заимствовалъ изъ краткаго лѣтописанія, которое здѣсь распространено и пополнено.

6. *Каталогъ*, или лѣтописаніе бытности архіереевъ Россійскихъ, гдѣ могло о которыхъ изобрѣстися въ писаніи и явно въ книгахъ лѣтописцевъ Россійскихъ и каталоговъ и синописиса кіевскихъ и помянниковъ, и изъ житій святыхъ и прологовъ и изъ иныхъ разныхъ, по лѣтамъ бытности ихъ, отъ сотворенія свѣта и отъ Рождества Іисуса Христа Спасителя міра. Списки этой рукописи находятся въ библіотекахъ синодальной, новгородской, софійской,

при святѣйшѣмъ Синодѣ и другихъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается и продолженіе, а именно извѣстія объ архіереяхъ россійскихъ XVIII вѣка, прибавленное уже другими по кончинѣ св. Димитрія. Этотъ каталогъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ *Московского*. Однако жъ нѣкоторые писатели, принимая въ соображеніе не искусный слогъ этого сочиненія, не рѣшаются приписать его св. Димитрію. Въ иныхъ спискахъ къ этой лѣтописи приложена и краткая *Лѣтопись о построеніи древнихъ въ разныхъ городахъ въ Россіи церквей, о явленіи угодниковъ Божіихъ и проч.*

Вотъ произведенія св. Димитрія, относящіяся частью къ отечественной исторіи вообще, и къ исторіи россійской церкви въ особенности. Изъ всего выше сказаннаго видно, что большая часть его историческихъ трудовъ до сихъ поръ хранится въ рукописяхъ, и хотя при современномъ развитіи нашей исторіи не можетъ быть издана въ такомъ видѣ въ какомъ вышла изъ пера сочинителя, однако жъ она не престанетъ быть матеріаломъ для историческихъ изслѣдованій. Сверхъ того, мы должны упомянуть, что св. Димитрій посвялъ нѣкоторое время на изслѣдованіе древней хронологіи, чему доказательствомъ служитъ его *Келейная Лѣтопись*. Въ которой особенно любопытно изслѣдованіе о несогласномъ лѣтосчисленіи. Эта статья сочинена имъ еще въ 1705 году, отдельно, какъ это видно изъ особеннаго списка ея, находящагося въ синодальной бібліотекѣ, къ которому присовокуплено его же изслѣдованіе о *Лѣтахъ перваго вселенскаго собора*.

Въ заключеніе намъ остается сказать, что труды св. Димитрія на поприщѣ исторіи, не имѣли никакого вліянія на послѣдовавшихъ историковъ; во первыхъ потому, что они не были извѣстны современникамъ; во

вторыхъ потому, что они большею частію составляютъ опыты, чуждые всякаго критическаго взгляда, и доступные только однимъ монахамъ того монастыря, гдѣ хранились. Сочиненія его писаны языкомъ церковнымъ, ясно, правильно и пріятно *.

Второе духовное лице, посвящавшее нѣкоторое время занятіямъ отечественной исторіи былъ *Оеофанъ Прокоповичъ*, одинъ изъ ученѣйшихъ и умнѣйшихъ современниковъ и приближенныхъ Великаго Петра. Не понятно, когда этотъ неутомимый пастырь, при своихъ безчисленныхъ и многотрудныхъ дѣлахъ, находилъ время для сихъ занятій. Онъ родился въ Кіевѣ, учился сначала въ тамошней духовной академіи, потомъ для усовершенствованія себя въ наукахъ отправился въ Литву, посѣщалъ тамошнія лучшія учебныя заведенія и наконецъ отправился въ Римъ. Послѣ трехъ-лѣтнихъ занятій въ Римѣ онъ возвратился въ отечество, и постригся въ монахи. Его свѣтлый умъ, краснорѣчіе и необыкновенныя познанія обратили на себя вниманіе Петра, — и Оеофанъ достигъ высочайшихъ должностей. Онъ былъ истиннымъ сотрудникомъ Петра, понималъ его лучше всѣхъ современниковъ и имѣлъ на него значительное вліяніе. Скажемъ, что сдѣлалъ онъ для русской исторіи.

Первымъ трудомъ Оеофана была *Родословная роспись* великихъ князей и царей русскихъ до Петра Великаго, сочиненная въ 1719 году, и изданная 1720 года, на большомъ гравированномъ листѣ, гдѣ подъ каждымъ лицомъ находится краткое описаніе его дѣлъ съ показаніемъ времени его кончины. Объ этомъ сочиненіи самъ Оеофанъ въ письмѣ (отъ

* Св. Димитрій род. 1651 ум. 1709 г.

10 мая 1720 года) къ одному своему другу выражается такъ: quod opusculum mole quidem parvum, magnas tamen mihi molestias fecit, cogendo polonicos et ruthenicos chronologos scrutari, et quinam verius dicant, judicare.

2. Какъ историческое произведение нужно разсматривать, и *Правду* или оправданіе воли монаршей въ избраніи по себѣ наслѣдника, коего изволитъ, напечатанную въ первый разъ въ Москвѣ 1722 г., потомъ въ 1726 году, in fol. Сочиненіе это тотчасъ по появленіи въ свѣтъ, было разобрано въ лейпцигскихъ ученыхъ актахъ 1723 года. (стр. 348—353). Въ 1727 году (26 іюля) по именному указу императора Петра II, книга эта была вездѣ отобрана.

3. *Разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіи, славянскихъ апостолахъ*, напечатанное въ концѣ Мавроурбиновой Исторіи, переведенной по указу государеву съ итальянскаго языка, изданной въ Санктпетербургѣ 1722 году, подъ заглавіемъ: *Исторіографія пачатія имене, славы и разширенія народа славянскаго*. Поводомъ къ сочиненію *Разсмотрѣнія* было то, что Мавроурбинъ, по примѣру западныхъ историковъ утверждалъ, будто Кириллъ и Меѳодій были посланы къ моравскимъ Славянамъ не изъ Константинополя, а изъ Рима. Теофанъ очень основательно опровергъ это мнѣніе, основываясь на западныхъ же историкахъ.

4. *Краткая повѣсть о смерти Петра Великаго*, напечатана 1725 года, въ Санктпетербургѣ in fol, и въ Москвѣ въ 1726 году; потомъ переведена самимъ сочинителемъ на латинскій языкъ и издана вмѣстѣ съ надгробными словами 1726 года, in 4, въ Ревелѣ, подъ заглавіемъ: *Lacrimae Roxolanae*; въ томъ же году она вышла и въ Гамбургѣ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, порознь, in 4; а въ 1753 г., напечатана архи-

мандритомъ Давидомъ Нащинскимъ въ третій разъ, между латинскими сочиненіями Теофана Прокоповича; четвертое русское изданіе ея въ переводъ съ латинскаго вышло въ Санктпетербургъ 1819 года in 8.

5. *Краткая исторія о дѣлахъ Петра Великаго до полтавской побѣды*, сочинена около 1730 года, а напечатана въ Санктпетербургъ 1773 года, и въ Москвѣ 1788 года in 8, съ планами сраженій.

6. Болтинъ приписываетъ Теофану еще *Подробную лѣтопись отъ начала Россіи до полтавской битвы*, найденную и изданную Н. А. Львовымъ въ четырехъ частяхъ 1798 года, въ Санктпетербургъ; но она кажется, ниже ума Теофана Прокоповича.

7. *Трактатъ о Амазонкахъ*, съ доказательствомъ того, что онѣ были Славянки (!!); это сочиненіе остается въ рукописи. Татищевъ свидѣтельствуе^{*}, что Теофанъ поднесъ этотъ трактатъ императору Петру Великому въ 1724 году.

8. *Описаніе кончины императора Петра II, и бывшихъ послѣ оной происшествій*, писано около 1730 года, и хранится въ рукописи.

9. *Повѣсть о вступленіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны*; рукопись эта, изданная только въ 1837 году подъ заглавіемъ: *Исторія объ избраніи и возшествіи на престолъ государыни Анны Іоанновны, самодержицы всероссійской*, сочинена Теофаномъ Прокоповичемъ въ 1730 г. Сочиненіе это чрезвычайно для насъ важно, тѣмъ, что написано не только современникомъ и очевидцемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ. Извѣстно, что по избраніи верховнымъ совѣтомъ на престолъ, императрицы Анны Іоанновны,

^{*} Россійская Исторія, Часть I, стр. 436.

Оеофанъ, согласясь съ графомъ Ягужинскимъ, прежде всѣхъ послалъ въ Курляндію увѣдомленіе объ этомъ, и о предположеніи совѣта ограничить ея императорскую власть, съ увѣреніемъ, что сей актъ со временемъ можетъ быть уничтоженъ; въ чемъ онъ скоро съ сообщниками дѣйствительно и успѣлъ, доставивъ императрицѣ написанный имъ проэктъ возстановленія самодержавія. Онъ скрылъ этотъ проэктъ въ столовыхъ часахъ, поднесенныхъ императрицѣ, и тѣмъ разрушилъ заговоръ.

10. Письмо къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, съ приложеніемъ примѣчаній по дѣлу защищенія правовѣрныхъ Россіянъ, живущихъ въ Польшѣ и Литвѣ, писанное 18 августа 1735 года, остается въ рукописи.

11. *Изслѣдованіе о флорентинскомъ соборѣ*. (Examen Concilii Florentini.) Объ этомъ произведеніи самъ Оеофанъ Прокоповичъ упоминаетъ въ трактатѣ своемъ *de Processione Spiritus Sancti* § 2 18 (изданія Дамаскинова); но о немъ ничего болѣе не извѣстно.

Вотъ всѣ труды Оеофана Прокоповича по части отечественной исторіи. Слогъ его сочиненій исполненъ словъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго языка, иногда простонородныхъ и даже польскихъ.—Оеофанъ имѣлъ то преимущество предъ своими предшественниками, что зналъ нѣсколько языковъ, именно: греческій, латинскій, польскій и итальянскій, могъ пользоваться многими историческими произведеніями, выходявшими въ его время на Западъ, гдѣ латинскій языкъ продолжалъ быть языкомъ ученыхъ. При всемъ томъ, мы не можемъ отнести его къ нашимъ историкамъ XVIII столѣтія. Онъ съ равнымъ усердіемъ и успѣхомъ занимался составленіемъ *Духовнаго Регламента*, богословіемъ и изящной литературой (писалъ стихотворенія на разные случаи). Это разнообразіе занятій помѣшало ему сдѣлать что нибудь чрезвычайное для

исторіи, которая какъ извѣстно, требуетъ болѣе трудовъ и времени, чѣмъ всякая другая наука. Впрочемъ, въ ту критическую эпоху, всѣ науки равно требовали обработки, и потому всякій талантливый ученый, желавшій содѣйствовать Петру въ его преобразованіи, поневолѣ дѣлался энциклопедистомъ. Это мы замѣчаемъ даже и позже, въ самомъ Ломоносовѣ. Историческія изысканія Теофана были необходимы для его любознательности, онъ обогащали его умъ, но не могли имѣть большого вліянія на современниковъ, за исключеніемъ только некоторыхъ его сочиненій, писанныхъ о Петрѣ, ибо многіе были открытыми врагами всего тогдашняго порядка и его представителей, а слѣдовательно и Теофана, котораго даже упрекали въ некоторой склонности къ римской церкви. Но Теофанъ Прокоповичъ имѣлъ вліяніе на Татищева, который посѣщалъ этого достойнаго монаха, былъ имъ обласканъ, бесѣдовалъ съ нимъ объ его историческихъ трудахъ. Татищевъ многое отъ него слыхалъ, на многое былъ имъ наведенъ, и впоследствии воспользовался всѣмъ этимъ при сочиненіи своей исторіи *.

Федоръ Поликарповъ, учился въ московской типографской школѣ, а послѣ у Лихудовъ. По окончаніи наукъ онъ былъ преподавателемъ греческаго языка въ московской духовной академіи. Въ 1700 г. сдѣланъ сиранищикомъ типографіи, а потомъ около 1723 г. директоромъ оной, и въ сей должности умеръ 1730 года. Изъ сочиненій его къ нашему предмету относится только слѣдующее:

Исторія славено-греко-латинской московской ака-

* О. Прокоповичъ умеръ 1736 г.

деміи, напечатанная въ Древней Россійс. Библіотекѣ издан. 2, часть XVI.

Поликарповъ ученостію своею и сочиненіями обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго; государь поручилъ ему въ 1708 году написать русскую исторію отъ начала царствованія великаго князя Василія Ивановича до своего времени, и для образца приказалъ сочинить сперва лѣтъ пять двоякимъ образомъ, пространно и кратко. Этотъ опытъ представленъ былъ государю въ 1716 году, но не одобренъ, хотя сочинитель и награжденъ 200 руб.

В. Любители отечественной старины.

Великій Петръ, почитая отечественную исторію источникомъ и условіемъ народнаго образованія и личности государства, былъ первымъ виновникомъ кореннаго вопроса о *Варяго-Руссахъ*, вопроса, который только въ наше время приближается къ своему окончательному рѣшенію. Онъ приказалъ графу Якову Вилимовичу Брюсу, мужу извѣстному всей Европѣ своею глубокою ученостію, вступить въ переписку съ Лейбницемъ, для изслѣдованія происхожденія русскаго народа. Смерть Лейбница, послѣдовавшая въ 1716 году прекратила эту переписку въ самомъ ея началѣ; однако новооснованная Академія Наукъ не оставила безъ вниманія желанія Петра Великаго: спустя десять лѣтъ послѣ смерти Лейбница, академикъ Байеръ первый написалъ разсужденіе, объ основаніи русскаго государства.

Еще до этого, мы встрѣчаемъ первую попытку свѣтскаго лица на поприщѣ исторіи; мы разумемъ здѣсь князя Андрея Яковлевича Хилкова. Во-

обще мы очень мало имѣемъ свѣдѣній объ этомъ лицѣ; до послышки его въ Стокгольмъ въ 1700 году, о жизни и занятіяхъ его ничего почти неизвѣстно. Но основываясь на одномъ этомъ можно съ утвердительною сказать, что Хилковъ не принадлежитъ къ числу историческихъ лицъ Петрова времени; вѣроятно это былъ человекъ съ понятіями XVII вѣка, можетъ-быть образовавшійся въ заиконо-спасской Академіи, и знавшій языки латинскій и нѣмецкій, отчего и былъ употребленъ Петромъ Великимъ въ посольство. Но это одна догадка. Дѣло въ томъ, что Хилковъ находясь въ заключеніи у Шведовъ въ теченіи осьмнадцати лѣтъ, написалъ русскую исторію, подъ заглавіемъ: *Ядро российской исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго*. Она была посвящена государю въ Вестеррасъ 1715 года, и издана Миллеромъ спустя около пятидесяти лѣтъ послѣ смерти автора (1771) года.

Приступимъ къ оцѣнкѣ этого труда. Судить его по настоящимъ понятіямъ объ исторіи, значило бѣ быть несправедливымъ; мы должны взглянуть, какой успѣхъ имѣло это сочиненіе въ свое время, и какъ на него смотрѣли современники. Нѣтъ сомнѣнія, что Хилковъ занимался изученіемъ историческихъ памятниковъ, въ той мѣрѣ, какъ это было тогда возможно, собралъ нѣкоторые матеріалы и находясь резидентомъ въ Швеціи, взялся за обработку ихъ, но попавъ въ заключеніе, онъ не могъ исполнить своего предпріятія надлежащимъ образомъ, въ особенности по недостатку необходимыхъ матеріаловъ. * Притомъ, принимая въ сообра-

* Всѣ историческіе матеріалы, которыми пользовался Хилковъ при сочиненіи своей исторіи, состояли въ хроникѣ Софоновича и нѣсколькихъ другихъ историческихъ статьяхъ, находящихся при ней по списку открытому въ Вестеррасѣ, гдѣ Хилковъ жилъ въ заключеніи и умеръ.

женіе понятія того времени, трудно ожидать отъ сочиненія Хилкова того, что называемъ мы системой и критикой, и что сдѣлалось въ нашихъ глазахъ необходимымъ условіемъ ученаго труда. Въ вѣкъ, когда не было у насъ ничего лучше патерика и хронографовъ, на Хилкова смотрѣли, какъ на историка *рустѣй* земли. Сочиненіе его есть краткій перечень русской исторіи; въ немъ встрѣчаемъ свѣдѣнія, какими можно было воспользоваться въ кругу столь печальныхъ обстоятельствъ. Не смотря на тяжелый слогъ, неправильный взглядъ на причины многихъ событій, невѣрность хронологіи, на множество постороннихъ обстоятельствъ, безъ нужды внесенныхъ авторомъ, исторія Хилкова не чужда нѣкотораго достоинства; напр. *эпоха смутъ* заслуживала особенное вниманіе современниковъ, тѣмъ болѣе, что она, судя по тогдашнимъ понятіямъ, описана довольно удовлетворительно. Если мы вспомнимъ, что исторія Хилкова вышла въ свѣтъ тогда, когда у насъ появилась уже цѣлая екатерининская школа историковъ, то конечно, современники не могли смотрѣть на нее съ выгодной точки. Это сочиненіе довольно долго употреблялось какъ учебникъ, но говорятъ, единственно по недостатку лучшаго руководства. Въ заключеніе скажемъ, что въ XVIII столѣтіи были слухи, будто не самъ князь Хилковъ, а секретарь его былъ виновникомъ этого творенія. — Для насъ тѣмъ важенъ трудъ Хилкова, что несовершенствомъ своимъ подалъ мысль о возможности лучшаго сочиненія въ этомъ родѣ, и вызвалъ на поприще исторіи дѣятельнаго Татищева.

С. Сочинители записокъ (Mémoires).

Въ то самое время, когда Хилковъ находясь въ плѣ-

ну сочинялъ свою русскую исторію, въ Россіи нѣсколько знаменитыхъ сановниковъ и частныхъ лицъ вели записки современныхъ происшествій; то были:

Нѣкто Разладинъ, сочинилъ *Записки о крымскомъ походѣ 1689 года*, въ которомъ самъ онъ участвовалъ. Страленбергъ, въ сочиненіи своемъ, извѣстномъ подъ названіемъ *Сѣверная и восточная часть Европы и Азии* (напечатанномъ въ Стокгольмѣ 1731 г.) пишетъ, что фельдмаршалъ Голицынъ приказалъ сочиненіе Разладина сжечь а самого его посадить въ тюрьму.—

Григорій Скибинскій, докторъ богословія, подалъ въ 1696 г. государю Петру Алексіевичу и Патріарху Адріану, челобитье: *О священствѣ и каковы поны въ Россіи*. Челобитье это находится въ рукописи, но нѣтъ сомнѣнія, что оно должно быть чрезвычайно интересно.

Алексій Семеновичъ Шейнъ, знаменитый бояринъ и главнокомандующій въ царствованіе императора Петра Великаго, сочинилъ *Журналъ о своемъ походѣ въ 1697 году къ Азову и о построеніи крѣпости Таганрога*, напечатанный въ Древн. Росс. Вивліюнкѣ и отдѣльно изданный Рубаномъ въ С.-п.-б. 1773 года.

Иванъ Афанасьевичъ Желябужскій, посвятившій всю жизнь на службу своему отечеству, постоянно занималъ довольно важныя мѣста государственныхъ и придворныхъ, исполнялъ многія важныя порученія возлагаемыя на него правительствомъ, былъ посылаемъ въ чужіе края, назначаemъ представомъ при иностранныхъ послаxъ пріѣзжавшихъ въ Россію во второй половинѣ XVII столѣтія и т. д. *. При всѣхъ своихъ занятіяхъ, Желябужскій

* Иванъ Афанасьевичъ Желябужскій родился 1638 г., умеръ спустя

успѣлъ еще написать «записки». Записки эти начинаются съ 1692 г. и оканчиваются извѣстіемъ о полтавской побѣдѣ. О. И. Туманскій въ первый разъ напечаталъ ихъ въ 7-й части своего сборника *, подъ заглавіемъ «*Выписка изъ дневныхъ записокъ Желябужскаго бібліотеки съ 1682 года по 1712*». Во второй разъ онѣ были изданы любителемъ отечественной старины, Д. И. Языковымъ, въ 1840 году, подъ заглавіемъ: *Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 іюля 1709 г.* **. Последнее изданіе записокъ Желябужскаго сдѣлалъ г. Сахаровъ, который при изданіи ихъ пользовался двумя списками, писанными въ половинѣ XVIII вѣка. Исправнѣйшій изъ нихъ, принятъ въ основаніе текста. Списокъ изданный Туманскимъ не полонъ и перемѣшанъ.

При здоровомъ и свѣтломъ умѣ, при такой дѣятельной и разнообразной жизни какова жизнь Желябужскаго, можно бы было составить весьма занимательныя записки, но къ несчастію вышло иначе. Записки его, заисключеніемъ первыхъ страницъ, представляющихъ родъ введенія, состоятъ единственно изъ выписокъ и списковъ съ указовъ, рескриптовъ, казенныхъ бумагъ, офиціальныхъ писемъ, газетныхъ статей, и реляцій, или какъ самъ Иванъ Афанасьевичъ выражается *почтъ*, которыя онъ списывалъ для себя, по мѣрѣ того какъ онѣ попадались ему въ руки, внося ихъ въ особенную тетрадь. Отсюда происходитъ разительная неполнота этихъ записокъ; въ нихъ пропущено множество любопытныхъ событій великаго царство-

нѣсколько времени послѣ полтавской битвы, но когда именно, неизвѣстно.

* По невѣрной рукописи съ большими ошибками.

** Съ прибавленіемъ примѣчаній, объясненій, алфавитныхъ реестровъ и т. д.

ванія; здѣсь не видно ни дѣйствующихъ лицъ, ни характеровъ, ни современныхъ понятій, ни даже анекдотовъ, ничего такого, что само собою идетъ подъ перо человѣка, записывающаго свои наблюденія, словомъ человѣка, составляющаго записки своего времени. Многія изъ этихъ выписокъ или списковъ носятъ заглавія, указывающія на источникъ, изъ котораго онѣ почерпнуты; но большая часть статей внесена въ тетрадь безъ заглавій, онѣ также — списки съ почтъ, вѣдомостей и курантовъ. Это доказывается ихъ тономъ, слогомъ и языкомъ. По исключеніи всего официальнаго на долю Желябужскаго какъ писателя, придется очень не много — самая неблагоприятная часть труда, именно, одна только лѣтопись наказаній. Списавъ какую-нибудь реляцію о славномъ походѣ, онѣ не умѣетъ прибавить къ ней отъ себя никакого другаго замѣчанія, кромѣ слѣдующаго: » а въ ономъ славномъ походѣ биты батоги такіе-то, съчены кнутомъ такіе-то, повѣшены такіе-то!

Этотъ главный недостатокъ Желябужскаго происходитъ отъ того, что онѣ былъ членомъ суднаго приказа, онѣ только и бредилъ наказаніями. Записки эти въ историческомъ отношеніи не представляютъ ничего, чтобы не было извѣстно, и гораздо подробнѣе изъ другихъ источниковъ. Между тѣмъ, онѣ не чужды интереса какъ собраніе нѣкоторыхъ современныхъ писемъ, рескриптовъ, реляцій, и газетныхъ статей, хотя все это списано безъ всякой системы, безъ выбору, безъ цѣли, совершенно на удачу. Въ общей массѣ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго и сборникъ Желябужскаго можетъ пригодиться.

Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, сынъ извѣстнаго боярина Артамона Сергѣевича, друга и ближняго сотрудника царя Алексія Михайловича. Поль-

скій посолъ при русскомъ дворѣ La-Neuville писалъ о немъ: «Артамоновичъ человекъ умный, говоритъ по-латынѣ и любитъ читать книги»; но между-тѣмъ графъ Матвѣевъ не прославилъ себя никакими чрезвычайными подвигами, хотя былъ въ высшихъ чинахъ и ѣздилъ посломъ въ Голландію, Австрію и Англію. Послѣ него остались переводы нѣкоторыхъ книгъ Баронія, хранящіеся нынѣ въ Румянцевскомъ Музеумѣ, за скрѣпою его *власной* руки. Но гораздо важнѣе для насъ его «записки». Андрей Артамоновичъ, бывшій свидѣтелемъ въ 1682 г. стрѣleckаго бунта, оставилъ намъ его описаніе. Записки его извѣстныя по разнымъ спискамъ, представляютъ это событіе совершенно сходно съ другими повѣствованіями очевидцевъ. Во время стрѣleckаго бунта было ему только 16 лѣтъ; записки эти составлены имъ въ послѣдствіи. Въ 1793 году Туманскій напечаталъ отрывокъ изъ нихъ, въ издаваемыхъ имъ запискахъ о Петрѣ Великомъ. Во второй разъ онѣ изданы г. Сахаровымъ *, который при изданіи, имѣлъ у себя пять списковъ. Изъ нихъ первые три находятся въ Императорской публичной библіотекѣ, (изъ бывшаго собранія графа Толстова, извѣстныя по его каталогу подъ № 159, 412, 419 — Отдѣл. II); а другіе два принадлежатъ самому издателю. Толстовскій списокъ подъ № 412, написанъ съ пропусками. Текстъ записокъ графа Матвѣева напечатанъ по списку, принадлежащему г. Сахарову. Всѣ списки почти сходны между-собою, за исключеніемъ Толстовскаго.

Слогъ Матвѣева оригиналенъ, видно что онъ былъ изъ людей перенимавшихъ идеи тогдашняго запада; онъ хотѣлъ блеснуть образованностью,

* Въ книгѣ «Записки Русскихъ людей 1841 г. in 8°.

употреблялъ многія иностранныя слова, которыя самъ Петръ часто вмѣшивалъ въ свои рѣчи. Приведемъ для примѣра слѣдующія мѣста его записокъ: «Еще въ свѣжей памяти нашей и предъ очами не забыто явствуется экземпль или прикладъ не отъ многихъ лѣтъ, жесточай оныхъ возсвирѣпевшійся, въ самой столицѣ въ Москвѣ бунтъ московскихъ же стрѣльцовъ, приснопоминаемой и зѣло ужасной трагедіи кремлевской, бывшей въ прошломъ 7190 году, то есть лѣта Господня 1682, гдѣ многіе вѣрные слуги, изящныхъ и заслуженныхъ фамилій, не повинно страдальческою кончиною вѣнецъ своего мученія приняли»; или слѣдующее мѣсто... изъ котораго бунтоваго мученика зѣло ужасная бомба на кровы самые царскаго дому шумно не обрушилась; но такъ цѣло выбѣжала, что своимъ зыкомъ сильнымъ громогласнѣе древняго іовишеваго грому возгремѣло эхо или отзвѣвъ».

Еще при жизни Петра Великаго, Вицеканцлеръ Баронъ Шафировъ издалъ въ свѣтъ: *Разсужденіе, какія законныя причины имѣлъ императоръ Петръ Великій къ началію войны противъ короля шведскаго Карла XII, въ 1700 году*. Сочиненіе это можно принять за манифестъ писанный по повелѣнію Петра I-го, и при его глазахъ; оно чрезвычайно для насъ драгоцѣнно. Нѣкоторые приписываютъ еще Барону Шафирову сочиненіе Журнала Петра Великаго, изданнаго кн. Щербатовымъ 1770 и 1771 годахъ.

Петръ Нинифоровичъ Крекшинъ, комиссаръ капитанскаго чину, современникъ Петровъ, долгое время у него находился въ особенной милости, былъ близкимъ, какъ выражались современники, но не извѣстно по какому случаю впослѣдствіи сдѣлался далекимъ отъ его милостей, подпалъ гнѣву монарха, былъ лишенъ всего и сосланъ на земляную работу въ Кронштадтъ. Онъ

издыхалъ въ тяжелой работѣ, но наконецъ у него родилась мысль облегчить свой трудъ; Крекшинъ изобрѣлъ тележку, и тяжесть, которую прежде носили четыре человѣка, катилась подъ его рукою на одномъ колесѣ. Петръ увидѣлъ его въ толпѣ, но не узналъ; имя его пробудило въ сердце государя прежнюю привязанность, выдумка понравилась и царь примирялся съ подданнымъ своимъ передъ лицомъ многолюдной толпы. Крекшинъ пролилъ горячія слезы благодарности и монархъ простеръ къ нему дружелюбную руку, возвратилъ его въ семейство, простилъ, и возставилъ въ общемъ мѣстѣ. — По кончинѣ государя вышелъ (1726 г.) въ отставку, онъ началъ собирать свѣдѣнія о всѣхъ дѣяніяхъ великаго императора и накопилъ цѣлыя фоліанты записокъ. Записки Крекшина очень подробныя, даже до мелочей, писаны подневно. Каждый день описывается просто, ясно, слогомъ нынѣ устарѣлымъ и утомительнымъ. Отъ него можно требовать только достоверности и полноты; — это дневныя записки человѣка, приближеннаго къ герою, наблюдателя любопытнаго.

Крекшинъ также обрабатывалъ различныя части русской исторіи, въ особенности эпоху Петра: Онъ составилъ 1) *Лѣтопись отъ начала царствованія царя Іоанна Васильевича съ 1534 по 1560 годъ.* 2) *Исторію о царѣ Борисѣ Оеодоровичѣ Годуновѣ по 1600.* 3) *Исторію о великой княгинѣ Ольгѣ, нареченной во святомъ крещеніи Еленою.* 4) *Историческое извѣстіе о рожденіи Петра Великаго и описаніе житія и дѣлъ сего монарха отъ рожденія до дня погребенія.* 5) *Родословіе великихъ князей и царей россійскихъ.* Всѣ эти сочиненія Крекшина до-сихъ-поръ остаются въ рукописяхъ.

—Ему также приписываютъ: а) *Краткое описаніе славныхъ и достопамятныхъ дѣлъ императора Петра*

Великаго, его знаменитыхъ побѣдъ и путешествій съ разныя европейскія государства, со многими важными и любопытства достойными происшествіями, представленное въ видѣ разговоровъ сего государя въ царствѣ мертвыхъ съ графомъ Шереметевымъ, бояриномъ Головинымъ, царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, Карломъ XII, израильскимъ царемъ Соломономъ и Александромъ Македонскимъ»*. Это произведение потому для насъ важно, что вполне выражаетъ понятія Петрова вѣка. Сочиненіе это имѣло 4 изданія.

б) Сказаніе о рожденіи, воспитаніи и нарѣченіи на всероссійскій царскій престолъ государя Петра Великаго, съ присовокупленіемъ сокращеннаго описанія жизни и дѣлъ сего великаго императора.

Оно было найдено Василиемъ Вороблевскимъ въ библіотекѣ графа Шереметева и издано въ М. 1795 г.; вторично издалъ его Туманскій въ своемъ «сборникѣ», третій разъ оно было издано г. О..... 1829 г. Всѣ три издателя не знали кому принадлежало это «сказаніе». Наконецъ въ послѣдствіи времени открыто, что оно есть часть изъ записокъ Крекшина.

Не смотря на продолжительное занятіе, на огромный запасъ свѣдѣній о дѣяніяхъ Петра Великаго, Крекшинъ не успѣлъ составить полнаго описанія всей жизни сего великаго монарха, подобно Голицову. Первый томъ его записокъ, поднесенный Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, составлялъ только основаніе всей его работы. Этотъ-то первый томъ изданъ въ первый разъ г. Сахаровымъ въ его «Запискахъ русскихъ людей» подъ заглавіемъ: *Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ великаго государя,*

* Напечат. въ Спб. 1788 г. въ 8. д. л.

императора Петра Великаго, самодержца всероссийскаго, собранное чрезъ недостойный трудъ послѣднѣйшаго раба Петра Крешкина дворянина великаго Новгорода. При изданіи его, г. Сахаровъ имѣлъ два списка, одинъ сдѣланный имъ въ Москвѣ у К. Т. Карпова, а второй доставленный издателю Н. Н. Власовымъ. Оба эти списка, совершенно сходные между собою, составляютъ копію съ перваго тома записокъ Крекшина, поднесеннаго имъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. * Изъ сличенія этихъ двухъ списковъ былъ составленъ противень, какъ говоритъ г. Сахаровъ, принятый за текстъ при изданіи.

Петръ Никифоровичъ былъ большой говорунъ и очень любилъ рассказывать о дѣлахъ Петровыхъ, боясь можетъ быть что бы онѣ не были забыты въ потомствѣ. Умирая ** онъ говорилъ: «Хоть бы годикъ еще довелось пожить, съѣздить бы въ Москву и рассказалъ тамъ всѣмъ, что сдѣлалъ для насъ отецъ Петръ Великій».

Бумаги Крекшина куплены, послѣ смерти его, императрицею Екатериною и отданы въ библіотеку Императорской Академіи Наукъ, гдѣ онѣ хранятся и до сихъ поръ ***.

* Императрица милостиво приняла его приношеніе, и дозволила ему для пополненія своихъ записокъ пересмотрѣть кабинетъ дѣлъ и бумагъ Петра Великаго, находившійся тогда въ петропавловской крѣпости. Крекшинъ рылся въ бумагахъ еще 15 лѣтъ, и въ огромныхъ фоліантахъ составились выписки всего занимательнаго и драгоценнаго о Великомъ Петрѣ.

** Умеръ онъ 1763 года, на 80 году жизни.

*** Помяну же другихъ: въ 1791 (не въ 1794 ли?) году онѣ были вывезены въ Петербургъ на толкучій рынокъ. Здѣсь купилъ ихъ извѣстный нашъ библіографъ Сопиковъ и потомъ продалъ графу Мусину-Пушкину. Императрица Екатерина, узнавъ что онѣ перешли къ Мусину-Пушкину, пожелала видѣть это собраніе. Съ особеннымъ

Къ сему же времени должно отнести *Кишу* или *Кирилла Данилова*, перваго собирателя русских народных пѣсенъ. Г. Гречъ говоритъ, что онъ былъ родомъ Кіевлянинъ, званіемъ казакъ, служилъ въ Сибири въ началѣ XVIII вѣка. Но это одна догадка, выведенная изъ того, что онъ чаще всего упоминаетъ о Кіевѣ, что большая часть собранныхъ имъ пѣсенъ принадлежитъ къ казацкимъ, что, наконецъ, во многихъ изъ нихъ воспѣваются подвиги казаковъ сибирскихъ. Можно сказать только, что это сборъ пѣсенъ народныхъ, составленныхъ въ различныхъ мѣстахъ и въ разное время; многія изъ нихъ отзываются глубокою древностію, хотя собиратель и испортилъ ихъ, вѣроятно для того, чтобы сдѣлать понятными современникамъ. Собраніе его въ первый разъ было издано Якубовичемъ въ Москвѣ въ 1804 году, а вторично съ дополненіями Калайдовичемъ тамъ же въ 1818 г. подъ заглавіемъ: *Древнія російскія стихотворенія, собранныя Кишею Даниловымъ, и вторично изданныя, съ прибавленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ не извѣстныхъ, и нотъ для напѣва. Москва въ типографіи Семена Селивановскаго 1818 г. in 4° XXXVI и 423.* Даниловъ собиралъ народныя пѣсни единственно для своего удовольствія и вѣроятно никогда недумалъ о томъ, что оказываетъ тѣмъ чрезвычайную заслугу для исторіи. Одинъ списокъ этихъ пѣсенъ достался графу Н. П. Румянцову. Онъ писанъ въ листъ, на 202 страницахъ, скорописью, безъ правописанія и безъ раздѣленія на стихи; надъ каждою пѣснью для игры на скрипкѣ приложены ноты.

любопытствомъ государыня пересматривала эти бумаги, и часть изъ нихъ отобрала для эрмитажной библіотеки. (См. Труд. Общ. Истор. и Древ. Россій.. ч. 2).

Рукопись эта оканчивается началомъ пѣсни о *Стенькѣ Разинѣ*. Имя *Кирши* было поставлено на первомъ листѣ, нынѣ затерянномъ, какъ это свидѣтельствуесть первый ихъ издатель *Якубовичъ*, и въ 36 пѣсѣ: да не жаль добра молодца битаго—жаль похмельнаго, гдѣ онъ самъ себя именуесть *Кирилломъ Даниловичемъ*, посвящая это произведеніе вину и дружбѣ. Большая часть пѣсенъ и сказокъ *Данилова* чисто историческаго достоинства; онѣ посвящены славѣ князя *Владимира* и подвигамъ храбрыхъ его витязей. Случалось ли какое знаменитое происшествіе: побѣда, бракосочетаніе, прибытіе посла, или пріѣздъ желаннаго гостя; тогда

«Въ славномъ городѣ во *Кіевѣ*,
Что у ласкова, сударь, князя *Владимира*,
А и было пированье, почестной пиръ,
Было столованье почестной столъ;
Много на пиру было князей и бояръ,
И русскихъ могучихъ богатырей». стр. 85.

Тутъ собирались: *Добрыня Никитичъ*, *Илья Муромецъ Ивановичъ*, *Алеша Поповичъ*, *Чурила Пленковичъ*, *Соловей Будимировичъ*, *Дюкъ Степановичъ*, *Иванъ Гостиной сынъ* (*Дунай Ивановичъ*), *Акимъ Ивановичъ*, *Ставръ Годиновичъ*, *Касьянъ Михайловичъ*, *Потокъ Михайло Ивановичъ*, *Василій Игнатьевъ пьяница*, *Тугаринъ Змѣевичъ* и пр., не менѣ славные витязи. Пиръ начался; богатырямъ подносили чару зелена вина—мѣрой въ полтора ведра; и турій рогъ меду сладкаго—въ полтретья ведра:

«А и будетъ день въ половину дня,
Княженицкой столъ во полу столѣ.
Владиміръ князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черные кудри расчесываетъ».

И среди ликованій дружины, мечтаетъ князь о новыхъ завоеваніяхъ, бесѣдуетъ съ мудрѣйшими объ устроеніи чина государственнаго. Такъ пиршествовалъ каждую недѣлю князь Владиміръ Святославичъ, отвергшій магометанскую вѣру, на томъ основаніи, что *Руси есть веселье питье не можетъ безъ того быти*. Пѣсни Даниловы въ этомъ случаѣ не противорѣчатъ и нашимъ лѣтописямъ. Несторъ тоже упоминаетъ: се же паки творяше людямъ своимъ по вся недѣля: устави на дворъ въ гридьницѣ пиръ творити, и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцьскимъ, и десятицкимъ, и нарочнымъ мужемъ, при князѣ и безъ князя: бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бѣше по изобилію отъ всего. Егдаже подѣпяхуться начняхуть роптати на князя, глаголюще: зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревянными лѣжицами, а не серебряными. Се слышавъ, Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребренны; и ясти дружинѣ, рекъ сице: яко сребромъ и златомъ не имать налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко же дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра. Бѣ бо Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ *.

Однако жъ, если во многихъ пѣсняхъ историческія событія сохранились довольно вѣрно, то въ другихъ напротивъ онѣ обезображены въ содержаніи и наполнены анахронизмами. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ не имѣли историческаго достоинства: онѣ все-таки показываютъ намъ, что слѣды событій сохранились въ народномъ преданіи; смѣшаны же происше-

* Несторъ по лав. списку стр. 89 и 90.

ствія не отчего инаго, какъ оттого, что безъ помощи письма память человѣческая не въ силахъ все удержать въ стройномъ порядкѣ. Такъ напримѣръ, если въ пѣсни и говорится что «царь *Иванъ Васильевичъ Грозный*, въ гнѣвъ, повелѣваетъ казнить сына своего *Теодора Ивановича*, и жизнь его спасаетъ дядя его *Никита Романовичъ*», то хотя это исторически и невѣрно, однако жъ все-таки мы можемъ сдѣлать отсюда два вывода. Во первыхъ, мы видимъ, что, потомство забыло *Юанна Юанновича*, о которомъ оно знало немного, а сохранило въ памяти *Теодора*, который царствовалъ и болѣе былъ извѣстенъ. Во вторыхъ, въ потомствѣ сохранилось преданіе о добрыхъ дѣлахъ *Никиты Романовича*, который быть можетъ не разъ защищалъ несчастныхъ отъ гнѣва *Юаннова*, а между прочимъ можетъ быть даже и старшаго сына его, *Юанна Юанновича*. Посмотрите теперь какъ вѣрно сохранилось въ народной памяти преданіе о *Лжедимитріи*.

Ты Боже, Боже, Спасъ милостивый!
 Къ чему рано надъ нами прогнѣвался
 Сослалъ намъ, Боже предестника,
 Злаго разстригу Гришку Отрепьева;
 Уже ли онъ, разстрига на царство сѣлъ?
 Называется разстрига прямымъ Царемъ,
 Царемъ *Дмитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ*.
 Не долго разстрига на царствѣ сидѣлъ,
 Похотѣлъ разстрига жениться;
 Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
 Бралъ онъ разстрига въ проклятой Литвѣ,
 У *Юрія пана Сендомирскаго*
 Дочь *Маринку Юрьеву*,
 Злу еретницу, безбожницу.
 На вешній праздникъ *Николинъ день*,
 Въ четвергъ у разстриги свадьба была,
 А въ пятницу праздникъ *Николинъ день*.
 Князи и бояра пошли къ заутрени,
 А *Гришка разстрига* онъ въ баню съ женой,
 На *Гришкѣ рубашка кисейная*,

На Маринкѣ соянъ хрущатой камки.
 А часъ другой произойдучи,
 Уже князи и бояра отъ заутрени
 А Гришка разстрига изъ бани съ женой.
 Выходить разстрига на красной крылецъ,
 Кричить, реветъ зычнымъ голосомъ:
 «Гой еси, ключники мои, приспѣшники!
 Приспѣвайте кушанье,
 А и постное и скоромное;
 Завтра будетъ ко мнѣ гость дорогой,
 Юрья панъ со панею.
 А втопоры стрѣльцы догадалися,
 За-то-то слово спохватилися,
 Въ боголюбовъ монастырь металися
 Къ царицѣ Марѣѣ Матвѣевнѣ.
 «Царица ты, Марѣа Матвѣевна!
 Твое ли это чадо на царствѣ сидитъ,
 Царевичъ Дмитрій Ивановичъ?»
 А втопоры Царица Марѣа Матвѣевна,
 И таковы рѣчи во слезахъ говорила:
 «А глупы стрѣльцы вы, не догадливы
 Какое мое чадо на царствѣ сидитъ?
 На царствѣ у васъ сидитъ
 Разстрига Гришка Отрепьевъ сынъ;
 Потерянъ мой сынъ царевичъ Дмитрій Ивановичъ
 На Угличѣ отъ тѣхъ бояръ Годуновыхъ;—
 Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
 У чудной Софіи премудрая,—
 У того ли-то Ивана Великаго
 Завсегда звонять во царь—колоколъ,
 Соборны поны собираются,
 За всякіе праздники совершаютъ панихиды
 За память Царевича Дмитрія Ивановича,—
 А Годуновыхъ бояръ проклинаятъ завсегда.»
 Тутъ стрѣльцы догадалися;
 Всѣ они собиралися,
 Ко красному царскому крылечку металися,
 И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися,
 Гришка разстрига догадается,
 Самъ въ верхні чердаки убирается
 И на крѣпко запирается;
 А злая его жена, Маринка безбожница,
 Сорокою обернулася
 Изъ палатъ вонъ она вылетѣла,
 А Гришка разстрига втопоры догадливъ былъ,

Бросился онъ со тѣхъ чердаковъ на копья острыя
 Ко тѣмъ стрѣльцамъ удалымъ молодцамъ,
 И тутъ ему такова смерть случилась.

Не говоря уже о совершенномъ согласіи этой пѣсни съ свидѣтельствами лѣтописцевъ, нельзя не обратить вниманіе на живопись понятій, которая такъ бросается въ глаза при чтеніи. Какъ ясно высказано здѣсь— чѣмъ не понравился самозванецъ русскому народу, какъ оскорбилось чувство сего послѣдняго отступленіями отъ народныхъ обычаевъ, какъ серьезно негодовали подданные на то, что

«Не у себя то онъ въ каменной Москвѣ
 «Бралъ онъ растрига въ проклятой Литвѣ
 «У Юрія, пана Сендомірскаго
 «Дочь Маринку Юрьеву;

что

«Въ четвергъ у растриги свадьба была
 «А въ пятницу праздникъ, Николинъ день,

и проч. и проч.

Вотъ до-петровская Русь во всей своей физіономіи. Такой памятникъ стоитъ тысячи хронологическихъ извѣстій!

Д. Начало школы академиковъ.

Въ царствованіе императора Петра II положено начало академической обработкѣ отечественной исторіи. Оно тѣмъ отличается отъ предъидущаго, что занимавшіеся русскою исторіею были иностранцы, и обрабатывали эту науку сначала исключительно по иностран-

нымъ источникамъ, а въ послѣдствіи и по народнымъ. Начало этой школы положено почти со времени основанія Академіи — Байеромъ.

Феофилъ Зигфридъ Байеръ, родился въ Кенигсбергѣ въ концѣ XVII столѣтія (1694 г.), получилъ образованіе въ тамошнемъ университетѣ, и былъ извѣстенъ своимъ знаніемъ въ древнихъ и новѣйшихъ восточныхъ языкахъ. Въ царствованіе императрицы Екатерины I (1726 г.) онъ былъ вызванъ къ занятію мѣста профессора исторіи и древностей въ С. Петербургской Академіи Наукъ. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Россіи, онъ съ ревностію занимался русскою исторіею и древностями. Но Байеръ лишенъ былъ главнѣйшаго средства для этихъ изслѣдованій, онъ не зналъ русскаго языка, и писалъ по-латынѣ. Всѣ сочиненія его были напечатаны въ комментаріяхъ Академіи Наукъ, и въ разные времена переведены на русскій языкъ. Вотъ ихъ списокъ: 1. О происхожденіи и первоначальномъ мѣстопребываніи Скиѳовъ. 2. О мѣстоположеніи Скиѳовъ во времена Геродота. 3. О кавказской стѣнѣ. 4. О Варягахъ. 5. Географія Россіи и сосѣдственныхъ съ нею областей, около 948 года, выбранная изъ Константина Порфирогенета и изъ сѣверныхъ писателей. 6. О первомъ походѣ Россіянъ подъ Константинополь. 7. Древности Русскія. 8. Древнія извѣстія объ Очаковѣ и Крымѣ. Сверхъ того онъ оставилъ въ рукописи. 1. *Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова, отъ созданія сего города, до возвращенія онаго подъ російскую державу.* Сочиненіе это написанное на нѣмецк. языкъ, было переведено Таубертомъ, на русскій языкъ и издано въ Спб. 1782 г. in 8° 2. *Выписки изъ русскихъ лѣтописей.*

Байеръ приступилъ къ обработыванію русской исторіи довольно систематически, обративъ вниманіе

на начальные коренные вопросы. Конечно, жаль, что онъ не зналъ нашего языка и не могъ употребить для своихъ изысканій и туземныхъ источниковъ. Однако жъ, если вспомнимъ, что онъ коснулся той эпохи русской исторіи, о которой свѣдѣнія можно заимствовать исключительно изъ иностранныхъ источниковъ, объ эпохъ, когда Россія находилась еще въ самомъ зародышѣ, между тѣмъ какъ другія государства уже существовали и были свидѣтелями нашего политическаго рожденія; то и нѣтъ причины почитать его человѣкомъ, не приготовленнымъ къ избранному имъ труду. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдуя вопросъ о первобытныхъ жителяхъ мѣстъ, занятыхъ впоследствии русскими Славянами, что могъ онъ почерпнуть изъ туземныхъ источниковъ; развѣ только то, что Скиѣя была страна велія и населена многими языки, какъ говоритъ лѣтописецъ.... Многія заключенія и догадки этого мужа въ послѣдствіи времени оказались совершенно справедливыми, напр. *Происхожденіе Варяговъ изъ Скандинавіи, мѣстоположеніе Тмутаракани и т. д.* Однимъ словомъ, мы должны быть ему благодарны за многія драгоценныя изслѣдованія, за истины, почерпнутыя имъ изъ иностранныхъ древнихъ и новыхъ писателей, упоминавшихъ о Руси. Онъ первый яснымъ образомъ доказалъ, что Скиѣы и Сарматы, коими до него (и даже послѣ него у Татищева) начинали русскую исторію, вовсе къ ней не относятся. Шлёцеръ называетъ его однимъ изъ величайшихъ литераторовъ и историковъ своего вѣка, въ чемъ и мы должны съ нимъ согласиться, если хотимъ быть безпристрастными оцѣнщиками. Труды Байера имѣли благотворное вліяніе на обработку отечественной исторіи. Во-первыхъ, послѣдовавшіе за нимъ историки, не соглашавшіеся съ его мнѣніемъ, снова переизслѣдовали всѣ вопросы

имъ рѣшенные, стараясь ихъ опровергнуть; но не успѣвъ въ этомъ они еще болѣе увѣрили насъ въ добросовѣстности и вѣрности его заключеній. Во-вторыхъ, такъ какъ послѣ изслѣдованій Байера, начало отечественной исторіи почиталось болѣе или менѣе заложеннымъ; то слѣдующее поколѣніе историковъ подвигалось впередъ. — Это доказываютъ труды самаго Миллера, который не ограничился первоначальной эпохой нашей исторіи.

Вѣкъ Елисаветы.

Промежутокъ времени, отъ кончины Петра Великаго до восшествія на престолъ императрицы Екатерины II былъ не очень богатъ любителями отечественной исторіи. Въ этомъ періодѣ историческая дѣятельность раздѣлялась между духовенствомъ, свѣтскими лицами и академиками.

1. Изъ духовныхъ замѣчательнѣе *Оеодосій Сморжевскій*, архимандритъ свѣскаго брянскаго монастыря. Въ 1743 г. по посвященіи въ іеромонахи, онъ былъ отправленъ съ русскою миссіею въ китайскій пекинскій православный монастырь, гдѣ пробылъ до 1757 года и по возвращеніи въ Россію произведенъ въ архимандриты и умеръ въ половинѣ 1758 года. Будучи въ Пекинѣ онъ написалъ: *Обстоятельную исторію миссіи русско-пекинской и вѣсьхъ бывшихъ нашихъ миссіонеровъ*. Исторія эта написана слишкомъ рѣзко, оттого осталась не изданною. Нѣкоторые выписки изъ нея напечатаны въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ*.

2. Изъ свѣтскихъ лицъ, любителей отечественной старины первое мѣсто въ этомъ періодѣ принадлежитъ *Татищеву*, но придерживаясь въ точности хронологическаго порядка мы должны сначала упомянуть о *Никодимѣ Селлѣ*.

Никодимъ Селлій, родомъ Датчанинъ назывался прежде *Адамомъ Бернардомъ Селліемъ*, учился въ началѣ XVII столѣтія въ различныхъ германскихъ университетахъ разнымъ наукамъ. При Петрѣ Великомъ, (въ 1722 годовъ) онъ пріѣхалъ въ С. Петербургъ, и началъ свое поприще учительскою должностію; потомъ обширныя его познанія обратили на него вниманіе и онъ сдѣланъ былъ секретаремъ графа Лестока. Пріѣхавъ въ Россію, онъ скоро выучился русскому языку, обратилъ вниманіе на русскую исторію, собиралъ разныя рукописи и книги писанныя о Россіи, списывалъ и переводилъ разные матеріалы, и занимался составленіемъ разныхъ сочиненій по части русской исторіи. Въ 1736 г. въ Ревелѣ вышло одно изъ его сочиненій, на латинскомъ языкѣ: *Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico—ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt*. Русскій переводъ этой книги напечатанъ въ Москвѣ въ 1815 г. Второе краткое сочиненіе его: *Историческое зеркало російскихъ государей отъ Рюрика до императрицы Елисаветы Петровны*, писано также на латинскомъ языкѣ стихами; подлинникъ его утраченъ, а русскій переводъ напечатанъ въ 1-й части Древней Русской Библіотеки. Форма этаго сочиненія въ высшей степени замѣчательна какъ выраженіе господствовавшихъ въ то время понятій о наукѣ и о поэзіи. Наука въ стихахъ, учебникъ переложенный въ латинскіе гекзаметры! И никому не казалось тогда, что въ этомъ не было смысла! И множество писателей съ другими науками дѣлали тоже, что сдѣлалъ Селлій съ русской исторіей, къ общему удовольствію современниковъ!

Списокъ перевода сего монументальнаго творенія находится въ числѣ рукописей библіотеки Императорской Академіи Наукъ in fol.—Къ нему присо-

единена любопытная рукопись, содержащая *Родословіе* *россійскихъ великихъ князей*, собранное изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ авторовъ, вѣры достойныхъ, *Лаврентіемъ Хулерихомъ* (отъ чего не *Ульрихомъ*???) *короля Леопольда 1-го священникомъ и священно-римскаго государства герольдомъ 1673 г.* Третье важнѣйшее сочиненіе *Селліево: De Russorum Hierarchia* въ 5-ти книгахъ; въ 1-й заключаются общія, свѣдѣнія о русской іерархіи, а въ прочихъ частныя; сія послѣдняя проведена по всѣмъ временамъ и епархіямъ: здѣсь говорится о степеняхъ архіереевъ *россійскихъ* въ древнія, среднія и новѣйшія времена, о патріархахъ, митрополитахъ *всероссійскихъ* и мѣстныхъ, архіепископахъ, епископахъ и прочихъ іерархахъ, здѣсь изчисляются поименно и по годамъ іерархи каждой епархіи отдѣльно, не оставлены безъ вниманія и епархіи временныя и давно уже уничтоженныя, соборы *россійскіе* и соборы бывшіе въ другихъ государствахъ по дѣламъ *россійской* церкви, знаменитѣйшіе монастыри и ихъ настоятели, разныя училища и проч... Подъ каждою изъ этихъ статей *Селлій* тщательно указываетъ на всѣ источники изъ которыхъ ихъ заимствовалъ. Все это доказываетъ добросовѣстность и трудолюбіе *Селлія* и не мало говоритъ въ пользу его сочиненія. Подлинникъ *De Russorum Hierarchia* достался *Амвросію архіепископу московскому*, а по смерти его положенъ *Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ* въ *государственный московскій архивъ*, гдѣ и нынѣ находится. *Рубанъ* при изданіи своего «*Московского Любопытнаго мѣсяцеслова на 1776 г.*», въ статьѣ о *митрополитахъ кievскихъ*, пользовался сочиненіемъ *Селлія* и ссылался на него; при изданіи же *Исторіи Русской Іерархіи* все это сочиненіе вошло въ первую ея часть. Въ нѣкоторыхъ библіотекахъ находится и *русскій переводъ*

этого произведенія Селліева, но онъ до сихъ поръ хранится въ рукописяхъ. Въ архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ есть нѣсколько записокъ его, относящихся къ исторіи русскихъ монастырей. Въ 1744 году, онъ принялъ греко-россійскую вѣру, а при обращеніи своемъ, изъ уваженія къ преподобному *Нестору*, принялъ и его имя. Спустя годъ онъ постригся въ монахи и наименованъ *Никодимомъ*. Въ 1746 г. Селлій умеръ и погребенъ въ алекса́ндро-невскомъ монастырѣ. Селлій отказалъ все свое собраніе русскихъ лѣтописей и иностранныхъ книгъ, относящихся къ русской исторіи, семинарской библіотекѣ, а всѣ свои записки и выписки изъ печатныхъ книгъ и рукописей завѣщалъ сжечь; но сіе послѣднее желаніе его не было исполнено. Всѣ эти записки были переплетены и переданы числомъ болѣе пятнадцати томовъ въ ту же библіотеку (гдѣ онъ хранятся и понынѣ). Преосвященный *Евгеній*, между-прочимъ, говоритъ: «*между ими находится много такихъ старинныхъ, хотя и простонародныхъ тетрадокъ, коихъ въ другихъ мѣстахъ сыскать трудно*». Желательно бы знать что это за «*простонародныя тетрадки*».

Наконецъ скажемъ о значеніи Селлія въ области русской исторіи. Во-первыхъ, всѣ сочиненія его писаны по-латинѣ и слѣдовательно были недоступны для современниковъ; даже самъ *Татищевъ* могъ ими пользоваться только въ переводѣ. Во-вторыхъ, излагая русскую исторію латинскими гекзаметрами, онъ не могъ составить эпохи въ ея обработываніи. За то нельзя не отдать ему справедливости за трудолюбивое собраніе фактовъ, относящихся къ исторіи православной греческой церкви. Но напрасно было бы ожидать отъ этого сочиненія какой нибудь критики внесенныхъ въ него фактовъ, не только что системы.

Составить эпоху въ нашей исторической дѣятельности XVIII столѣтія, суждено было Василю Никитичу Татищеву. Онъ родился въ самомъ концѣ XVII столѣтія, созрѣлъ въ вѣкъ Петра, и вскорѣ послѣ его смерти, сталъ заниматься изслѣдованіемъ и собраніемъ матеріаловъ по части отечественной исторіи. До осьмнадцати лѣтъ Татищевъ воспитывался въ домѣ родителей, по вступленіи въ службу, обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго и въ 1704 году, въ числѣ отличныхъ молодыхъ русскихъ дворянъ былъ посланъ въ чужіе края для усовершенствованія себя въ наукахъ. Намъ не извѣстно въ какомъ именно университетѣ онъ занимался, но изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ можно заключить, что онъ посѣщалъ лейпцигскій университетъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ XVIII вѣка. Татищевъ пребылъ за границей около пятнадцати лѣтъ и кромѣ наукъ, выучился немѣцкому и польскому языкамъ. По возвращеніи въ отечество (въ 1718 году,) онъ къ стіюсча былъ опредѣленъ въ бергъ-коллегію къ генераль-фельдмаршалу графу Брюсу, одному изъ ученѣйшихъ и умнѣйшихъ сподвижниковъ Петра. Получивъ блистательное образованіе, Татищевъ попалъ къ человѣку, который не только могъ давать ему дружескіе совѣты и доставлять всѣ средства пользоваться знаменитой библіотекой, но и направить его къ ученой дѣятельности *. Такъ и сдѣлалось. Татищевъ усердно исполняя разныя важныя порученія правительства, находилъ время предаваться наукамъ; случайно наткнувшись, такъ сказать, на отечественную исторію, онъ занялся ею со всею пламенностью юноши, не щадилъ силъ и средствъ, и съ 1719

* Онъ также былъ обласканъ и Теофаномъ Прокоповичемъ: пользовался его совѣтами, изысканіями и историческими трудами.

—1750 годъ оказалъ ей великія услуги, не смотря на всѣ затрудненія, которыя безпрестанно встрѣчались ему на пути. Плодами историческихъ изысканій его были слѣдующія сочиненія:

1. *Исторія российская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная.* Шлёцеръ свидѣтельствуеъ, что онъ надъ нею трудился только двадцать лѣтъ, то есть съ 1719 до 1739 года. Но заключеніе это не совсѣмъ справедливо; что же дѣлалъ Татищевъ съ 39—50 годъ. Тутъ то именно онъ болѣе всего занимался своею исторіею, во-первыхъ, по тому, что съ 1741 года онъ былъ назначенъ въ Астрахань на мѣсто гораздо покойнѣйшее всѣхъ прежнихъ и пересматривалъ тамошній архивъ; во-вторыхъ, будучи уволенъ въ 1745 году совершенно отъ государственной службы, Татищевъ все время послѣднихъ пяти лѣтъ передъ смертію жилъ вдали отъ свѣта, въ своей подмосковной деревнѣ, вѣроятно пересматривалъ и исправлялъ все сдѣланное прежде, и приготавливалъ свое сочиненіе къ печати. Поводомъ къ сочиненію русской исторіи было намѣреніе графа Брюса, составить полную и вѣрную русскую географію, въ чемъ сперва помогалъ ему и Татищевъ; съ 1719 года Брюсъ поручилъ ему одному все это дѣло; но онъ, приступивъ къ нему, съ самаго начала замѣтилъ, что безъ полной исторіи предпріятіе это не возможно. Поэтому, онъ сталъ сводить разныя списки нѣсторовой лѣтописи, которыхъ отыскалъ нѣсколько, въ особенности въ Сибири; для объясненія оныхъ, дѣлалъ самъ выписки изъ нѣмецкихъ и польскихъ историческихъ книгъ, а изъ латинскихъ, французскихъ и проч. заставлялъ другихъ переводить разныя извѣстія, относящіяся къ русской исторіи. Для этого онъ собралъ болѣе 1000 разныхъ сочиненій, и въ числѣ ихъ много

древнихъ русскихъ лѣтописей. Въ предисловіи къ своей исторіи онъ говоритъ что при сочиненіи ея пользовался лѣтописями: *Несторовой*, изъ собственной библіотеки Петра I, *Московскою* о построеніи и разореніи Москвы, *Новгородскою*, *Псковскою*, *Сибирскою* (Станкевича), *Астраханскою*, *Нижегородскою* и *Муромскою*, которую Петръ Великій бралъ у него для прочтенія отправляясь въ 1722 году въ персидскій походъ. Изъ нихъ, какъ самъ онъ говоритъ, ни одной кромѣ *Никоновой* не было менее 250 лѣтъ *; сверхъ того, онъ списалъ множество грамотъ относящихся къ отечественной исторіи, въ архивахъ казанскомъ, сибирскомъ (?) и астраханскомъ. Самъ же онъ о поводѣ къ сочиненію русской исторіи выражается слѣдующимъ образомъ: «Причина начатія сего моего труда хотя отъ графа Брюса, какъ ниже показано: но въ продолженіи такъ многому снисканію и произведенію главнѣйшее было желаніе, воздать должное благодареніе вѣчной славы и памяти достойному государю его императорскому величеству Петру Великому за его высокую ко мнѣ показанную милость, яко же къ славы и чести моего любезнаго отечества». (Т. I стр. XVI). Въ 1-мъ томѣ своего творенія онъ помѣстилъ общія сводныя выписки изъ древнихъ и новыхъ писателей—западныхъ и сѣверныхъ. Выписки эти, по сличеніи ихъ съ русскими извѣстіями, раздѣлены на 49 главъ, а сводъ русскихъ лѣтописей составилъ прочіе 4-е тома. Татищевъ имѣлъ намѣреніе довести свою исторію не далѣе какъ до 1613 года, т. е. до восшествія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича **, однако жъ онъ

* XV столѣтія, сверхъ того онъ пользовался всѣми историческими произведеніями нашей литературы конца XVI и всего XVII столѣтія.

О дальнѣйшемъ же продолженіи онъ говоритъ: «а за тѣмъ яко

не успѣлъ исполнить и того, что предполагалъ; неизвѣстно на какой именно epochѣ онъ остановился, ибо подлинная рукопись его потеряна. Сынъ его Евграфъ Васильевичъ Татищевъ подарилъ московскому университету списокъ ея, и то весьма неисправный. Миллеру поручено было по возможности исправить его и издать. Но не смотря на то, въ изданіи этомъ все еще осталось много неисправностей, въ особенностяхъ въ примѣчаніяхъ, при ссылкахъ на писателей. Притомъ, Миллеръ выключилъ много примѣчаній Татищева, по причинѣ излишней *вольности* его сужденій, какъ говорили современники. Интересно было бы знать что это за *вольныя сужденія* въ изложеніи исторіи русской до начала XVII вѣка?.. Не показались ли въ то время вольностями критическіе взгляды Татищева на русскую старину! Первая часть первой книги издана въ 1769 году; вторая книга въ 1773, третья въ 1774 г., всѣ въ 4 д. листа; но четвертой книги, какъ самой неисправной и не снабженной примѣчаніями автора, Миллеръ не согласился и издавать. Нѣкоторые даже сомнѣваются, чтобы она была сочинена Татищевымъ, или по-крайней-мѣрѣ она имъ не исправлена. Однако жъ по повелѣнію императрицы Екатерины II, она издана въ С.-Петербургѣ 1784 года, безъ всякихъ поправокъ. Она оканчивается 1462 годомъ. Слѣдовательно, для вы-

(послѣ 1613 г.) болѣе извѣстій сохраненныхъ остается, и не только многотрудное продолженіе, всякому къ сочиненію удобное, а наипаче что въ настоящей исторіи явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые естьли писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оныя, погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстію не согласно, того ради оное оставляю инымъ для сочиненія» Т. I. XXII).

полненія всего плана, не достаетъ еще одной книги. Шлёцеръ говоритъ, что Татищевъ въ старости самъ спѣшилъ напечатать свою исторію, но не могъ исполнить своего желанія, ибо, по вольному своему образу мыслей, навлекъ на себя подозрѣніе не только въ духовномъ, но и въ политическомъ вольнодумствѣ; а потому возымѣлъ было намѣреніе отослать свое сочиненіе въ «лондонское ученое общество». Какъ бы то ни было, исторія его не можетъ не почитаться лучшимъ сводомъ нашихъ лѣтописей; при всѣхъ ея несовершенствахъ, при всѣхъ ошибкахъ, мнѣніяхъ, самъ строгій Шлёцеръ признавалъ ее трудомъ полезнымъ. Онъ подтвердилъ многія его изслѣдованія, не одобрилъ только статьи о Скиѣахъ, Сарматахъ и Иоакимовой лѣтописи. Въ наше время сюда можно также отнести и заключеніе Татищева *О Бѣлоруссіи, Тмутаракани и нѣкоторыя другія*. Очень жаль, что многочисленное собраніе лѣтописей и разныхъ записокъ, служившихъ Татищеву источниками его исторіи, сдѣлалось жертвою пожара, случившагося вскорѣ послѣ смерти автора, въ селѣ его Грибановѣ, гдѣ погибъ и самый подлинникъ его исторіи.

2. *Лексиконъ російскій историческій, географическій, политическій и гражданскій*, котораго три части напечатаны въ С.-Петербургѣ 1793 года. Онъ доведенъ только до буквы Л. и Татищевъ самъ признается, въ предъизвѣщеніи къ своей исторіи, и въ объясненномъ имъ Судебникѣ, * что лексикона сочинено имъ около половины, а къ окончанію онаго болѣзни и препятственныя обстоятельства надежду отъемлютъ. Въ сочиненіи этомъ онъ изъяснилъ множество русскихъ древностей.

* Статья 131.

3. О *россійскомъ государственномъ гербѣ*. Объ этомъ трудѣ авторъ упоминаетъ въ 1-мъ томѣ своей исторіи на стр. 547, но онъ для насъ потерянъ. — Сверхъ того Татищевъ изъяснилъ:

1. *Русскую Правду*, напечатанную съ его примѣчаніями въ первой части *Древней Россійской Вивліюэки* въ С.-Петербургѣ, 1786 года.

2. *Судебникъ* царя *Іоанна Васильевича* съ дополнительными къ нему указами, изданный по списку его въ первый разъ 1768, во второй 1786 года, въ Москвѣ, и въ третій разъ въ *Продолженіи Древней Россійской Вивліюэки* часть I. въ С.-Петербургѣ, 1786 года.

Мы огрѣянулись только указаніемъ на тѣ произведенія Татищева, которыя прямо относятся къ русской исторіи, оставляя въ сторонѣ всѣ прочія, въ особенности географическія. Теперь, да позволено намъ будетъ сказать нѣсколько словъ въ заключеніе, тѣмъ болѣе что въ новѣйшее время нашли на Руси люди, осыпающіе укоризнами этого почтеннаго мужа, не смотря на характеръ вѣка, въ которомъ онъ жилъ.

Судя по справедливости, первое мѣсто въ русской исторической дѣятельности заслуживаетъ Татищевъ. Онъ первый принесъ въ жертву просвѣщенію своего отечества 30 лѣтъ неуспѣшныхъ трудовъ. Никогда и никто изъ Русскихъ не имѣлъ подъ рукою и не сличалъ такого множества лѣтописей; онъ старался исправлять одніе другими и вообще не уклонялся отъ изысканій, почти безпрестанныхъ. Труды Татищева достойны вѣчной похвалы, во-первыхъ, какъ свидѣтельство патріотической ревности, которая заставляла его не щадить никакихъ издержекъ; во-вторыхъ, потому, что онъ пер-

вый проложилъ путь къ новой обработкѣ грубыхъ матеріаловъ нашей исторіи. Только одинъ основательный и твердый умъ, одно непоколебимое терпѣніе могли преодолѣть тяжкую работу, надъ которой такъ легко притупляется воображеніе, отъ которой такъ скоро никнетъ сила умственныхъ способностей. Надобно быть создану для подобныхъ ученыхъ трудовъ, надобно рѣшительно отказаться отъ свѣта, заключиться въ стѣнахъ библіотеки, глотать пыль миліона листовъ, дѣлать выписки изъ тысячи авторовъ, и предлинныя ссылки, разбирать старинныя связныя буквы, просиживать ночи надъ гнилыми фоліантами, совѣтоваться съ антиками, разбирать надписи; словомъ подвергнуть себя мученическому искусу комментатора, библіографа, антикварія: и все это для одного вдохновляющаго *можетъ быть?*» Татищевъ отгадалъ слово; и заслужилъ благодарность потомства; но если бы онъ не былъ еще отвлеченъ многими государственными дѣлами, если бы еще не постигла его участь людей талантливыхъ, часто обязанныхъ раздѣлять свое время между дѣятельностями гражданина и писателя: нѣтъ сомнѣнія, что онъ окончилъ бы подвигъ свой еще удовлетворительнѣе. По словамъ Эмина»—исторія его есть не что иное какъ списокъ съ Нестора; съ тою разницею что въ немъ нѣсколько изъ онаго потребныхъ свѣдѣній пропущено. Онъ собравъ до тысячи книгъ, говоритъ Эминъ, такъ въ несогласіи оныхъ запутался, что въ своемъ предисловіи пишетъ вещи со вѣстмъ съ правдою несогласныя, часто тѣми, на которыхъ ссылается, опровергаетъ свое мнѣніе, а изъясняя иныхъ (мнѣнія) не рѣдко оныя затмѣваетъ.» — Замѣтимъ лучше, что главный недостатокъ этого историка состоялъ въ незнаніи языковъ; переводчики, на ко-

торыхъ онъ постоянно жалуется, имѣли въ виду одну личную выгоду, не заботились объ отдѣлкѣ своихъ переводовъ и надѣлали множество ошибокъ въ собственныхъ именахъ и даже въ цѣлыхъ фактахъ. Этимъ же объясняется справедливое замѣчаніе Миллера относительно невѣрности ссылокъ на разныхъ авторовъ, въ которыхъ часто на самомъ дѣлѣ заключается совсѣмъ не то, что приводитъ Татищевъ. Какъ бы то ни было, однако жъ его извлеченія изъ *Геродота*, *Страбона*, *Птоломея*, *Константина Порфиророднаго* обнаруживаютъ эрудицію рѣдкую въ тотъ вѣкъ, просто лукавомудріе! Слогъ его славяно-русскій, по тогдашнимъ понятіямъ важный, теперь весьма обвѣтшальный. Система его исторіи слѣдующая: онъ раздѣлилъ ее на 4 періода; въ первомъ описываетъ древнія славянскія племена по 860 годъ; во второмъ царствованіе русскихъ князей до нашествія Татаръ, въ 1258; въ 3-мъ состояніе Руси подъ игомъ Татаръ, до низверженія его Іоанномъ Великимъ, послѣдовавшаго въ 1462 году; въ четвертомъ возстановленіе самостоятельности московскаго государства до возведенія на престолъ царя Михаила Феодоровича т. е. до 1613 года.—О достоинствѣ прочихъ трудовъ Татищева можно сказать, что они носятъ тотъ-же отпечатокъ времени, какъ и его исторія. Историческіе труды Татищева начали появляться въ свѣтъ спустя почти 20 лѣтъ послѣ его смерти, такъ что они нѣсколько устарѣли прежде своего появленія, ибо въ царствованіе императрицы Екатерины II-й появилось вдругъ нѣсколько новыхъ обработывателей отечественной исторіи; при томъ, сочиненія Байера были уже переведены на отечественный языкъ, и Татищевъ долженъ былъ подвергнуться сравненію съ этимъ авторитетомъ. Перевѣсъ остался на сторонѣ Байера, какъ ученаго

европейскаго: въ трудъ его нашли болѣе стройности и эрудиціи, между тѣмъ какъ недостатки Татищева были преувеличены и выставлены критикой по мимо достоинствъ. Не смотря на все это Татищевъ имѣлъ послѣдователя, — то былъ Болтинъ одинъ изъ умнѣйшихъ историковъ въ-ка Екатерины. Чтобы дать яснѣйшее понятіе о томъ — какое дѣйствіе произвѣла исторія Татищева на современниковъ приведемъ собственныя его слова. «Какъ скоро я, говоритъ онъ, исторію въ порядокъ привелъ, и примѣчаніями нѣкоторыя мѣста изъяснилъ, прибывъ въ 1739 году въ С.-Петербургъ многимъ оную показывалъ, требуя къ тому помощи и разсужденія, дабы могъ что пополнить, а не внятное изъяснить, такъ скоро я принужденъ былъ отъ разныхъ разныя разсужденія слышать, иному то, другому другое не правно было, что одинъ хотѣлъ, дабы пространнѣе и яснѣе написать, то самое другой совѣтовалъ сократить или совсѣмъ оставить; да не довольно было того, явились нѣкоторые съ тяжкимъ порицаніемъ, яко бы я въ оной православную вѣру и законъ (какъ тѣ безумцы произнесли) опровергалъ, что я услыша немедленно все то бывшему тогда новгородскому архіепископу Амвросію свезъ и просилъ о прочтаніи и поправленіи, которой державъ болѣе мѣсяца, мнѣ возвратилъ съ тѣмъ разсужденіемъ, что хотя онъ ничего истинно противнаго не находитъ, однако-жъ нѣкоторые съ церковными исторіями положенными въ Прологахъ и Четвѣхъ-Минейхъ не согласны, и для того бы я, хотя-бы оныя стропотны для простаго народа не весьма порочилъ, но тѣ разсужденія сократилъ, а именно: о апостолѣ Андрѣ, о владимірскомъ образѣ Пресвятыя Богородицы, о дѣлахъ и судѣ Константина митрополита, о монастыряхъ

и училищахъ, о новгородскомъ чудѣ отъ образа Богородицы Знаменія, по которому я переправя пакки ему сообщилъ, и онъ еще нѣчто поправа, возвратилъ, и такъ оныя здѣсь внесены: однако-жъ тѣмъ злостные не удержали языкъ ихъ отъ порицанія, одни предвергали недостатокъ во мнѣ наукъ, но тѣмъ я вышеобъявленное (что преславные философы въ сочиненіи исторіи погрѣшаютъ, и не науки полезныя сочиняютъ) къ моему извиненію представилъ разсуждая, когда они болѣе науками преисполнены, то бѣ сами за сіе весьма нужное отечеству взялись и лучше сочинили; другіе о порядкѣ и складѣ порицали, которымъ кратко симъ изъяснилъ: что я не новое и не для увеселенія читающихъ краснорѣчивое сложеніе сочиняю, но отъ старыхъ писателей самымъ ихъ порядкомъ и нарѣчіемъ собиралъ: какъ они положили, а притомъ естли что для изъясненія отъ иноязычныхъ нужно было, то я такъ переводилъ, чтобъ сущій разумъ онаго писателя показать, дабы сущія дѣянія или приключенія ясны и доказательны были, а о сладкорѣчии и критикъ не прилѣжалъ, и какъ въ философіи не ученъ, для того я всѣ дивныя чудесныя и не довольно вѣроятныя дѣла мало, или весьма не толковалъ, опасаясь дабы недостаткомъ оныхъ наукъ въ чемъ не погрѣшить, вмѣсто же того прилѣжалъ, чтобъ необходимо къ гражданской исторіи нужныя обстоятельства то есть время когда, мѣсто гдѣ, и родъ государей или народовъ, о которыхъ сказуется, изъяснилъ, ежели же гдѣ моего мнѣнія или довода какая погрѣшность явится, то надѣюсь, что благоразсудный можетъ легко презреть, разсуждая, что еще до днесь ни одна исторія, какимъ бы она мудрецомъ и въ наукахъ всѣхъ прославившимся сочинена ни была, никогда совершенною не явилась, и отъ не ученыхъ

иногда полезное учинила». (Т. I. стр. XIII, XIV и XV.)

Всѣ эти выписки характеризуютъ какъ Татищева такъ и его трудъ лучше самаго подробнаго разбора его сочиненій. Много еще можно бы сказать о Татищевѣ, но объемъ статьи нашей не позволяетъ этого. Ограничимся наконецъ только слѣдующимъ. Татищевъ, какъ государственный сановникъ есть лице историческое, онъ составляетъ эпоху въ исторіи горнаго дѣла въ Россіи, и судя по всѣмъ важнымъ порученіямъ, которыя давало ему правительство, равно какъ и по дѣйствіямъ служебнымъ, онъ былъ человекъ чрезвычайно основательный и правдивый. Мы ни какъ не вправѣ допускать въ немъ ни малѣйшаго шарлатанства, которое можетъ идти къ славѣ путемъ вымысла и обмана. Если же въ исторіи его и встрѣчаются многія сомнительныя мѣста, то онъ изложенъ по крайнему его разумѣнію — *ex bona fide*.

Въ это же время историческіе труды академика Байера были поводомъ къ тому, что знаменитый современный пиита, *Василій Кирилловичъ Тредьяковский*, обладая всеобъемлющимъ умомъ, не довольствовался служеніемъ осьми музамъ и обратился къ девятой — къ Клію. Онъ принесть ей обильную дань; собственно по нашему предмету онъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Три сужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ російскихъ*, а именно: 1-е. *О первенствѣ словянскаго языка предъ тевтоническимъ*. 2-е. *О первоначаліи Россовъ*. 3-е. *О Варягахъ—Руссахъ славянскаго званія, рода и языка*. Произведеніе это напечатано по смерти автора въ одной книгѣ, 1773 года въ С. петербургѣ in 8. Оно обнаруживаетъ въ сочинителѣ обширныя историческія свѣдѣнія, но вмѣстѣ и причудливую до-

гадливость. Въ нихъ кромѣ филологическихъ доказательствъ (которыя въ наше время принимаются историческою критикою весьма осторожно) много и такихъ, которыми и теперь еще могутъ воспользоваться историки, выводящіе Варяговъ отъ Славянъ. Славяноманы должны признать основателемъ своей школы Василя Кирилловича Тредьяковскаго, профессора элоквенціи и унтеръ-библіотекаера. Но судя по времени, въ которомъ Тредьяковскій писалъ свое разсужденіе, можно сказать, что оно отличается смѣлостью и новостью воззрѣнія на предметъ; современники не встрѣчали этого ни у Байера, ни у Татищева, ни у Миллера. Сочиненіе это писано единственно въ опроверженіе Байеровыхъ мнѣній о Варяго-Руссахъ. Тредьяковскій, выслушавъ курсъ историческихъ наукъ въ парижскомъ университетѣ у Роллена, могъ уже имѣть нѣкоторое понятіе объ условіяхъ исторіи какъ науки, и нѣтъ никакого сомнѣнія что, обратившись исключительно къ русской исторіи, онъ оказалъ бы отечеству гораздо больше услугъ, чѣмъ оказалъ ихъ русскому парнасу. Говорить о слогѣ этого произведенія мы считаемъ совершенно излишнимъ, въ наше время Тредьяковскій изученъ чуть-ли не лучше всѣхъ прочихъ писателей XVIII столѣтія.

Послѣ Тредьяковскаго, на поприщѣ отечественной исторіи появляется Ломоносовъ. Изъ сочиненій его сюда относятся *Краткой лѣтописецъ*, и первый томъ *Древней російской исторіи*. Чтобы произнести правильный приговоръ объ этихъ произведеніяхъ, надо вспомнить, что Ломоносовъ имѣлъ гениальное призваніе собственно къ обработкѣ естественныхъ наукъ; остальными же предметами занимался онъ, или по порученію правительства, которое не имѣло въ то время для исполненія

своихъ назначеній достаточнаго числа людей спеціальныхъ, или по собственному сознанію необходимости заложить зданіе русской науки во всѣхъ направленіяхъ. Что же касается трудовъ его по части русской исторіи, то будучи вызваны соперничествомъ съ Миллеромъ они и не могутъ выдержать исторической критики. *Краткій російскій лѣтописецъ съ родословіемъ* вмѣщаетъ въ себѣ то, что можно было помѣстить на пятидесяти страницахъ: хронологическій перечень нашихъ царей, краткую выписку ихъ дѣяній и ихъ родословіе. *Древняя же російская исторія отъ начала російскаго народа до кончины великаго князя Ярослава I, то есть до 1054 года, въ одномъ томѣ, написана слогомъ его похвальныхъ словъ; во многихъ мѣстахъ видно, что авторъ хотѣлъ подражать Титу Ливію и Тациту; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, краснорѣчивыми и сильными выраженіями онъ достигъ своей цѣли, но эти два три мѣста не покрываютъ собою остальныхъ. Прибавимъ ко всему этому, что Ломоносовъ началъ писать ее подъ старость, не смотря на слабое здоровье, на разсѣянности человека любимаго при дворѣ, взысканнаго вельможами; притомъ онъ не обладалъ знаніемъ необходимыхъ языковъ, польскаго, скандинавскаго, и не имѣлъ подъ рукою лѣтописей, которыя долгое время были погребены въ библіотекахъ и архивахъ, дожидаясь Миллеровъ и Шлёцеровъ. Взявъ въ разсмотрѣніе всѣ эти обстоятельства, не удивимся не значительности заслугъ Ломоносова на поприщѣ русской исторіи.*

Иванъ Семеновичъ Барковъ, переводчикъ при Академіи Наукъ, извѣстный своими стихотвореніями, писанными въ пиროновскомъ духѣ, еще будучи студентомъ, на вопросъ Сумарокова: «кто лучший стихотворецъ въ Россіи?» имѣлъ смѣлость отвѣчать: «первый Ломоносовъ, а второй я»! Однако жъ, если не въ поэзіи, то

покрайней-мѣрѣ въ отечественной исторіи мы дадимъ ему второе мѣсто послѣ Ломоносова, единственно для удовлетворенія живѣйшаго желанія Баркова, не дававшего ему покоя въ продолженіе всей его жизни. Странно, вотъ уже третій поэтъ вѣка Елисаветы берется за историческое перо. Конечно главною причиною того былъ примѣръ Тредьяковскаго; Барковъ, хотѣлъ превзойти и его и Ломоносова, и составилъ *Сокращеніе изъ російской исторіи отъ Рюрика до Петра Великаго*. Сочиненіе это не издано, да еще кромѣ того, неблагодарные современники говорили будто оно и не заслуживаетъ изданія, что Барковъ де весьма плохой знатокъ исторіи, ибо онъ совершенно испортилъ порученное ему Академіею первое изданіе лѣтописи Нестора. Не смотря на все это добрая Клію вѣроятно уже давно его простила, разчувствовавшись универсальною исторіею Гольберга, которую Барковъ перевелъ съ латинскаго языка.

Наконецъ, и любимый поэтъ вѣка Елисаветы и Екатерины II, Александръ Петровичъ Сумароковъ, не хотѣлъ отставать отъ моды и также занимался русскою исторіею. Къ сочиненіямъ его по этой части принадлежатъ:

1. *Краткій московскій лѣтописецъ*. 2. *Описаніе двухъ первыхъ стрѣлецкихъ бунтовъ*, не оконченное. 3. *Приступъ къ исторіи Петра Великаго*, тоже не оконченный. Не говоримъ о нѣкоторыхъ его рѣчахъ чисто историческаго содержанія. Сумароковъ зналъ превосходно французскій языкъ, вѣроятно читалъ и лучшія тогдашнія историческія произведенія Франціи, былъ въ дружбѣ съ Миллеромъ, пользовался отъ него многими историческими сочиненіями; но всѣ эти знанія не подвинули отечественной исторіи. А между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что она постоянно занимала его мысли, какъ видно изъ его трагедій, коихъ пред-

меты заимствованы изъ области русской исторіи, напр. Синавъ и Труворъ, Ярополкъ и Демиза, Выше-славъ, Димитрій Самозванецъ, Меншиковъ и т. д.

3. Сочинители записокъ.

Фельдмаршалъ Минихъ велъ современныя записки, которыя были имъ изданы 1774 года, въ Копенгагенѣ, подъ заглавіемъ: *Ebauche pour donner une idée de la sorte du gouvernement de l'empire de Russie*. Записки эти нынѣ чрезвычайно рѣдки. Мы не станемъ говорить о степени интереса, возбуждаемаго замѣчаніями человека столь важнаго въ нашей исторіи, какъ Минихъ, дѣйствующее лицо въ важнѣйшихъ событіяхъ своего времени, вельможа, полководецъ, изгнанникъ, низвергнувшій Бирона, современникъ Петра Великаго и Екатерины II. Въ наше время записки Миниха были переведены на русскій языкъ и напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» на 1842 годъ № 1, подъ заглавіемъ «Записки о Россіи, фельдмаршала Миниха».

Графъ Эрнстъ Минихъ, сынъ фельдмаршала, бывшій при дворѣ императрицы Анны Іоанновны и въ правленіе принцессы Анны Леопольдовны оберъ-гофмейстеромъ, * пріобрѣлъ уваженіе и любовь всѣхъ знакомыхъ и сослуживцевъ своихъ. Манштейнъ и Бюшингъ отдають справедливость его уму, благородству и праводушію. При перемѣнѣ правленія въ 1741 году, когда отецъ его, лишенный всѣхъ чиновъ и достоинствъ сосланъ былъ въ Сибирь, графъ Эрнстъ Минихъ, потерявъ должность свою, получилъ приказаніе жить въ Вологдѣ. По кончинѣ императрицы Елисаветы.

* Притомъ онъ былъ употребляемъ въ разныхъ дипломатическихъ дѣлахъ и пользовался особенною милостію императрицы Анны Іоанновны.

Петровны онъ получилъ обратно чины и отличія. Во время заточенія (1758 г.) написалъ онъ для дѣтей своихъ: «Записки о частной и публичной своей жизни». Списки съ нихъ долгое время ходили по рукамъ; но, наконецъ въ 1817 году, они были изданы въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, писанныя имъ для дѣтей своихъ*. Спб. in 8°. Онѣ отличаются ясностію, подробностію и истиною, и напечатаны безъ малѣйшей перемѣны. Слогъ ихъ носитъ отпечатокъ своего времени, но простъ, ясенъ и дышетъ истиною. Особенно въ нихъ важно и занимательно описаніе характера, образа мыслей и жизни императрицы Анны Іоанновны.

Василій Александровичъ Нащокинъ, дослужившійся въ продолженіе четырехъ царствованій до генералъ-лейтенантскаго чина, оставилъ записки подъ заглавіемъ: *Записки Василья Александрова сына Нащокина, что могъ видѣть отъ времени памяти своей о рожденіи, по достовѣрной запискѣ руки, отца своего Александра Ѳедоровича, и какіе случаи достопамятные, въ которыхъ годъхъ что происходило, явствуетъ въ нижеписанномъ журналѣ, что увѣряю сей журналъ подпискою руки моею по листамъ въ книгѣ сей*. Вся жизнь политическая Нащокина видна изъ его записокъ. Онъ былъ въ тѣсной связи съ кн. Я. П. Шаховскимъ, который называя его надежнымъ своимъ другомъ, прибавляетъ, что онъ былъ не робкаго духа. Записки эти чрезвычайно любопытны, отличаются простымъ слогомъ, и вмѣстѣ справедливостію, вѣрными очерками характеровъ разныхъ знаменитыхъ лицъ, современниковъ Нащокина.

Начало записокъ Нащокина въ первый разъ было напечатано Свиньиннымъ въ издаваемыхъ имъ «Отече-

ственныхъ запискахъ» *, но къ сожалѣнію, съ рукописи напечатанной грубыми описками. Самое полное и исправное ихъ изданіе сдѣлано г. Языковымъ въ 1842 г. Издатель пользовался двумя списками, однимъ доставленнымъ ему Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ и вторымъ черновымъ, писаннымъ самимъ авторомъ.

Князь Яковъ Петровичъ Шаховской, дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, мужъ извѣстный своею правдивостію, пожертвовавшій 46 лѣтъ своей жизни въ пользу отечества. Онъ былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ, и рычагомъ важнѣйшихъ въ исторіи нашей происшествій съ царствованія Анны Іоанновны до восшествія на престолъ императрицы Екатерины II. Князь Шаховской оставилъ намъ записки, въ которыхъ описываетъ свою современность съ тою строгою и неизмѣняемою справедливостію, которая всегда была главнымъ правиломъ его жизни. Сочиненіе его объясняетъ много такихъ дѣяній, которыя безъ него остались бы неизвѣстны.

Сверхъ того оно преисполнено морали. Изъ поступковъ автора видно, съ какою вѣрностію и исправностію исполнялъ онъ возлагаемыя на него порученія, имѣя постоянно въ виду долгъ службы, съ какимъ благоразуміемъ и осторожностію поступалъ въ случаяхъ, требующихъ тонкаго и скорого соображенія, съ какою непоколебимою твердостію противостоялъ искушеніямъ соблазна, навѣтамъ клеветы и нападеніямъ злобы, съ какимъ терпѣніемъ переносилъ гоненія сильныхъ, съ какимъ наконецъ не утомимымъ усердіемъ всегда и вездѣ радѣлъ о пользѣ общественной. Записки его въ первый разъ были изданы въ М. 1810 г. въ двухъ частяхъ; потомъ въ Спб. 1821 года in 8° съ портретомъ автора.

* Ч. XVI, 76—104.

Въ царствованіи императрицы Елисаветы Петровны появилось еще два историческихъ сочиненія:

1. *Описаніе восшествія въ Москву и коронованія императрицы Елисаветы Петровны, съ гравированными изображеніями.* Спб. 1742 г.

2. *Журналъ о военныхъ дѣйствіяхъ российской императорской арміи, съ начатія и до окончанія прусской войны, съ 1757 по 1759 годъ.* Спб. 1764 г. въ 3 частяхъ.

Этимъ и оканчивается историческая дѣятельность вѣка Елисаветы. Теперь, если спросить какой былъ результатъ всѣхъ этихъ изысканій и сочиненій, мы по чистой совѣсти должны будемъ сказать, что всѣ историческіе труды, начиная съ царствованія Петра Великаго до Екатерины II, не произвели того благотворнаго вліянія на разработку грубыхъ матеріаловъ отечественной исторіи, какого бы слѣдовало ожидать. Слѣдующее поколѣніе историковъ, — историковъ вѣка Екатерины, нашло во всемъ до него сдѣланномъ, хаосъ и принуждено было снова приняться за прежнее дѣло.

С. вѣкъ екатерины II-й.

Русская исторія обязана своимъ существованіемъ Екатеринѣ: отъ Іоанна Грознаго до ея времени лѣтописи наши почитались какъ бы государственною тайною; не смѣли ихъ печатать, не смѣли даже писать о нихъ. До половины XVIII вѣка Синописисъ Гизеля служилъ единственною учебною книгою по сей части. Екатерина съ самаго прибытія своего въ Россію, съ особеннымъ удовольствіемъ занималась нашею исторіею, и по вступленіи на престолъ каждый день удѣляла сему занятію нѣсколько часовъ. При ней изданы многія лѣтописи и другія пособія русской исторіи (какъ-то: Степенныя Книги,

творенія Татищева, Записки византійскія и т. д.) подъ руководствомъ Миллера, Шлёцера, Башилова и Штриттера. Князь Щербатовъ, изъявившій желаніе написать полную исторію отечества, получилъ всѣ нужныя для того пособія. Болтинъ, подъ покровительствомъ самой государыни, писалъ свои замѣчанія на Леклерка и Щербатова. Новиковъ издалъ Древнюю Россійскую Вивліюеику. Голиковъ напечаталъ Дѣянія Петра Великаго. Сама государыня писала *Записки касательно русской исторіи*, дѣлала замѣчанія на исторію, сочиненную Штриттеромъ, выписывала въ Россію знаменитѣйшихъ западныхъ ученыхъ для сочиненія русской исторіи, давала имъ наставленія, на что въ-особенности они должны обращать вниманіе при этомъ сочиненіи и т. д. Такимъ образомъ готовились матеріалы нашей исторіи, но XIX вѣку предоставлена была критическая ея отдѣлка. Чтобы составить себѣ настоящее понятіе объ исторической дѣятельности въ царствованіе императрицы Екатерины мы рассмотримъ труды каждого лица, ознаменовавшагося на этомъ поприщѣ, и укажемъ на характеристическія ихъ черты.

Всѣ почти историки этого времени (за исключеніемъ двухъ, трехъ) были ровестники, родились въ 1733 г., и при основаніи московскаго университета имѣли за двадцать лѣтъ, слѣдовательно они не могли еще получить университетскаго образованія. Это было главнымъ ихъ недостаткомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ причиною того, что академическое обработываніе русской исторіи не гармонировало съ обработкою туземцевъ. Эта дисгармонія уничтожилась въ царствованіе Александра дѣятельностію Карамзина, который не только сравнился съ академиками, но даже и опередилъ ихъ. Самая живая историческая дѣятельность является около 1770 года.

Въ этомъ періодъ времени мы раздѣлимъ обработку исторіи на народную и академическую. Начнемъ съ первой.

В. Народное обрабатываніе исторіи.

а) Духовенствомъ.

Въ царствованіе Екатерины II, духовенство по прежнему жертвовало своими досугами въ пользу отечественной исторіи. Историческія занятія какъ будто гармонируютъ съ мирною уединенною монашескою жизнію; однако жъ обрабатываніе исторіи въ монастыряхъ никогда не выходило за предѣлы компиляціи чуждой живости и критики. Всѣ духовныя лица, занимавшіяся въ эту эпоху русскою исторіею, не носили на себѣ печати строгаго аскетизма, нѣкоторыя изъ нихъ даже обязаны были по своему сану и обстоятельствамъ раздѣлять понятія современнаго общества. Для большей послѣдовательности начнемъ съ *Георгія Конискаго* архіепископа бѣлорусскаго, одного изъ умнѣйшихъ духовныхъ западной Руси, одного изъ самыхъ достопамятныхъ мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его принадлежитъ исторіи. Высоко было призваніе Конискаго, онъ долженъ былъ утѣшать горькую участь своихъ соотечественниковъ, страдавшихъ нѣсколько вѣковъ, за вѣру своихъ отцевъ, долженъ былъ влить въ душу этихъ несчастливцевъ зародышъ надежды, предсказать имъ возрожденіе и возвращеніе ихъ къ прежнему отеческому пепелищу. Конискій постигъ чего отъ него требовали судьба и обстоятельства; чтобы дать своимъ пророческимъ увѣщаніямъ болѣе твердости, чтобы доказать своимъ соотечественникамъ поникшимъ духомъ, что возрожденіе еще возможно, чтобы наконецъ самому знать правоту своего дѣла, онъ рѣшился изучить прошедшую судьбу западной Руси; раскрылъ бѣ-

ковья хартіи прошедшаго, обнаружилъ невинность и гоненіе; тогда братья вступились за обиженныхъ братьевъ, несчастные ободрились, тѣнь Хмѣльницкаго пронеслась по всей западной Руси, и въ то время когда народъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ на свѣтъ, чтобъ избавиться отъ иноплеменнаго ига — дѣла приняли другой оборотъ. Западная Русь безъ всякихъ ужасовъ войны возвратилась подъ прежній отеческій кровъ. Конискій умѣлъ ободрять соотечественниковъ, ходатайствовать за нихъ у короля польскаго, (такъ умно, смѣло и убѣдительно, что самые гонители пораженные его словами проливали слезы состраданія), * и просить императрицу облегчить участь жителей западной Руси **. Вотъ историческая дѣятельность Конискаго. Въ такихъ-то обстоятельствахъ онъ написалъ *Исторію Малороссіи*, — исторію безчеловѣчій и ожесточеній. Это знаменитое твореніе до сихъ поръ ходитъ по рукамъ любителей отечественной исторіи. Многіе наши писатели пользовались имъ при своихъ трудахъ, нѣкоторыя мѣста ея были напечатаны Пушкинымъ въ *Современникѣ* на 1837 годъ. Теперь г. Устряловъ prepares къ изданію это драгоцѣнное для насъ сочиненіе. Издатель Курбскаго достоинъ быть из-

* Только Конискій могъ сказать предъ лицомъ короля и всего сената: «Christiani a christianis premimur, et fideles a fidelibus plusquam infideles divexamur; occluduntur nobis ecclesiae, ubi Christus continuo laudatur: patent autem, et immunes sunt Judeorum synagogae, ubi Christus continuo despuitur: quod placita hominum, aeternam Dei legem interpretari, et terram caelo miscere non audemus; schismatici, haeretici, apostatae audimus; quod conscienciae in os obloqui exhorremus, carceribus, virgis ferro, ignique adjudicamur».

** Георгій предсталъ предъ нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда она короновалась, и вслѣдъ за русскимъ духовенствомъ принесъ ей вмѣстѣ съ поздравленіями тихія сѣтованія народа, издревле намъ роднаго, но отчужденнаго отъ Россіи жребіемъ войны.

дателемъ Конискаго. Конискій написалъ свою исторію съ цѣлію государственною. Въ этомъ трудѣ онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимой въ исторіи. Не говоримъ о нѣкоторыхъ этнографическихъ и филологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ этого сочиненія, которыя перенесъ онъ въ исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности, не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ критики мы разумѣемъ глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, отчетливое изложеніе ихъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ фанатизму и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ, это естественное чувство, часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ болѣе приближается онъ къ своему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его рассказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ боевыхъ схватокъ, и описываетъ битвы съ удивительною точностію и живописностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою*.

Множество мѣстъ въ исторіи Малороссіи суть картины, начертанныя кистью великаго живописца. Чтобы дать нашимъ читателямъ хотя нѣкоторое понятіе объ этомъ сочиненіи, приведемъ одно мѣсто изъ «казни малороссійскаго гетмана Остраницы».

«Зрѣлище оное открывала процессія римская со мно-

* Конискій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго рода, и этимъ не пренебрегалъ.

жествомъ ксендзовъ ихъ, которые уговаривали ведомыхъ на жертву Малороссіянъ, чтобы они приняли законъ ихъ на избавленіе свое въ чистцу; но сіи, ничего имъ не отвѣчая, молились Богу по своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено было народомъ, войскомъ и палачами съ ихъ орудіями. Гетманъ Острица, обозный генеральный Сурмила и полковники Недригайло, Боюнъ и Риндичъ были колесованы и имъ переломали поминутно руки и ноги, тянули съ нихъ по колесу жилы, пока они скончались; полковники Гайдаревскій, Бутримъ, Запалъ и обозные Кизимъ и Сучевскій пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи; есаулы полковые: Постыличъ, Гарунъ, Сутяга, Подобай, Харчевичъ, Чуданъ, Чурай, и сотники: Чуприна, Околовичъ, Сокальскій, Миновичъ и Ворожбитъ прибиты гвоздями стоячіе къ доскамъ, облитымъ смолою, и сожжены медленно огнемъ; хорунжіе: Могилянскій, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлѣй и Загнибѣда разтерзаны желѣзными когтями, похожими на медвѣжью лапу; старшины: Ментяй, Дунаевскій, Скубрѣй, Глянскій, Завезунъ, Косырѣ, Гуртовый, Тумаръ и Тугай четвертованы по частямъ. Жены и дѣти страдальцевъ оныхъ, увидя первоначальную казнь, наполняли воздухъ воплями своими и рыданіемъ, но скоро замолкли:... оставшихся же по матерямъ дѣтей, бродившихъ и ползавшихъ около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду своихъ отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ кои подкидывали уголья и раздували шапками и метлами.

Главные члены человѣческіе, отрубленные у означенныхъ чиновниковъ малороссійскихъ, какъ-то: головы, руки и ноги развезены по всей Малороссіи и развѣшены на сваяхъ по городамъ. Развѣзжавшія при томъ войска польскія, наполнившія всю Малороссію,

дѣлали все то надъ Малороссіянами, что только хотѣли и придумать могли: всѣхъ родовъ безчинства, насилія, грабежи и тиранства, превосходящіе всякое понятіе и описаніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ повторяли произведенныя въ Варшавѣ лютости надъ несчастными Малороссіянами, нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сжигали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родителей, предавая самыхъ отцевъ лютѣйшимъ казнямъ. Наконецъ, ограбивъ всѣ церкви благочестивыя русскія, отдали ихъ въ аренду жидамъ, и утварь церковную, какъ-то: потиры, дискосы, ризы, стихари и всѣ другія вещи распродали и пропили тѣмъ же жидамъ, кои изъ серебра церковнаго подѣлали себѣ посуду и убранство, а ризы и стихари перешили на платья жидовкамъ; а сіи тѣмъ передъ христіанами хвастались, показывая нагрудники, на коихъ видны знаки нашитыхъ крестовъ, ими сорванныхъ. И такимъ образомъ Малороссія доведена была Поляками до послѣдняго разоренія и изнеможенія, и все въ ней подобилось тогда нѣкому хаосу или смѣшенію, грозящему послѣднимъ разрушеніемъ. Никто изъ жителей не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежитъ имѣніе его, семейство и самое бытіе ихъ, и долго-ли оно продлится? Всякой съ потеряніемъ имущества своего искалъ покровительства то у поповъ римскихъ и уніятскихъ, то у жидовъ, ихъ единомышленниковъ, а своихъ непримиримыхъ враговъ, и не могъ придумать за что схватиться.»

Вторымъ важнымъ произведеніемъ Конискаго было сочиненіе подъ заглавіемъ: *Права и вольности жителей польскихъ и литовскихъ, религію греческую-восточную исповѣдующихъ*, собранныя могилевскимъ архіепископомъ Георгіемъ Конискимъ въ Варшавѣ 1767 года, напечатанное на польскомъ языкѣ въ 1768 г. Сколько труда стоило Конискому извлечь изъ хао-

са польскаго законодательства всѣ постановленія правительства, гарантировавшія свободу совѣсти его соотечественниковъ. Собраніе это чрезвычайно важно для исторіи западнаго края, находившагося подъ владычествомъ Польши. Оно почти неизвѣстно. Будетъ время когда эти два труда произведутъ достойнаго историка западной Руси.

Третье его сочиненіе есть: *Историческое извѣстіе, о епархіи могилевской*, напечатанное въ 1775 г. Рубаномъ въ *Любопытномъ петербургскомъ мѣсяцословѣ*.

Вотъ все, что мы могли и должны были сказать о Конискомъ. Какъ историкъ онъ еще не оцѣненъ. Лучшее описаніе его жизни составлено достойнымъ его родственникомъ, извѣстнымъ нашимъ археологомъ протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ, при изданномъ имъ собраніи богословскихъ, политическихъ и литературныхъ сочиненій Георгія Конискаго.

Не даромъ говорилъ Наполеонъ во время бѣгства изъ Россіи въ жидовской бричкѣ, что отъ великаго къ смѣшному одинъ только шагъ. Кто повѣритъ что и великій Конискій историкъ Хмѣльницкаго и защитника западной Руси, имѣлъ непозволительную страсть къ *стихамъ*, и могъ написать не за долго до своей смерти, слѣдующее надгробіе.

Градъ Нѣжинъ колыбель, градъ Кіевъ мой учитель;
А въ тридцать восемь лѣтъ я сдѣлался святитель,
Семнадцать лѣтъ потомъ боролся я съ волками.
И двадцать два провелъ въ покоѣ со овцами,
За претерпѣнные труды и непогоду
Архіепискомъ и членомъ сталъ Синоду.
Георгій имя мнѣ; я изъ Конискихъ дому,
И въ жизни былъ коню подобенъ почтовому.
Сея-то падали закрылъ здѣсь грѣшны кости
Седьмъ сотъ отъ Рождества годъ пятый девяностый.

Александръ Георгіевичъ Левшинъ, протоіерей московскаго успенскаго собора, родной братъ Платона митрополита московскаго, (сконч. 1797 г.,) сочинилъ *Историческое описаніе московскаго успенскаго собора и возобновленія первыхъ трехъ соборовъ*, напечатанное въ первый разъ въ Москвѣ 1783 г., потомъ вторично тамъ же. Въ сочиненіи этомъ много любопытныхъ извѣстій относительно древностей московскихъ соборовъ.

Въ числѣ множества сочиненій по разнымъ предметамъ знаменитаго мужа царствованія императрицы Екатерины II, *Евгенія Булгариса*, славенскаго и херсонскаго архіепископа, ученѣйшаго изъ новѣйшихъ Грековъ, встрѣчаемъ одно его произведеніе, относящееся къ нашей исторіи, это: *Историческое розысканіе (изслѣдованіе) о времени крещенія російской великой княгини Ольги*. Оно сочинено въ 1781 году на латинскомъ языкѣ и вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ издано графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ въ С.-пб. 1792 г. in 4°. Живя въ Петербургѣ Евгеній Булгарисъ былъ знакомъ съ римско-католическимъ митрополитомъ Богушемъ-Сестрженцевичемъ, извѣстнымъ своими изысканіями о древнѣйшихъ временахъ исторіи Славянъ; сей послѣдній зная глубокую эрудицію Булгариса и отличное знаніе его древней и новѣйшей исторіи Греціи, предложилъ ему вопросъ: *Какимъ языкомъ говорили древніе Сарматы?* Булгарисъ въ 1785 году написалъ отвѣтъ на итальянскомъ языкѣ, коего русскій переводъ напечатанъ въ 9-мъ номерѣ «Вѣстника Европы» за 1805 годъ.

До второй половины XVIII столѣтія генеалогія дворянскихъ русскихъ родовъ была почти не тронута. Съ этой же эпохи стали появляться весьма дѣльные ученые труды по этой части. *Ювеналій Воейковъ*, получившій образованіе въ сухопутномъ кадетскомъ

корпусъ, презрѣвъ суету мірскую постригся въ монахи и былъ впослѣдствіи игуменомъ. Онъ питалъ особенную любовь къ генеалогіи и произвелъ слѣдующія сочиненія по этой части:

1) Покольную роспись или родословную благородныхъ дворянъ Воейковыхъ, напечат. въ Моск. въ 1789 году. 2) Историческое родословіе дворянъ Кропотковыхъ и Дуровыхъ, *ibid.* 1792. 3) Поколенную роспись или родословіе князей Вадбольскихъ. *ibid.* 1792. 4) Историческое родословіе дворянъ Чичериныхъ, *ibid.* 1792. 5) Историческое родословіе дворянъ Сабуровыхъ, *ibid.* 1794. 6) Краткое историческое описаніе жизни лейбъ-гвардіи подпоручика Ѳедора Михайловича Булгакова, *ibid.* 1795. 7) Историческое родословіе дворянъ Карабановыхъ, *ibid.* 1795. 8) Преклонскихъ. 9) Макаровыхъ. 10) Лопухиныхъ. 11) Графовъ Шереметевыхъ. 12) Булгаковыхъ. 13) Козаковыхъ. Всѣ онѣ напечатаны порознь. Сверхъ того 14) Описаніе бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ Карломъ Фридрихомъ, герцогомъ гольштейнъ-готторпскимъ, въ лѣто 1725 г. маія совершившагося, *ibid.* 1798 г. 15) Краткое описаніе о происшествіи знаменитаго рода Юрьевыхъ-Романовыхъ и жизни патріарха московскаго Филарета Никитича, *ibid.* 1802. Въ этомъ же году сочинилъ онъ и тамъ же напечаталъ «дополненіе» къ этому описанію. 16) Краткое Историческое описаніе московскаго новоспасскаго монастыря *ibid.* 1802. 17) Описаніе состоящаго въ московскомъ ставропигіальномъ новоспасскомъ монастырѣ храма Знаменія Пресвятыя Богородицы, изданное графомъ Н. П. Шереметевымъ, *ibid.* въ 1802 году.

б) Свѣтскими людьми.

Князь М. М. Щербатовъ первый изъявилъ жела-

ніе написать полную исторію Россіи. Онъ получилъ образованіе въ домѣ родительскомъ, учился разнымъ наукамъ и языкамъ французскому и итальянскому. На тринадцатомъ году вступилъ въ военную службу. Этого очень довольно, чтобы судить, каковы могли быть его познанія. Въ 1767 году онъ былъ выбранъ отъ ярославскаго дворянства депутатомъ для сочиненія проекта новаго Уложенія. Впослѣдствіи занималъ первыя государственныя должности, былъ почетнымъ членомъ разныхъ тогдашнихъ ученыхъ обществъ въ Россіи.—Князь Щербатовъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ чувствовалъ влеченіе къ русской исторіи, и собиралъ разныя книги, къ ней относящіяся. Императрица Екатерина II, узнавъ о его трудахъ, поручила ему въ 1768 году разобрать кабинетный архивъ Петра Великаго, и повелѣла открыть ему входъ во всѣ государственныя библіотеки и архивы. Почерпнувъ изъ сихъ богатыхъ источниковъ нужныя свѣдѣнія, онъ приступилъ къ сочиненію *Россійской Исторіи*. Первый томъ ея, посвященный императрицѣ Екатеринѣ II, вышелъ 1770 г., въ Спб. in 4, а за тѣмъ до 1792 вышли и слѣдующіе, всѣхъ числомъ 15. Но онъ не успѣлъ кончить своего творенія и довелъ его только до царя Михаила Ѳеодоровича. Исторія его составляетъ обширный магазинъ выписокъ изъ различныхъ авторовъ и документовъ, которые вездѣ показаны съ необыкновенною точностью, въ особенности характеризующею трудъ князя Щербатова. Главнымъ основаніемъ его труда служила любовь къ истинѣ и отечеству. Миллеръ съ восторгомъ выражается объ его исторіи: «Какая честь, какая польза для Россіи, что уже является въ свѣтъ и другая достойная исторія княжескаго рода (Миллеръ издавалъ тогда Ядро Хилкова), знатнѣйшія лица принимаютъ

участіе въ просвѣщеніи своихъ согражданъ. Вотъ знакъ истинно вкореняющихся наукъ въ неограниченной имперіи Россійской, когда знатность и ученость другъ другу не противоборствуютъ болѣе». Во многихъ мѣстахъ труда князя Щербатова видно, и остроуміе, и знаніе политики, сколько это было возможно въ его время. Его система примѣчаній заимствована и Карамзинымъ, хотя не въ столь пространномъ объемѣ. Это главнѣйшее достоинство того и другаго. Сочинивъ свою исторію, князь Щербатовъ подарилъ ее Академіи Наукъ, при которой она и издана. Генералъ-майоръ Болтинъ въ примѣчаніяхъ своихъ на Леклеркову исторію, коснулся и погрѣшностей Щербатова. Раздраженный замѣчаніями Болтина, Щербатовъ издалъ въ Москвѣ 1789 г. Письмо къ пріятелю въ оправданіе на нѣкоторыя скрытныя и явныя охуленія, учиненныя его исторіи отъ генералъ-майора Болтина въ примѣчаніяхъ на Леклеркову исторію. Болтинъ немедленно издалъ на это письмо возраженіе, подъ названіемъ: *Отвѣтъ генералъ-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи* (С.п.б. 1789 г.), а Щербатовъ въ свою очередь написалъ *Примѣчанія на этотъ отвѣтъ*, подъ именемъ дворянина, возвратившагося изъ чужихъ краевъ. Эти примѣчанія изданы уже по смерти автора въ Москвѣ 1792 г. Между-тѣмъ, Болтинъ занялся подробнымъ разсмотрѣніемъ творенія князя Щербатова. Эта критика издана по кончинѣ обоихъ, въ С. п. б. 1793 и 1794 годовъ, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: *Критическія примѣчанія генералъ-майора Болтина на два первые тома Россійской Исторіи князя Щербатова*. Со всѣмъ тѣмъ, историческое произведеніе Щербатова было неудовлетворительно, требовало болѣе обработки, большаго искусства въ слогъ, болѣе своего собственнаго, чѣмъ

заимствованнаго изъ иностранныхъ писателей, какъ это довольно подробно встрѣчаемъ въ критическомъ сочиненіи Болтина. Щербатовъ мало руководствовался критикой. Кромѣ *Россійской Исторіи* и порожденныхъ ею полемическихъ сочиненій, онъ написалъ еще: 1) *О старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи*, напечатанное въ Москвѣ 1784 г. и въ Древней Россійской Вивліюнкѣ, гдѣ также помѣщены составленные имъ «Родословныя князей Щербатовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ княжескихъ родовъ». 2) *Краткое историческое повѣствованіе о началѣ родовъ князей руссійскихъ, происходившихъ отъ великаго князя Рюрика*, напечатанное въ Москвѣ 1785 г. Онъ помѣщалъ также множество статей въ разныхъ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ-то въ Академическихъ Вѣдомостяхъ, гдѣ напечаталъ *Опытъ о древнихъ руссійскихъ монетахъ*; въ *Опытъ трудовъ вольнаго руссійскаго собранія*, и проч. Кромѣ того онъ издалъ: 1) *Царственную книгу*, напечатан. Въ С.-пб. 1774 г. 2) *Журналъ или подлинную записку государя императора Петра Великаго, съ 1698 года до заключенія нейштатскаго мира*, напечатан. Въ С.-пб. въ двухъ томахъ, въ 1770 и 1771 г. 3) *Лѣтопись о многихъ мятежахъ въ Россіи*, взятую большею частію изъ сказанія Палицына, напечатан. въ С.-пб. 1771 г. 4) *Царственный лѣтописецъ*, С.-пб. 1772 г. 5) *Краткую повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ*, напечат. въ С.-пб. 1774 г. 6) *Житіе Петра Великаго съ подлинника*, напечатаннаго въ Венеціи, съ приобщеніемъ многихъ собственныхъ примѣчаній. 7) *Его же записныя тетрадки всякимъ письмамъ и дѣламъ 1704, 1705 и 1706 годовъ*, также со многими собственными примѣчаніями о службѣ людей, бывшихъ при государѣ, издан. въ Спб. 1774 г. 8) *Картину владѣнія Мономахова* и проч. Посмерти Кн. Михайла Михайловича оста-

лось много и другихъ, до нынѣ еще не изданныхъ сочиненій. Библіотека его состояла изъ 15 тысячъ книгъ и большаго собранія отечественныхъ рѣдкостей.

Второе мѣсто послѣ Щербатова занимаетъ Иванъ Никитичъ Болтинъ, современникъ Татищева и Щербатова, большой знатокъ русской исторіи,—какъ отзывается о немъ Шлёцеръ—одаренный острымъ умомъ и чрезвычайно начитанный. Онъ первый явился у насъ собственно критикомъ по части отечественной исторіи. Его сочиненія и теперь весьма любопытны; въ вѣкъ же Екатерины были онъ явленіемъ особенно замѣчательнымъ, ибо служили и для очистки фактовъ совершенно обезображенныхъ и для возбужденія полемической дѣятельности, столь полезной въ особенности для исторіи. Но могъ ли онъ возвыситься тогда до настоящихъ понятій объ исторической критикѣ. Для рѣшенія сихъ вопросовъ обратимся къ важнѣйшимъ его сочиненіямъ. Болтинъ началъ свое историческое поприще слѣдующимъ образомъ: Нѣкто Леклеркъ, французскій лѣкарь, въ 1787 году издалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Hystoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne*. Большая часть фактовъ, заключающихся въ семъ сочиненіи, взята у Левека, переврана и перемѣшана съ вымыслами, безсовѣстною ложью и безотчетною бранью. Это сочиненіе, приправленное шарлатанствомъ и великолѣпно изданное, надѣлало много шума. Тогда Болтинъ, съ намѣреніемъ изобличить Леклерка, писалъ свои: *Примѣчанія на Исторію древнія Россіи Г. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Иваномъ Болтинымъ*; 2 том., 1788 г. in 4°. Расположеніе, въ которомъ писалъ нашъ авторъ, уже видно изъ эпиграфа, поставленнаго въ заглавіи и взятаго изъ Леклерковой же исторіи: *Il n'y a que la faveur d'ecrire sur les sujets qu'on ignore, ou que le besoin de vivre qui*

puisse faire servir l'art de l'imprimerie au trafic du mensonge. Это расположеніе, постоянно выражающееся въ произведеніи Болтина, сообщаетъ ему тонъ негодованія и язвительной насмѣшки. Преслѣдуя каждый шагъ Леклерка, онъ безпощадно изобличаетъ всѣ его невѣжественныя ошибки, всѣ не лѣпыя вымыслы, брань, даетъ свои собственныя объясненія на каждый фактъ. Вездѣ видна обширная начитанность и глубокое знаніе отечественной исторіи въ тогдашнемъ ея состояніи;—говоримъ, въ тогдашнемъ, ибо это знаніе, если можно такъ выразиться, есть болѣе фактическое, чѣмъ критическое, и вовсе несогласно съ нынѣшнимъ взглядомъ на исторію.

Тонъ Болтина, какъ мы сказали, насмѣшливый, очень занимателенъ по движенію, которое сообщилъ онъ критическимъ умамъ. Не лѣзя, однако жъ не замѣтить, что Болтинъ, порицая въ Леклеркѣ дерзкія выходки противъ цѣлаго народа или религіи, въ свою очередь увлекается и впадаетъ въ такую же крайность; напримѣръ, выставляя въ дурномъ свѣтѣ поступки французскихъ монарховъ, передавая соблазнительную лѣтопись жизни нѣкоторыхъ папъ, или хуже всего слишкомъ рѣзко отзываясь о злоупотребленіяхъ западной церкви: и все это для противоположности клеветамъ Леклерка на нашихъ государей или на нашу церковь. Здѣсь то позволилъ себѣ Болтинъ задѣть стороною и князя Щербатова (о чемъ было изложено на своемъ мѣстѣ). Вотъ что говоритъ Шлёцеръ объ одномъ изъ важнѣйшихъ сочиненій Болтина «Критическія примѣчанія... на I и II томы російской исторіи князя Щербатова: «ни одинъ русскій не писалъ еще своей отечественной исторіи съ такою эрудиціей, остроуміемъ и изяществомъ». Это совершенно справедливо, разумѣется, относительно ко времени. И теперь, слѣдя за ходомъ нашей исторіи, какъ науки, и про-

бѣжавъ утомительныя, полныя заблужденій страницы Татищева и Щербатова, пріятно остановиться на изысканіяхъ Болтина, если и не чуждыхъ заблужденій своего времени, за то изложенныхъ ученымъ образомъ послѣдовательно и занимательно. Только, разумѣется, для этого надобно уже забыть, что мы живемъ въ XIX вѣкѣ; иначе сей часъ разочаруетесь.

Это важнѣйшіе труды Болтина. Кромѣ помянутыхъ выше критическихъ сочиненій, онъ по порученію императрицы Екатерины II, написалъ еще примѣчаніе на сочиненное ею самою *Историческое представленіе изъ жизни Рюрика*, напечатанное съ его сочиненіемъ въ Санктпетербургѣ 1792 г. in 8, съ нѣмецкимъ переводомъ. Онъ участвовалъ также въ переводѣ и изъясненіи Русской Правды (изданной въ Санктпетербургѣ 1791 г.). Посмерти его, императрица купила у наслѣдниковъ всѣ его бумаги и подарила ихъ графу А. И. Мусину-Пушкину, другу и сотруднику покойнаго. Всѣхъ бумагъ его осталось доста связокъ, и въ нихъ между-прочимъ, по предмету отечественной исторіи оказалось:

1. *Историческое и географическое описаніе намѣстничествъ.*

2. *Выписки для уразумѣнія древнихъ лѣтописей съ изъясненіемъ древнихъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія и географическихъ именъ въ нихъ упоминаемыхъ. Изъ сихъ выписокъ графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ составилъ и издалъ, дополнивъ изъ другихъ писателей: Описаніе народовъ, городовъ и урочищъ, присоединенное къ его же книгѣ: Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго російскаго тмутараканскаго княженія (С.-пб, 1797 года.)*

Укажемъ на нѣкоторыя мнѣнія Болтина, не согласующіяся съ нынѣшнимъ взглядомъ на исторію. Это тѣмъ болѣе любопытно, что въ Болтинѣ мы видимъ представителя тогдашняго состоянія отечественной исторіи—и слѣдовательно можемъ заключить, на какой степени находилась у насъ эта наука въ его время.

Болтинъ безусловно слѣдуетъ Несторовой лѣтописи, однакожъ во многихъ случаяхъ отдаетъ преимущество мнимой Іоакимовой, которую, вмѣстѣ съ Татищевымъ, признаетъ за истинную и достовѣрную.

Въ этомъ онъ отсталъ даже отъ своихъ современниковъ: Миллеръ, Ломоносовъ, Щербатовъ, Шлёцеръ не признавали Іоакима. Этого мало. Разсуждая о лѣтописяхъ, онъ говоритъ: «Несторъ конечно не со словъ писалъ свою лѣтопись, а съ разныхъ лѣтописей, хотя на нихъ и не ссылается; равнымъ образомъ и бывшіе послѣ него бытописцы, внося въ свои лѣтописи многое такое, чего въ Несторовой нѣтъ, не съ преданія же то писали, а съ другихъ древнихъ лѣтописей, коихъ сочинителей имена остались намъ невѣдомы. И такъ нѣтъ сомнѣнія, что, и окромѣ Іоакима, были прежде Нестора лѣтописцы, но писанія ихъ отъ времени утратилися» *. Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая подобнымъ же образомъ, выводитъ заключеніе: «... и слѣдственно Несторъ не есть первый нашъ историкъ, хотябъ и неизвѣстны мы были о Іоакимѣ **».

Мнѣніе Болтина относительно происхожденія Руссовъ есть слѣдующее: онъ полагаетъ что Руссы — не пришельцы а народъ туземный, который Славя-

* Примѣч. на Леклерка, Т. I. стр. 59.

** Крит. примѣч. на Щербатова, Т. I. стр. 14.

не уже нашли на Сѣверѣ. Онъ говоритъ: «Если сіе есть правда, что Готы перешли въ Швецію изъ Россіи, отъ Скиѳовъ или отъ Гунновъ бывъ вытѣснены; то не мудрено остаться здѣсь изъ нихъ части, которая, смѣшавшись съ Сарматы или Цымбры, составила племя Руссовъ» *. Излишне было бы замѣчать о странности этого мнѣнія. Вслѣдъ за тѣмъ онъ продолжаетъ: «прибавить къ сему должно еще, что названіе Руссовъ заключается токмо въ предѣлахъ Новгорода, яко самомъ близкомъ краю отъ Готовъ, и болѣе нигдѣ въ древности было не извѣстно». Потомъ, Болтинъ, подшучивая надъ производствомъ имени Руссовъ и отъ *розспянiя* и отъ *Росса*, сына *Аѳетова* **, самъ держится такого мнѣнія.... «Руссъ» говоритъ онъ «означаетъ на сарматскомъ языкѣ имѣющаго русые волосы» ***. И нѣсколько далѣе ****: «Руссы, получивъ обладаніе надъ Словенами при Рюрикѣ, не похотѣли ихъ славою воспользоваться, и предпочли названіе означающее *русость* ихъ волосовъ названію тезоименитому славѣ.» (!) — Байеръ а за нимъ Миллеръ еще до Болтина доказывали скандинавское происхожденіе Руссовъ; Болтинъ зналъ ихъ труды, ибо иногда на нихъ ссылается, но онъ не былъ убѣжденъ ихъ доводами.

Теперь скажемъ кто такіе были по мнѣнію Болтина *Варяги* и *Варяго-Руссы*. «Первые Финны, а послѣдніе Финны жъ съ Руссами помѣшенныя» — гово-

* Примѣч. на Леклер. Т. I. стр. 17.

** Примѣч. на Щерб. Т. I. стр. 38. Болтинъ переводитъ Іезекіилево слово *россъ*, или *рошъ* главою, начальникомъ.

*** Ibid стр. 39.

**** Ibid стр. 42.

ритъ онъ *, слѣдуя Татищеву, и подробно рассказываетъ о положеніи страны, ими обитаемой. «Варяги, граничащіе владѣнію Руссовъ, раздѣлялись тогда на Варягоруссовъ и просто на Варяговъ; первые жили по сѣверозападному берегу Ладожскаго Озера и по берегу Финскаго Залива, отдѣляясь отъ Руссовъ Ладожскимъ Озеромъ и Невою, а отъ Остегардіи, или Эстовъ, Финскимъ Заливомъ, отъ Варяговъ же рѣкою Кименю. Они потому назывались Варягоруссами, что издревле Руссамъ были подчинены, и Славяне новгородскіе, по сказанію Іоакима, по Кимень рѣку владѣли, и слѣдовательно Руссовъ между ними было много **».

Слово «Варяги» Болтинъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «...назвали ихъ такъ Руссы, по причинѣ разбойничества ихъ на морѣ; ибо на тогдашнемъ русскомъ языкѣ (?) *Варасъ* значило разбойникъ, что и донесъ на эстонскомъ и финскомъ языкахъ тожъ значить.»*** Это принадлежитъ къ числу произвольныхъ филологическихъ объясненій, ничего не доказывающихъ.

Первыхъ нашихъ князей (по лѣтописи Нестора): *Рюрика, Синеуса и Трувора* Болтинъ выводитъ изъ страны Варяго-Руссовъ, изъ-за Ладожскаго Озера, которое Несторъ будто бы разумѣетъ подъ своимъ моремъ. Это послѣднее мнѣніе Болтинъ положительно утверждаетъ; напр. «Несторъ моремъ называетъ вездѣ Ладожское Озеро... ****».

* Примѣч. на Леклер. Т. I. стр. 43.

** Крит. примѣч. на Щерб., Т. I., стр. 116.

*** Крит. примѣч. на Щербат., Т. I. стр. 114.

**** Крит. примѣч. на Щербатова, Т. I, стр. 172.

Сарматскій языкъ и его нарѣчіе играютъ у Болтина также важную роль. Вотъ слова автора о Сарматахъ «Всѣ тѣ народы, которые издревле заселяли пространство нынѣшнія Россіи, разумѣемъ мы подъ общимъ именемъ Сарматъ. Они раздѣлялися на многія поколѣнія, изъ коихъ каждое подъ особливѣмъ правленіемъ и особливое названіе имѣло. Нѣкоторыя изъ нихъ, будучи вытѣснены изъ отечественныхъ своихъ обиталищъ другими сильнѣйшими ихъ народами, отошли въ другія страны и тамъ новыя царства основали; таковы суть Авары, Угры, Команы и проч. Другіе оставшись на прежнихъ своихъ мѣстахъ, или далѣе къ сѣверу отступя, превратились къ Русскимъ и свой языкъ вовсе утратили.—Таковы суть Меря, Муромъ, Вѣсь и проч. Нѣкоторыя же изъ нихъ, и бывъ нѣсколько вѣковъ подъ начальствомъ иноплеменныхъ имъ народовъ, сохранили по нынѣ свой языкъ и природу; таковы суть: Мордва, Чуваши, Черемиса, Корелы, Финны и проч.... *».

Очевидно, такое понятіе о Сарматахъ—ошибочно, подобно понятію древнихъ о Скиѣи и Сарматіи. Въ слѣдствіе этого понятія, Болтинъ созидаетъ мнимый общій сарматскій языкъ, распавшійся на многія нарѣчія, къ числу которыхъ, между-прочимъ, принадлежатъ языки финскій, шведскій и венгерскій. Изъ этихъ-то трехъ языковъ, онъ выписываетъ множество словъ, одинакихъ или сходныхъ съ русскими, вѣроятно, съ цѣлью оправдать многія свои и Татищева производствъ изъ языка сарматскаго и самое производство племени Руссовъ отъ Сарматъ. Эта выписка впрочемъ довольно любопытна. Сходства отрицать нельзя; но

* Отвѣтъ на письмо. кн. Щербат., стр. 30.

имъ доказывается только, что въ нашемъ языкѣ есть многія финскія и нѣкоторыя шведскія слова, не говоря о венгерскихъ, также принятыхъ въ свое время. Опровергая Щербатова производство названій *Кіа*, *Щека*, *Хорева* и *Лыбеди* — изъ персидскаго и арабскаго языковъ и вмѣстѣ желая доказать построение Кіева Аварами, Болтинъ, въ свою очередь, объясняетъ эти имена изъ венгерскаго языка, какъ нарѣчія сарматскаго, слѣдовательно сходнаго и съ аварскимъ (!). — Равнымъ образомъ, опровергая сомнѣніе Щербатова, что Константиновы названія днѣпровскихъ пороговъ дѣйствительно русскія (норманскія), Болтинъ снова обращается къ языку венгерскому, который онъ почитаетъ сходнымъ съ древне-рускимъ (?), вѣроятно, по упомянутой одноплеменности Руссовъ съ Уграми, какъ происшедшими отъ одного и того же народа Сарматовъ (!). Невольно вспомнишь здѣсь всѣ филологическія пытки надъ этими названіями днѣпровскихъ пороговъ. Байеръ первый предчувствовалъ въ нихъ нѣчто скандинавское. Потомъ, Струбе * и Тунманнъ ** выпытали изъ нихъ скандинавскіе звуки, впрочемъ несходные между собою. Наконецъ Лербергъ ***, хотя другимъ путемъ, еще болѣе укрѣпилъ за ними право скандинавскаго происхожденія. Если прибавить къ этому производство тѣхъ же названій — изъ венгерскаго по Болтину, — изъ славянскаго по Дуричу; то нехотя усомнишься въ такихъ филологическихъ доказательствахъ, которыя по произволу можно извращивать всячески.

Вѣруя въ древность нашей цивилизаціи, — что частью

* Въ *Dissertation sur les anciens Russes*

** Въ своемъ *Ueber einige Gegenstände der Russ. Geschichte.*

*** Въ *Lehrberg's Untersuchungen et cet.*

было видно выше, такъ какъ Болтинъ допускалъ многихъ лѣтописцевъ до Нестора и даже Іоакима—онъ, между-прочимъ, говоритъ: «лѣтописи наши и писатели иностранные свидѣтельствуютъ, что у Руссовъ, прежде пришествія еще Рюрика, были многіе города, изъ коихъ нѣкоторые *торговлею, богатствомъ и многолюдствомъ* славились» *. Это подкрѣпляетъ онъ свидѣтельствомъ Стрѣйковскаго о знаменитости Новгорода. Далѣе Болтинъ, исчисливъ по лѣтописи, многіе русскіе города, прибавляетъ: «И всѣ сіи города въ такое время существовали, когда въ нѣмецкой землѣ, отъ рѣки Рейна до Моря Балтійскаго, не было ни одного» **. Уже Шлёцеръ обратилъ вниманіе на странность этого замѣчанія. Сообразно съ мнѣніемъ своимъ о древности цивилизаціи въ Россіи, вотъ что говоритъ Болтинъ о древнихъ законахъ. «Г. Леклерку не угодно, чтобъ на тогдѣшнее время были у Руссовъ законы; однакожъ, вопреки его желанію, на многихъ мѣстахъ какъ въ семъ (Игоровомъ) такъ и въ первомъ (Аскольдовомъ) мирномъ докончаніи съ греческими императорами воспоминаются русскіе законы. Убѣжденъ будучи сими ясными свидѣтельствами, г. Левекъ признаетъ существованіе оныхъ на тогдѣшнее время, не взирая на заблужденіе и нѣкоторыхъ Русскихъ, утверждающихъ, по невѣдѣнію отечества своего исторіи, Ярослава первымъ быти законодавцемъ въ Руси ***». Въ другомъ мѣстѣ: «Слогъ закона, называемаго *Ярославовымъ*, доказываетъ, что онъ гораздо прежде того времени сочиненъ, слѣдовательно сочинитель его не

* Крит. примѣч. на Щербатова, Т. I. стр. 2.

** Ibid. стр. 4.

*** Примѣч. на Леклерка, Т. I. стр. 74.

Ярославъ. Мнѣніе сіе утверждается многими доводами, что Славянорусы задолго прежде Ярослава имѣли законы, коими они управлялися; и на сіи-то законы ссылалися Олегъ I и Игорь, сынъ Рюриковъ, въ договорахъ своихъ съ греческими императорами» *. Въ третьемъ мѣстѣ: «что самый сей законъ, извѣстный подъ именемъ *Русскія правды*, сочиненъ не Ярославомъ, а гораздо еще прежде Рюрика, на то Татищевъ, въ предисловіи на сей самый законъ, приводитъ доказательства многія....» ** и проч.

Мы изложили только главныя мнѣнія Болтина показывающія тогдашнее состояніе исторической критики. Очевидно, нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній и теперь, при всѣхъ успѣхахъ науки, уничтожены несовершеннo: слѣдственно можно ли требовать отъ Болтина, чтобъ онъ такъ далеко опередилъ свое время? Тогда обработка историческихъ матеріаловъ только начиналась трудами Байера, Миллера, Струбе, Шлёцера: послѣдній еще не издалъ своего *Нестора*, составившаго эпоху въ исторической литературѣ. Сочиненіе Татищева, не имѣющее никакого критическаго достоинства, было тогда, всеобщимъ оракуломъ по части исторіи, и Болтинъ почти во всемъ ему слѣдуетъ. Но въ Болтинѣ, безспорно, уже видѣнъ важный шагъ впередъ: онъ примѣтно возвышается надъ Щербатовымъ, котораго безчисленныя заблужденія изобличаетъ неутомимо и тѣмъ предохраняетъ исторію отъ ложныхъ мнѣній. Мы ему одолжены за очищеніе многихъ фактовъ. Нѣкоторыя замѣчанія, разсѣяныя въ его сочиненіяхъ, показываютъ, что онъ уже видимо

* Ibid стр. 230.

** Ibid. стр. 449.

приближался къ истинному понятію объ исторіи. Такъ въ одномъ мѣстѣ * онъ говоритъ: «Въ числѣ прочихъ способностей, для историка нужныхъ и сіе не изъ послѣднихъ есть, чтобъ умѣть дѣлать разборъ веществамъ, дабы не отметать и не пропускать нужныхъ, и не вводить въ составъ историческій ненужныхъ, постороннихъ, не потребныхъ». Въ другомъ мѣстѣ **. «Всѣхъ подобныхъ сказанному (относится къ предъидущему) басенныхъ повѣствованій, каковы суть : О построеніи Кіева Кіемъ, Славенска Славеномъ и проч. исторія терпѣть не должна. Худое довѣріе историкъ о себѣ читателямъ подаетъ, когда онъ дѣла невѣроятныя, басни, и проч., въ свою исторію вносить». Для своего времени, такое правильное понятіе объ исторіи, соединенное съ обширнымъ фактическимъ знаніемъ, съ умомъ проницательнымъ и острымъ, съ умѣньемъ излагать свои мысли убѣдительно, заманчиво—образовало въ Болтинѣ замѣчательнаго, полезнаго, почти необходимаго для своего времени критика въ собственномъ смыслѣ: его сочиненія были сильнымъ противодѣйствіемъ тѣмъ безчисленнымъ заблужденіямъ, которыя могли вкрасться въ область нашей исторіи, вслѣдствіе не критическаго труда князя Щербатова и безобразнаго произведенія Леклерка; въ этомъ отношеніи его произведенія были двигателями исторической нашей литературы и всегда будутъ заслуживать нашу признательность.

Вотъ достоинства и недостатки сочиненій Болтина, одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей, принадлежащихъ концу прошлаго столѣтія. Въ этомъ краткомъ изложеніи мы желали выставить по край-

* Крит. примѣч. на Щерб. Т. II. стр. 36.

** Ibid. Т. I, стр. 192.

ней-мѣръ на видѣ, что сдѣлалъ Болтинъ по части нашей исторіи—и вмѣстѣ, чего немогъ еще сдѣлать.

Иванъ Ивановичъ Голиковъ, родился въ 1735 г. въ Курскѣ, происходя изъ купеческаго званія, онъ не могъ получить настоящаго образованія и зналъ только читать и писать. Еще въ молодыхъ лѣтахъ занимаясь торговыми дѣлами онъ питалъ страсть къ Петру Великому; страсть эта родилась у него отъ чтенія записокъ о дѣяніяхъ этого государя, попавшихъ къ нему совершенно случайно *. Эти записки, какъ самъ онъ говоритъ въ предисловіи къ дѣяніямъ Петра Великаго, произвели въ немъ столь сильное впечатлѣніе, что не смотря на его юность, возбудили въ немъ необыкновенное желаніе узнать подробнѣе дѣянія преобразователя Россіи. Однакожъ рѣдкость русскихъ книгъ въ то время и притомъ случившееся растройство въ дѣлахъ его, не подавали ему никакой надежды. Между-тѣмъ для уплаты отцовскихъ долговъ, онъ былъ отданъ въ служеніе къ московскимъ купцамъ Журавлевымъ, у которыхъ и находился около десяти лѣтъ. Въ это самое время онъ имѣлъ случай въ Москвѣ достать нѣсколько рукописныхъ сочиненій ** о Петрѣ Великомъ

* То были записки о *Полтавской побѣдѣ* и *Мазепиной измѣнѣ*, составленные однимъ курскимъ архимандритомъ Михаиломъ, служившимъ полковымъ священникомъ при государѣ Петрѣ Великомъ.

** Вотъ какъ самъ онъ рассказываетъ объ этомъ въ предисловіи къ своему сочиненію: «Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Москву досталъ я нѣсколько книгъ, касающихся до жизни Петра Великаго, какъ-то: рукописную *Лѣтопись о зачатіи и рожденіи сего государя* и его *Исторію*, переведенную съ греческаго г. *Писаревымъ*, да *Шафирово разсужденіе о причинахъ войны съ Карломъ XII, королемъ шведскимъ*; онъ (то есть эти книги), говоритъ авторъ, воспламенили во мнѣ непреоборимое желаніе къ исканію и собиранію всего, относящагося до исторіи Петра Великаго, котораго каждое отеческое дѣяніе

и познакомиться съ жившими еще тогда нѣкоторыми современниками и приближенными сего государя *, отъ которыхъ слыша разныя о немъ повѣствованія и анекдоты, записывалъ въ свои тетрадки. Чрезъ десять лѣтъ Голиковъ отпущенъ былъ отъ Журавлевыхъ съ приличнымъ награжденіемъ и самъ вступилъ въ торговля дѣла, посредствомъ которыхъ пріобрѣлъ значительный капиталъ, а въ 1761 г. избранъ депутатомъ бѣлогородской провинціи въ комиссію Уложенія, составлявшуюся тогда въ слѣдствіе указа даннаго императрицею Елисаветою Петровною. Этотъ случай познакомивъ его съ гораздо большимъ числомъ современниковъ Петра Великаго **, доставилъ многія

наполняло душу и сердце мое безпредѣльнымъ къ нему благоговѣніемъ.

* Мы здѣсь разумѣемъ *В. Н. Татищева* и *Ивана Ивановича Неплюева*, съ которымъ авторомъ познакомился въ Оренбургѣ. «Сему именитому патріоту, говоритъ Голиковъ, обязанъ я тѣми правильными понятіями, какія должно имѣть о семъ государѣ; онъ (т. е. Неплюевъ) объяснилъ мнѣ многія его дѣянія, которыхъ истинныя причины современникамъ только, и то приближеннымъ къ государю, могли быть извѣстны. Благосклонность сего мужа доставила мнѣ выгодное знакомство съ г. статскимъ совѣтникомъ *Петромъ Ивановичемъ Рычковымъ*, отъ котораго досталъ я *Журналъ государева персидскаго похода*, и нѣсколько другихъ записокъ, принадлежащихъ до царствованія Петра I; не упоминая о множествѣ рѣдкихъ анекдотовъ о семъ государѣ, которые слышалъ я отъ сихъ особъ, и всѣ вѣрно записалъ въ моихъ историческихъ тетрадкахъ». Прибывъ въ Петербургъ Голиковъ познакомился съ *Крекинымъ*, который также сообщилъ ему много записокъ, относящихся до Петра.

** Голиковъ познакомился съ адмиралами: *Семеномъ Ивановичемъ Мордовновымъ*, *Алексѣемъ Ивановичемъ Нагаевымъ*, *Иваномъ Лукьяновичемъ Талызинымъ*, и со многими другими лицами, жившими при Петрѣ I. Все слышанное отъ нихъ о семъ государѣ Голиковъ тщательно записывалъ. Далѣе онъ говоритъ, «неупоминая уже о знакомствѣ со многими частными людьми, которые также были для меня полезны, а особливо гг. купцы *Съриковы*, *Ярославцевъ*, *Евреиновъ*, *Латинъ*, *Вонифантьевъ*, *Барсуковъ*, *Скорняковъ*, *Алферовъ*, и

любопытнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ монархѣ. Между прочимъ ему попался въ руки переводъ Страленберговой книги, напечатанной 1730 г. въ Стокгольмѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *о Сѣвѣро-Восточной части Европы и Азии*. Страленбергъ въ сочиненіи этомъ написалъ много предосудительнаго о Петрѣ Великомъ и Голиковѣ, прочитавъ его, рѣшился было употребить всѣ собранныя имъ свѣдѣнія и записки на опроверженіе Страленберговыхъ клеветъ; но будучи отвлеченъ коммерческими дѣлами не могъ исполнить своего намѣренія. Около 1780 года, занимаясь съ двоюроднымъ братомъ своимъ содержаніемъ питейныхъ откуповъ, онъ подпалъ уголовному суду, потерялъ почти все свое имѣніе, и приговоренъ лишенію чести и ссылки въ Сибирь. Но въ 1782 году, по случаю открытія въ С.-Петербургѣ памятника Петру Великому, изданъ былъ высочайшій манифестъ, о прощеніи многихъ виновныхъ, и между прочимъ Голикова. Это помилованіе въ память величайшаго изъ героевъ, коего славные подвиги уже съ малолѣтства занимали несчастнаго Голикова, сильно тронуло его душу: по освобожденіи изъ тюремнаго заключенія, поспѣшилъ онъ въ церковь, принесъ благодареніе Богу, оттуда на Петровскую площадь, и въ священномъ изступленіи, упавъ на колѣни предъ открытымъ памятникомъ Петра, поклялся всенародно достойно отблагодарить за его благодѣяніе. Съ тѣхъ поръ, каждая минута жизни его посвящена была на совершеніе вы-

другіе о многомъ снабдили меня достаточными свѣдѣніями. Около сего же времени, между прочими бумагами, доставленъ мнѣ изъ бібліотеки е. в. *Ивана Ивановича Шувалова* переводъ съ нѣмецкаго *Страленберговскихъ клеветъ*, коварно возведенныхъ на Петра Великаго».

сокаго подвига; онъ оставилъ всѣ коммерческія дѣла, и занялся своими записками. Собралъ всѣ напечатанныя и писанныя на русскомъ языкѣ сочиненія о семъ государѣ, (въ числѣ коихъ были записки *Крекшина, Неплюева и Меньшикова*), онъ заставлялъ переводить все, что издано на языкахъ иностранныхъ, самъ ѣздилъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ бывалъ *Петръ I-й*, отыскивалъ о немъ всѣ свѣдѣнія, и спрашивалъ старожиловъ. Черезъ шесть лѣтъ, въ 1788 году, онъ началъ издавать въ Москвѣ съ помощію *Демидова* свое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразителя Россіи*. Екатерина Великая обратила вниманіе на этотъ трудъ, и повелѣла открыть сочинителю всѣ библіотеки и архивы имперіи. Въ 1790 году онъ кончилъ свою исторію, 12 томомъ, но, такъ-какъ въ теченіе этого времени онъ получилъ многія новыя свѣдѣнія, не вошедшія въ составъ изданныхъ двѣнадцати томовъ, то съ 1790 года, началъ печатать *Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго*. До 1798 года вышло ихъ 18 томовъ, такъ что цѣлое сочиненіе составилось изъ 30 частей, которыя всѣ напечатаны въ Москвѣ въ теченіе 10 лѣтъ. Въ *Дополненіяхъ* своихъ онъ исправилъ много погрѣшностей, вкравшихся въ изданіи *Дѣяній*.

Дѣянія Петра Великаго никогда не теряютъ своей цѣны, какъ сводъ извѣстій о семъ государѣ. Критики винятъ *Голикова* особенно въ томъ, что онъ писалъ свою исторію слишкомъ витіевато, примѣшивалъ много посторонняго и не рѣдко позволялъ себѣ восклицанія. Но въ оправданіе можно сказать, что онъ, и по собственному его признанію, не историкъ, а собиратель; потомъ, часто противъ воли, вовлекала его въ этотъ недостатокъ патріотическая ревность и охота размышлять (философствовать): размышленія же

его и любопытныя изслѣдованія о многихъ предметахъ исторіи, политики, торговли, законодательства и древностей отечественныхъ, были не рѣдко поводомъ ученымъ къ сочиненію большихъ диссертаций. Впрочемъ изъ 30 томовъ сборника Голикова, можно извлечь десять существенной исторіи Петра Великаго, чего безъ его неутомимыхъ трудовъ мы не скоро бы дождались.

Изъ всѣхъ прежнихъ попытокъ сдѣлать что нибудь для исторіи Петра Великаго, достоинъ величайшаго уваженія только безкорыстный и простодушный трудъ Голикова. Въ немъ видно много трудолюбія, прилежныхъ изысканій, достовѣрныхъ доказательствъ происшествій, любопытныхъ анекдотовъ и проч. *Тридцать томовъ* остались памятникомъ его благороднаго рвенія, и въ безъ-искусственномъ, безпорядочномъ его разсказѣ не рѣдко замѣтно одушевленіе достойное предмета, его возбудившаго; въ основѣ лежитъ безсознательное, но тѣмъ не менѣе вѣрное содержаніе идеи, выраженной явленіемъ Петра Великаго. Какое прекрасное, отрадное явленіе въ русской жизни!

Второе изданіе *Дѣяній Петра Великаго* сдѣлано К. А. Полевымъ; оно выходило съ 1837—1840 годъ въ Москвѣ in 8°, 15 томовъ. Издатель измѣнилъ нѣсколько систему Голикова; во 2-мъ изданіи дополненія напечатаны вслѣдъ за тѣми годами *Дѣяній*, къ которымъ онѣ относятся. Совершенно отдѣльные предметы, какъ-то: Исторія временъ, предшествовавшихъ Петру, Письма его, Анекдоты, Описаніе полтавской битвы, и проч. составляющіе важную, но особую часть этого сочиненія, заключаются въ послѣднихъ томахъ *.

* Самая лучшая критика труда Голикова появилась при второмъ

Кромѣ того Голиковъ издалъ въ 1798 году въ Москвѣ *Анекдоты Петра Великаго* (въ третій разъ напечатанные въ Москвѣ 1807 года). *Историческое изображеніе жизни и вѣхъ дѣлъ Франца Яковлевича Лефорта, перваго любимца Петра Великаго и генерали П. Л. Гордона.* М. 1800 года. in 8°. Въ этомъ же году императоръ Павелъ наградилъ его чиномъ надворнаго совѣтника за поднесеніе 30 томовъ «Дѣяній». Голиковъ скончался въ началѣ 1801 года. По смерти его, напечатаны еще два важныя его сочиненія: 1) *О упадкѣ и возвышеніи россійскаго курса,* въ 2 частяхъ. М. 1809 года in 8°; 2) *Сравненіе свойствъ и дѣлъ Константина Великаго съ свойствами и дѣлами Петра Великаго,* въ 2 частяхъ М. 1810 года, in 8°.

Николай Ивановичъ Новиковъ заслуживаетъ почетное мѣсто на ряду съ самыми усердными и счастливыми поборниками просвѣщенія и литературы. Онъ родился въ 1744 году близъ Москвы, въ селѣ Тихвинскомъ. Первоначальное образованіе весьма скудное, Новиковъ получилъ дома; на 18 году по опредѣленіи на службу въ Санктпетербургъ, успѣлъ онъ образовать природныя свои способности и пріобрѣсть познанія въ наукахъ. Вскорѣ онъ оставилъ военную службу въ чинѣ прапорщика гвардіи и занялся литературою. Первымъ историческимъ его трудомъ былъ *Опытъ словаря о россійскихъ писателяхъ*, трудъ въ свое время довольно важный, безъ котораго исчезла бы память о многихъ русскихъ писателяхъ, если не между учеными, то въ публикѣ;

изданіи его г. Полевымъ 1837—1840 года, въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1841 г. № 4 и 5.

* Изданный въ Спб. 1772 года.

но этотъ опытъ, столько въ послѣдствіи уважаемый, при появленіи своемъ ополчилъ на сочинителя многихъ, потому-что Новиковъ о нѣкоторыхъ своихъ современникахъ относился слишкомъ рѣзко. При всемъ томъ, этотъ трудъ Новикова обратилъ на него вниманіе императрицы Екатерины. Вскорѣ послѣ этого онъ переселился въ Москву, и тамъ открылось предъ нимъ обширное поприще. Съ 1773 года онъ издавалъ *Древнюю Россійскую Вивліюику*, * собраніе рѣдкихъ и любопытныхъ памятниковъ русской исторіи во всѣхъ ея періодахъ. Кромѣ того онъ издалъ еще: *Повѣствователь древностей російскихъ, или собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ исторіи и географіи российской*; часть 1. С-пб. 1776 г. in 8°. *Исторію о невинномъ заточеніи боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, состоящую изъ челобитенъ, писанныхъ имъ къ царю и патриарху, съ пріобщеніемъ причины его заточенія и возвращенія изъ онаго*; М. 1795 г. in 8° и *Славянскія сказки въ 6 частяхъ in 8°, заключающія въ себѣ матеріалы для славяно-русской Мифологіи* **.

Для распространенія въ отечествѣ полезныхъ знаній, онъ основалъ компанію, состоявшую изъ многихъ ум-

* Полное заглавіе этой книги есть слѣдующее: *Древняя російская вивліюика, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко: російскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описанія свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, и многія сочиненія древнихъ російскихъ стихотворцевъ*; издаваемая помысочно Николаемъ Новиковымъ; 10 частей. С-пб. 1773 — 1775 г. in 8°. *Продолженіе древней російской вивліюики*, издано Академіею Наукъ, 11 частей С-пб., 1786—1804 г. in 8°. Второе изданіе «Вивліюики» съ нѣкоторою перемѣною заглавія вышло въ Москвѣ 20 частей съ 1788—1791 г. in 8°.

** Мы ограничились тѣми только изданіями Новикова которыя относятся къ русской исторіи.

нѣйшихъ и ученѣйшихъ головъ своего времени: цѣлю ея было изданіе на русскомъ языкѣ лучшихъ книгъ и продажа ихъ за самыя дешевыя цѣны. На этотъ конецъ онъ завелъ типографію. Для облегченія публики въ полученіи разныхъ книгъ, онъ основалъ также первую въ Москвѣ библіотеку для чтенія. Труды Новикова на пользу общую были прерваны обстоятельствами, въ которыя вовлечена была Европа французскою революціею. Въѣсть съ многими другими почтенными лицами онъ сдѣлался жертвою подозрѣній, которыя правительство могло имѣть въ то смутное время. Невинность его открылась въ царствованіе императора Павла, который вознаградилъ его за претерпѣнные имъ гоненія. Остальныя годы своей жизни провелъ Новиковъ въ имѣніи своемъ, селѣ Тихвинскомъ. Онъ скончался въ 1818 году.

Федоръ Александровичъ Эминъ, родился въ Польшѣ или въ одномъ изъ русскихъ городковъ лежащихъ на границѣ съ Польшею, около 1735 года, отъ небогатыхъ родителей, которыхъ онъ лишился въ младенчествѣ. Потомъ, говорятъ онъ попалъ къ одному езуиту, научившему его латинскому языку и наукамъ, преподававшимся въ езуитскихъ училищахъ. Послѣ, Эминъ путешествовалъ съ нимъ по разнымъ европейскимъ и азіатскимъ государствамъ и пріѣхавъ въ Турцію, имѣлъ одно неизвѣстное приключеніе, за которое взятъ былъ подъ стражу и для избѣжанія отъ вѣчной неволи, принужденъ былъ принять магометанскую вѣру; тамъ не имѣя средствъ къ существованію, онъ вступилъ въ турецкую военную службу и нѣсколько лѣтъ былъ Янычаромъ. Оттуда онъ тайно уѣхалъ на корабль съ однимъ англійскимъ капитаномъ и прибылъ въ Лондонъ, гдѣ жилъ нѣкоторое время подъ именемъ *Магомета-Эмина*. Наконецъ желая вступить въ русское подданство и принять греко-

россійскую, будто бы свою отечественную вѣру, онъ явился въ 1758 году къ тамошнему россійскому послу, и былъ имъ вновь окрещенъ въ домово́й церкви. Спустя три года (въ 1761 году) онъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, и опредѣлился сначала учителемъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, а въ послѣдствіи переводчикомъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и наконецъ въ Кабинетъ въ чинъ титулярнаго совѣтника. Въ этомъ мѣстѣ пробылъ онъ до самой смерти, случившейся въ 1770 году, какъ говоритъ объ Эминѣ Новиковъ въ своемъ *Опытѣ историческаго словаря*, увѣряя что извѣстіе это основано на собственныхъ его словахъ.

Въ другомъ описаніи его жизни, напечатанномъ при изданіи книги его 1798 года, подъ заглавіемъ: *Путь къ спасенію*, и взятомъ также изъ изустнаго преданія, говорится, что Эминъ родился 1735 года въ небольшомъ венгерскомъ городѣ Липпѣ, лежащемъ на самой турецкой границѣ, что отецъ его былъ Венгерецъ а мать Польшка. Въ 1737 году, во время войны Австрійцевъ съ Турками, онъ попался съ матерью въ плѣнъ къ Туркамъ, тамъ былъ воспитанъ матерью въ католической вѣрѣ, а по заключеніи мира возвращенъ въ отечество и отданъ въ ученіе въ одноезуитское училище; въ этомъ училищѣ, онъ, острою и успѣхами, обратилъ на себя вниманіе всѣхъ наставниковъ, изъ коихъ одинъ чрезвычайно его полюбилъ, содержалъ на свой счетъ, и отправляясь по должности миссіонера въ Азію, взялъ съ собою. Путешествуя по разныхъ европейскихъ и азіатскимъ государствамъ, они прибыли въ Турцію, гдѣ съ Эминнымъ было какое-то приключеніе, о которомъ онъ никому не хотѣлъ говорить даже и въ послѣдствіи. Въ слѣдствіе этого приключенія онъ взятъ былъ подъ стражу, долженъ былъ разстаться съ миссіонеромъ, и для избѣжанія вѣчной неволи, принужденъ былъ при-

нять магометанство; но не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, онъ вступилъ въ военную службу и былъ нѣсколько времени янычаромъ. Потомъ, ушелъ на англійскомъ кораблѣ въ Англію, и живя въ Лондонѣ подъ именемъ *Магомета-Эмина*, старался будто бы извѣдать всѣ христіанскія исповѣданія, терпимыя въ Англіи, нашелъ греческую вѣру превосходнѣе прочихъ, и явился къ русскому посланнику князю Голицыну, у котораго въ домовой церкви при обращеніи въ русскую вѣру, переименованъ *Федоромъ*, воспріемникомъ же ему былъ самъ посланникъ. Послѣ сего онъ оставилъ Лондонъ и отправился въ Санктпетербургъ, какъ сказано выше.

Но самъ Эминъ въ просьбѣ, поданной на итальянскомъ языкѣ въ іюнь 1761 года императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ о принятіи его, по способности и знанію языковъ турецкаго, итальянскаго, англійскаго, латинскаго, испанскаго, португальскаго и польскаго, въ русскую службу, совсѣмъ иначе описываетъ свое происхожденіе. Онъ объявилъ, что дѣдъ его родомъ Полякъ, былъ въ цесарской службѣ порутчикомъ кавалеріи въ пограничныхъ съ Турціею полкахъ, и по нѣкоторымъ причинамъ перешелъ къ Туркамъ въ главный городъ Босніи, Зворникъ. Но будучи и тамъ гонимъ, онъ принялъ магометанскую вѣру и снискавъ расположеніе областного паши, вскорѣ дослужился при немъ до генералъ-адъютанскаго чина. Въ этой службѣ онъ пріобрѣлъ помѣстье и женился на дочери тамошняго главнаго областного судьи. Отъ этого брака родился отецъ Эмина, воспитанный въ домѣ областного паши. Послѣ смерти паши отецъ его отправился въ Константинополь просить себѣ мѣста губернатора Босніи и тамъ купивъ невольницу — христіанку женился на ней; отъ этого-то брака родился *Федоръ Эминъ*. Будучи долгое время безъ должности

въ Константинополь и не получая губернаторскаго мѣста, принужденъ былъ удовольствоваться, даннымъ ему отъ Порты лепантскимъ губернаторствомъ, куда онъ и отправился оставивъ жену свою съ младенцемъ въ Константинополь, и взявъ ихъ къ себѣ не раньше какъ по истеченіи пяти лѣтъ. Онъ самъ обучалъ сына своего Федора латинскому и польскому языкамъ десять лѣтъ, а потомъ отправилъ его въ Венецію для обученія итальянскому языку. Но по возвращеніи оттуда молодой Эминъ нашелъ что отецъ его лишенъ губернаторскаго мѣста и сосланъ въ заточеніе на островъ Мителене. Отправясь къ отцу, онъ жилъ у него три года, а оттуда вмѣстѣ они ушли въ Алжиръ, котораго владѣтель знакомъ былъ отцу Эмина, и принявъ его, сдѣлалъ начальникомъ константинской и бижійской областей. Вскорѣ потомъ началась война между Алжиромъ и Тунисомъ, въ которую отецъ Эмина пожалованъ былъ сераскиромъ или главнокомандующимъ алжирскихъ войскъ. Въ эту войну онъ имѣлъ счастіе завоевать не только всю тунискую область, но и взять въ плѣнъ сына владѣтеля Туниса, котораго вмѣстѣ съ прочими плѣнными и трофеями отправилъ къ владѣтелю Алжира, подъ начальствомъ сына своего Федора. Молодой Эминъ пожалованъ былъ за это полковникомъ кавалеріи; отецъ же его спустя нѣкоторое время по возвращеніи въ Алжиръ умеръ отъ полученныхъ ранъ. Тогда Федоръ Эминъ испросивъ увольненіе отъ службы алжирскаго владѣтеля возвратился въ Константинополь къ матери и объявилъ ей желаніе уѣхать въ европейскія страны съ тѣмъ, чтобы тамъ принять христіанскую вѣру, которую она внушала ему съ самаго дѣтства. Для избѣжанія всякаго подозрѣнія онъ отправился въ Смирну и купивъ разныхъ товаровъ на 3,000 червонныхъ, нагрузилъ ихъ

на шведскій корабль и отплылъ въ Гибралтаръ. Но къ несчастію корабль этотъ взятъ былъ салентинскими корсарами и приведенъ въ марокскій городъ Дзумуре. Тутъ Эминъ, какъ магометанинъ и единовѣрецъ Мароканцамъ, просилъ губернатора о возвращеніи его товаровъ, но губернаторъ подозрѣвая, что товары принадлежали не ему, а что онъ былъ только защитникъ корабля, отказалъ въ просьбѣ и хотѣлъ его арестовать, даже лишить жизни. Эминъ видя это, бросился на стоявшую у воротъ губернаторскаго двора верховую лошадь и ускакалъ въ городокъ *Мадзагамъ*, принадлежавшій Португальцамъ, отстоявшій на пять верстъ отъ Дзумуре. Но тамошній губернаторъ, хотѣлъ его, какъ магометанина, сдѣлать невольникомъ. Однакожъ когда Эминъ объявилъ, что онъ ѣхалъ въ Европу для принятія христіанской вѣры, то губернаторъ отправилъ его въ Лиссабонъ. Такъ-какъ португальскій король обыкновенно принимаетъ на аудіенцію всѣхъ иностранцевъ, то допущенъ былъ къ нему и Эминъ; а по открытіи желанія принять христіанскую вѣру, порученъ былъ для наставленія въ вѣрѣ кардиналу Карвалу, у котораго находясь нѣсколько мѣсяцевъ, Эминъ обучался не только христіанскимъ догматамъ, но и языкамъ португальскому и англійскому, употребляемому тамъ довольно часто. Между-тѣмъ, узнавъ различіе исповѣданій римскаго и греческаго, онъ почувствовалъ въ себѣ болѣе склонности къ послѣднему и вознамѣрился ѣхать въ Россію. Поэтому, просилъ у короля позволенія ѣхать будто бы во Францію; король удерживалъ его, обѣщая самъ быть воспріемникомъ отъ купели, однакожъ видя его непоколебимую рѣшимость, отпустилъ. Эминъ, сѣвъ на англійскій корабль, отправился въ Лондонъ, и въ тотъ же день по прибытіи явился къ русскому министру, князю

Александру Михайловичу Голицыну, у котораго былъ окрещенъ въ домовоѣ церкви и вскорѣ потомъ отправленъ въ С.-петербургъ. Такъ показалъ о себѣ въ просьбѣ своей самъ Эминъ, подъ которою подписался Theodoro Eminowsky. Въ приложенномъ же при просьбѣ его паспортъ за подписью князя Голицына означено, что онъ до крещенія назывался *Мегметъ-Эминъ*, рожденъ отъ русскихъ родителей и пріѣхалъ изъ Константинополя, а по принятіи грекороссійской вѣры подъ именемъ *Федора* отправляется въ С.-петербургъ по своей охотѣ. Паспортъ этотъ данъ былъ ему въ Лондонѣ 11 апрѣля 1761 года стараго стиля, и слѣдовательно между выдачею его и подачею Эминомъ просьбы императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ о принятіи его въ службу, протекло не болѣе полутора мѣсяца.

Въ приведенной же книгѣ «*Путь ко спасенію*» напечатано между-прочимъ еще новое извѣстіе объ Эминѣ, сообщенное издателю ея однимъ достовѣрнымъ человекомъ, который сказывалъ, что зналъ его еще въ дѣтствѣ и учился съ нимъ въ кіевской академіи многимъ наукамъ на латинскомъ языкѣ; что хотя положительно онъ и не знаетъ мѣста его отечества, но думаетъ что онъ родомъ изъ Малороссіи, или изъ какого нибудь польскаго мѣстечка, лежащаго не далеко отъ Кіева; ибо прежде Поляки могли пріѣзжать въ Кіевъ безъ препятствія и по окончаніи наукъ вступать въ духовное званіе или гражданскую и военную службу въ Россіи; что Эминъ жилъ даже въ бурсѣ (сиротскомъ домѣ); но имѣя склонность къ странствованію, удалился изъ Кіева и слышно было, что онъ находился въ Константинополѣ. Изъ всѣхъ этихъ разнорѣчащихъ извѣстій, не знаешь чему и вѣрить. Какъ бы то ни было, но замѣчательно, что Эминъ по пріѣздѣ въ С.-п.-бургъ почти не вѣроятно

скоро выучился по-русски; чрезъ два года сдѣлался писателемъ *.

Эминъ имѣлъ необыкновенныя способности, пылкое воображеніе, рѣдкую память и острый умъ; онъ зналъ какъ мы уже сказали нѣсколько языковъ; но всѣ его таланты не были умѣрены благо-разуміемъ, не были основаны на истинной учено-сти — Эминъ былъ головушка буйная; жизнь его хотя не долговременна (ибо онъ жилъ только 35 лѣтъ) но исполнена приключеній. Какъ писатель, Эминъ извѣстенъ своими романами, которыхъ онъ написалъ нѣсколько, ** и которые сюда не отно-сятся; но важнѣйшее его твореніе есть «*Россійская Исторія*», доведенная до 1213 года (т. е. до Всеволо-да III), и напечатанная въ 3-хъ томахъ in 8°, съ 1767—1769 годъ, на счетъ Академіи Наукъ, подъ загла-віемъ: *Исторія россійская жизни всѣхъ древнихъ го-сударей*. Она вмѣщаетъ въ себѣ первый періодъ на-шей исторіи. Сочиненіе это нѣкоторое время пользо-валось у насъ большимъ уваженіемъ, но когда Шлѣ-церъ а за нимъ и другіе озарили нашу исторію свѣ-томъ критики, оно лѣшилось всей своей цѣны. Ав-торъ его пользовался самыми невѣрными источника-ми, вымышлялъ не бывалыя происшествія, и ссы-лается на книги, которыя никогда не существовали. Слогъ Эмина очень шероховатъ, а въ особенностяхъ въ первыхъ книгахъ. Онъ весьма хорошо оправдываетъ

* Эминъ въ числѣ прочихъ сочиненій написалъ романъ подъ за-главіемъ: *Непостоянная фортуна или похождение Мирамонда*, 2 части, напечатанный въ С.-Петербургѣ 1766, 1781 и 1792 годовъ. Въ этомъ романѣ подъ именемъ *Феридата* онъ описалъ собственные свои приключенія.

** Въ теченіе 9 лѣтъ онъ издалъ болѣе 25 своихъ сочиненій и переводовъ.

недостатокъ этотъ въ своемъ предисловіи. Сверхъ того онъ перевелъ съ французскаго Исторію Польскую, сочиненную аббатомъ Солиньякомъ, которой 2 части вышли въ С.-п.-бургъ 1766 года.

Мнѣніе его о нашихъ лѣтописцахъ слѣдующее, онъ говоритъ: что, ихъ мысли, ихъ чувства никогда не возвышались до той свободы ученыхъ людей, съ какою часто пріобыкли они бесѣдовать съ потомствомъ. Историкъ долженъ быть свободный примѣчатель. Многіе изъ нихъ провели жизнь свою въ монастыряхъ, гдѣ привыкши къ строгой монашеской жизни, о дѣлахъ общественныхъ вольно разсуждать не смѣли. Всѣ они поклонялись Нестору; списывали его, раздробляли, украшали—почитая его *повѣсть* непремѣннымъ образцомъ историческаго искусства; но когда сей великій мужъ по смерти своей включенъ былъ въ число святыхъ, тогда уже наши лѣтописцы и помыслить о томъ боялись, что Несторъ могъ ошибиться; неразмышляя въ простотѣ сердца своего, что святость чрезъ угожденіе Богу, а не чрезъ знаніе исторіи пріобрѣтается». *, Послѣ лѣтописцевъ Эминъ добрался и до Байера; въ предисловіи къ своей исторіи, онъ какъ знатокъ восточныхъ языковъ рѣзко обличаетъ академика въ незнаніи ихъ, нападаетъ на его произношеніе, на неправильность правописанія, и говоритъ, что онъ научился имъ изъ лексикона *Менинскаго*, испорченнаго частымъ перепечатываніемъ. Говоря о диссертацияхъ Байера вообще онъ выражается такъ: «Сколько могъ я замѣтить, — онъ старался показать въ нихъ болѣе свою ученость, нежели знаніе россійской исторіи.»

Вотъ слова митрополита Евгенія объ историческомъ

* Корнеевъ 1802 г. стр. 99.

трудъ Эмина: «Сочинитель по недавности своего пребывания въ Россіи не имѣлъ еще времени вникнуть въ источники исторіи нашей, а углублялся только въ иностранныхъ большею частію новѣйшихъ и особливо польскихъ летописателей, которые сами изъ нашихъ же лѣтописей почерпали и многое перечивали; да и на нихъ ссылался не радиво, вездѣ почти безъ означенія мѣста и часто даже невѣрно. Предубѣжденіе его противъ нашихъ лѣтописей нерѣдко ослѣпляло его до того, что онъ вѣнчалъ имъ и то, чего они неутверждаютъ; и напримѣръ въ самомъ предисловіи своемъ приписываетъ онъ Татищеву такія мнѣнія, коихъ самъ Татищевъ не принимаетъ, а вводитъ только повѣствовательно; Ломоносова и даже Нестора часто винить въ неразсмотрѣніи того, чего самъ не разсмотрѣлъ; а Беера вездѣ съ презрѣніемъ бранить; однако самъ же иногда списываетъ даже и ошибки его. Изъ словъ Никоновой лѣтописи * о Друземъ князь, вывелъ онъ Друза князя болгарскаго, о которомъ ни исторія и ни одна древняя извѣстная лѣтопись неупоминаетъ. *Руссъ и Пруссъ* у него все одно, и Пруссъ былъ де братъ императора Августа. Пословицу: *кто противъ Бога и великаго Новгородца?* относитъ къ временамъ еще Рюрика и даже Кіа, и проч. Страннѣежь всего, въ первой его книгѣ о *Древностяхъ Россіи* ссылки на древнихъ авторовъ. Неизвѣстно отъ сбивчивости-ли памяти своей, или отъ надежды на незнаніе своихъ читателей, онъ безъ зазрѣнія совѣсти ссылается на такія повѣствованія и книги древнихъ греческихъ и римскихъ писателей, какихъ въ сочиненіяхъ ихъ никто не находилъ и не слыхивалъ, и напримѣръ у Бероза, Плинія, Тацита, Плутарха, Іосифа Флавія и дру-

* Ч. I. стр. 12.

гихъ указываетъ онъ сказанія о *Славянахъ*, хотя извѣстно что до VI, или до исхода V вѣка ни у одного писателя не находится даже и имени Славянъ. По его ссылкамъ будто бы Полибій писалъ о *Славянахъ*, Ксенофонтъ *Исторію о Скифахъ*, Діоскоръ о *внукахъ Аетовыхъ*, Птолѣмей будто говоритъ, что Славяне поселились около Луцка и Пскова, а Константинъ Порфирогенитъ свидѣтельствуется, будто Россы и Чудь до Египта ѣзжали моремъ, и отъ того де между Чудью много жило Египтянъ и Африканцевъ. Преторія называетъ онъ древнимъ лѣтописателемъ; а извѣстное о Славянахъ и ихъ правахъ первое въ исторіи сказаніе Прокопіево, переводитъ онъ не вѣрно и съ своими прибавками. При томъ часто о такихъ повѣствованіяхъ, которыя трудно основательно и доказать, онъ дѣлаетъ ссылку слишкомъ смѣлыми но неопредѣлительными словами: *Всѣ де, или многіе древніе греческіе, римскіе, польскіе и наши писатели свидѣлствуютъ...* Г. Шлёцеръ замѣтилъ еще (въ своемъ сводномъ нѣмецкомъ Несторѣ), что онъ даже выдумывалъ не бывалыхъ никогда авторовъ и напри- мѣръ какого-то Діодора (но вѣрно не *сицилійскаго*) писавшаго якобы о болгарскомъ князѣ Друзѣ, и будто бы изъ сего Діодора въ нашъ Никоновской лѣтописецъ по большой части почерпнуты описанія о Грекахъ. Много также неслыханныхъ происшествій бралъ онъ изъ какой-то Брунаковой древней литовской лѣтописи, изданной яко бы въ Варшавѣ 1630 года, о которой, какъ говоритъ Шлёцеръ, никто не слыхивалъ. Хотя отъ сего нарѣканія Эминъ и старался оправдаться въ предисловіи къ 3 тому своей исторіи; однакожъ самыя доказательства оправданія его таковы, что остались и до нынѣ ему одному только извѣстны. Къ сему же кажется отнести надобно и ссылки его на *Сильвестрову* лѣтопись (особенную отъ

изданія съ Несторомъ) на *Кіевскія записки*, на *Исторію архієпископа Могилы* и проч. На такихъ-то бездоказательныхъ сказаніяхъ основываясь, онъ вопреки Нестору и другимъ нашимъ лѣтописателямъ утверждаетъ напримѣръ, что Оскольдъ былъ самовластный государь въ южной Россіи за долго еще до пришествія Рюрика къ Новгородцамъ; что онъ воевалъ съ *Агарянами* на Грековъ для отмщенія смерти Бердаса, и угрожалъ царю Михаилу смертію, если онъ не свергнетъ съ престола *соимператора* своего Васисія Македоніянина, что у Оскольда сынъ назывался такъ же Оскольдъ. Много выдумывалъ онъ такъ же и влагалъ въ уста историческимъ лицамъ не естественныхъ и слишкомъ красноречивыхъ декламаций подражая Ливію, Саллюстію, Курцію и проч. А при сводѣ русскихъ лѣтописей впадалъ онъ въ явные анахронизмы, въ генеалогическія и географическія ошибки въ смѣшеніе именъ и напримѣръ: то, что повѣствуется о Задунайскихъ Болгарахъ, часто онъ относилъ къ Болгарамъ Волжскимъ, и что слѣдуетъ разумѣть о червенскихъ городахъ, онъ говорилъ о единопленныхъ имъ русскихъ городахъ, построенныхъ въ восточной Россіи княземъ Юрьемъ Долгорукимъ, а напротивъ того, что писано въ лѣтописяхъ о послѣднихъ, онъ относилъ не рѣдко къ первымъ. При томъ, по примѣру Беера, *Косоговъ* называлъ онъ *Казаками*, *Торковъ* *Турками*, *Берендѣевъ* *Татарами*, и полагалъ даже Татаръ около половины XIII вѣка, жившими уже отъ Днестра до Крымскаго полуострова, не смотря на то, что наши лѣтописи начинаютъ упоминать о Татарахъ не прежде 1224 года и именно говорятъ, что народъ сей до толъ былъ *незнаемый*. По причинѣ такихъ-то неисправностей г. Шлёцеръ (можетъ-быть слишкомъ уже и строго) сказалъ объ

исторіи г. Эмина, что она стыдъ дѣлаетъ вѣку и русской литературѣ.»

Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, родившійся въ 1725 году, получилъ образованіе въ сухопутномъ кадетскомъ Корпусѣ, потомъ находился въ государственной службѣ, дослужился до первыхъ чиновъ и занималъ высшія придворныя должности. Умеръ въ 1796 году. Онъ прославился въ особенности переводами, которые въ свое время почитались образцами слога и изящества. Изъ собственныхъ его сочиненій извѣстнѣйшее: *Опытъ любомудраго и политическаго о государствѣ российскомъ повѣствованія*. Сперва намѣреніе его было только окончить исторію Татищева; и потому онъ началъ писать русскую исторію съ 1462 года, то есть съ кончины великаго князя Василья Васильевича III, на которой остановился Татищевъ. Онъ написалъ три царствованія, до кончины царя Іоанна Васильевича; но потомъ рѣшился сочинить полную русскую исторію до половины царствованія императрицы Елисаветы. Однакожъ успѣлъ довести ее только до 1389 года, то есть до кончины великаго князя Димитрія (VI) Іоанновича Донскаго.

Полный списокъ всего этого сочиненія, исправленный рукою самаго сочинителя, заключающійся въ 5 частяхъ или 15 книгахъ, находился въ началѣ этого столѣтія въ библіотекѣ графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, съ слѣдующею собственноручною надписью автора: *списокъ первый правленный сочинителемъ и при его жизни въ знакъ дружества подаренъ д. статскому совѣтнику Алексію Ивановичу Мусину-Пушкину, охотнику русскія словесности. Иванъ Елагинъ. Л. 1795.* Въ этомъ списокъ переправилъ онъ и годъ начала своего труда 1789, вмѣсто 1790 года. Первая его часть, заключающая въ се-

бъ русскую исторію до кончины великаго князя Владиміра Святославича, напечатана въ Москвѣ 1803 года. Это произведеніе славилось до тѣхъ поръ пока не было напечатано, * но по выходѣ въ свѣтъ оно измѣнило выгодное мнѣніе публики о немъ. Онъ первый хотѣлъ ввести философію и критицизмъ въ исторію. Но философическіе и критическіе взгляды его не лѣпы. Сочинитель рабски придерживался Татищева, мнимой іоакимовой лѣтописи и разныхъ другихъ не достовѣрныхъ сочиненій, вымышлялъ самъ неправдоподобныя толкованія, утверждалъ что Славяне обитали на мѣстѣ Трои до построенія ея, и обвиняя другихъ въ пристрастіи, самъ впадаетъ въ самыя грубыя погрѣшности. Слогъ этого творенія вообще слишкомъ высокопаренъ, витіе-

* Вотъ мнѣніе о немъ одного изъ историковъ-критиковъ конца XVIII столѣтія г. Елагинъ, говоритъ онъ, развязалъ узелъ загадки, отъ чего все наши исторіи такъ сухи, однообразны?—Онъ первый понялъ, что исторія будетъ только одно скучное сцепленіе происшествій, одно утомительное повѣствованіе, пересказанное въ одномъ порядкѣ разными словами, когда оно не оживлено настоящими причинами дѣяній, не украшено политическими и философическими разсужденіями, когда въ немъ нѣтъ живой картины нравовъ, обычаевъ, законовъ государства—нѣтъ оттѣнка дѣйствующихъ лицъ на сценѣ; имѣя сіи достоинства *опытъ* его драгоцененъ, рѣдокъ; и будучи написанъ необыкновеннымъ перомъ, *деуличнымъ*, обращающимъ ко всему свѣту одинаково, живетъ съ скромною свободою своею и до сихъ поръ въ рукописи. Отложивши ласкательство и боязнь, всегдашнія оковы писателей народныхъ, онъ смѣлою кистью тушетъ пороки и добродѣтели дѣйствующихъ и каждому изъ нихъ даетъ настоящее мѣсто, цѣну, вѣсъ; но онъ не энтузіастъ и не фанатикъ; и потому его умозаключенія доказанныя прямою, смѣлою истиною, никогда не выходятъ за предѣлы скромности, и уваженія должнаго главамъ вѣнценосцевъ. Жаль, что все хорошее кроется подъ тѣнію не разрѣшимыхъ обстоятельствъ: но сіе дѣйствительно справедливо, что никто не подалъ мысли смотрѣть на исторію нашу съ такой хорошей точки какъ сей писатель, и никто опять не былъ бы лучшій руководитель для чтенія оной безъ пристрастія и заблужденій».

вать и не вездѣ правиленъ; впрочемъ надобно замѣтить и то, что книга эта напечатана съ неисправнаго списка, и съ весьма многими опечатками, часто затмѣвающими даже самый смыслъ.

Сочинитель посвятилъ трудъ свой *премудрости*, и говоритъ, что писалъ по ея внушенію. Въ предувѣдомленіи онъ говоритъ, что онъ приступилъ къ этому сочиненію исторіи единственно только по привычкѣ къ труду и чтенію, и «прочетши со вниманіемъ многихъ и древнихъ и новыхъ, внѣшнихъ и своихъ о Россіи писателей, ища въ нихъ того, что можетъ удовлетворить и желанію и любопытству читателей; не нашелъ въ чужестранныхъ кромѣ незнанія, или завистливыйя ненависти, и рѣдко правду, на презрѣніи однакожъ всегда основанную; а въ нашихъ ничего дѣяніяхъ достойнаго. Нѣтъ въ нихъ ни слова приличнаго, ни описаній важности, ни верви, повѣствованію свойственной, ниже внимательнаго къ разбору дѣлъ и къ услажденію читателя старанія». Послѣ этого Елагинъ подобно Татищеву пространно излагаетъ значеніе исторіи и какія свѣдѣнія долженъ имѣть историкъ. Миѣнія о древнихъ нашихъ лѣтописяхъ выписываетъ онъ тоже у Татищева, а о новѣйшихъ нашихъ историкахъ большею частью заимствуетъ у Болтина и Эмина, и наконецъ говоритъ: «я потщуся украшать сочиненіе свое подраженіемъ — Тациту, Титу-Ливію, Саллюстію, Плутарху, Ксенофону, Робертсону и Гуму (Юму), и любомудріемъ Пифагора, Платона, Эпиктета, Лейбница; Солонъ, Ликургъ, Гроціусъ и Пуффендорфъ сообщать оному свои наставленія стануть, и паче всего правственная проповѣдь евангельская и непорочнаго богословія важность сердцу и правамъ моего сочиненія дадутъ можетъ быть, притягательную правиться силу. Мысль моя не будетъ лицепріимствомъ управляема, ни рука страхомъ

водима, ниже перо въ желчи смочено и проч.». Однакожь Елагинъ болѣе обѣщалъ чѣмъ исполнилъ. Кроме частыхъ отступленій и разсужденій, которыя не имѣютъ ни какого отношенія къ русской исторіи, онъ почти вездѣ и въ повѣствованіяхъ и въ критическихъ примѣчаніяхъ списывалъ, и витіеватымъ слогомъ украшалъ трудъ Татищева, да и неболѣе какъ въ мѣстахъ пяти всего своего сочиненія, и то почти въ мелочахъ, съ нимъ несогласился, а многое дѣльное пропустилъ. Прочими писателями онъ также пользовался безъ разбора, такъ напримѣръ въ статьѣ о древнихъ сказаніяхъ, онъ довольствуется ссылкой на новѣйшихъ писателей; Іоанна Леклерка онъ дѣлаетъ современникомъ Спинозѣ; римскаго историка Амміана Марцеллина и готскаго Іорнанда онъ причисляетъ къ византійскимъ историкамъ и проч. Во многихъ мѣстахъ у него пробиваются понятія господствовавшія въ его время; онъ часто показываетъ недовѣрчивость къ нѣкоторымъ общепринятымъ началамъ, сомнѣвается въ библейскомъ лѣтосчисленіи, ссылаясь подобно Вольтеру на древнѣйшія астрономическія наблюденія Халдеевъ и Египтянъ, отрицаетъ смѣшеніе языковъ при вавилонскомъ столпотвореніи, мнимаго Египетскаго писателя Тота или Гермеса и финикійскаго Санхоніатона почитаетъ древнѣе Моисея; притомъ замѣчаетъ, что всѣ древнѣйшія ихъ повѣствованія, надобно понимать не въ прямомъ а въ иносказательномъ смыслѣ. Въ исторіи онъ часто безъ основанія легковѣренъ, такъ напримѣръ почитаетъ Скиѳовъ родоначальниками Славянъ и Руссовъ; находитъ Славянъ на мѣстѣ Трои до ея построенія; а Руссовъ, послѣдуя англійскимъ сочинителямъ всемірной исторіи, выводитъ отъ рѣки Кура и Аракса, протекающихъ въ Грузіи, и утверждаетъ, что Руссы и Славяне за долго до Рождества Христова жили близъ Ильменя селе-

ніями и построили тамъ Старую-Руссу и Славянскъ; что языкъ Руссовъ совершенно сходный съ языкомъ Угровъ, и что Готы упоминаемые у Малета были Словяно-Руссы и т. д. Вообще древняя исторія сѣверныхъ Славянъ и Руссовъ основана у него на сказаніяхъ греческихъ и римскихъ писателей, приведенныхъ у Татищева о Скиѣахъ, Сарматахъ, и на отрывкахъ, мнимой, *Іоакимовой лѣтописи*, которую онъ признаетъ достовѣрною. Понятіе о ихъ нравахъ, законахъ и религіи онъ почерпалъ изъ тѣхъ же источниковъ и притомъ изъ общихъ извѣстій о сѣверныхъ народахъ, а большею частію изъ недостовѣрнаго *Словаря русскихъ суетврій*. Въ пополненіе этому онъ часто вдавался въ такія отдаленныя умозаключенія, которымъ нѣтъ никакого основанія въ нашихъ лѣтописяхъ, и которымъ при томъ довольно часто недостаетъ здоровой логики; о Волжскихъ Болгарахъ Елагинъ сказалъ еще болѣе нежели Татищевъ, т. е. что они въ торговлѣ не уступали древнимъ Финикіанамъ и торговали не только съ востокомъ, но даже съ Швеціею и Даніею; полагалъ Холмградъ между Новгородомъ и Старою-Руссою при устьѣ рѣки Явони, впадающей въ Ловать; князя Олега и княгиню Ольгу исключилъ изъ числа владѣтельныхъ великихъ князей. Не смотря на обѣщаніе свое *не омочать перо въ желчи*, часто съ явнымъ ожесточеніемъ описывалъ русскихъ князей, вельможъ, духовенство, отечественныхъ писателей и другихъ.

Елагинъ отвергалъ уже многія древнія повѣствованія, какъ напримѣръ о мщеніи княгини Ольги, о приходившихъ ко Владиміру проповѣдникахъ вѣрь, о посылаемыхъ отъ Владиміра въ разныя страны для испытанія вѣры и проч. Но онъ не сомнѣвался въ томъ, что Владимиръ посылалъ въ разныя государства для обозрѣнія оныхъ и описанія. Замѣчательнѣе же всего

мнѣніе его, будто обращеніе Владиміра, въ христіанскую вѣру произведено представленіемъ драмы, сочиненной супругою его Гречанкою изъ монахинь. Въ повѣствованіи Нестора объ этомъ обращеніи онъ находитъ даже полныя пять дѣйствій совершенной драмы съ хорами!!! Кажется можно къ нему самому примѣнить его же собственныя слова * *часто выборъ къ продолженію дѣяній зависитъ и отъ самыхъ дѣяній по понятіямъ, какія кто прилагать къ нимъ пріобыкъ* **.

Въ половинѣ XVIII столѣтія, когда и въ самыхъ столицахъ не многіе занимались русскою исторіею, — на самомъ сѣверѣ Россіи, въ Архангельскѣ, существовало общество для историческихъ изслѣдованій. Общество это составляли нѣсколько любознательныхъ людей изъ купцовъ архангельскихъ. Главными изъ нихъ были *Оминъ* и *Крестининъ* ***.

Александръ Ивановичъ Оминъ родился 1733 года. Не извѣстно гдѣ учился юный Оминъ, но нельзя полагать, чтобъ онъ получилъ отъ родителей своихъ достаточное образованіе. Въ Архангельскѣ не было еще тогда учебныхъ заведеній.

* Опытъ стр. 408.

** Критическія замѣчанія на его мнѣнія помѣщены въ 10 N° *Вѣстника Европы* 1805 года, также въ *Краткой церковной російской исторіи* митрополита Платона, изданной въ Москвѣ 1805. на стр. 29. Въ нѣмѣцкихъ *Всеобщихъ литературныхъ вѣдомостяхъ* 1804 года подъ № 56 напечатана на эту книгу очень строгая рецензія, которая была переведена на русскій языкъ и съ возраженіемъ помѣщена въ журналъ «*Лицей*» на 1806 г. № 8. Шлёцеръ, котораго Елагинъ нерѣдко задѣвалъ въ своемъ «Опытѣ», тоже написалъ довольно строгую рецензію на это сочиненіе и помѣстилъ ее въ 94 № *Геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостей* 1804 года.

*** Онъ написалъ: *Начертаніе исторіи города Холмогоръ*, С.-п.-б. 1790 г. in 4°. *Краткую исторію о городѣ Архангельскомъ*, С.-п.-б. 1792 г. in 8°. *Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа въ сѣверѣ*; С.-п.-б. 1785 г. in 8°.

Природная склонность, чтение книг и знакомство съ иностранцами, издавна поселившимися въ Архангельскѣ, вѣроятно способствовали развитію его ума и поселили въ немъ любовь къ познаніямъ. Будучи 26 лѣтъ отъ роду (въ 1759 г.) онъ съ Крестининымъ основалъ въ Архангельскѣ родъ историческаго общества, которое, кромѣ ихъ, имѣло своими членами: Василя Нарышкина, Никифора Зыкова и Алексѣя Свѣчникова, также гражданъ архангельскихъ. Цѣлью общества было собраніе древнихъ актовъ, лѣтописцевъ, древнихъ рукописей и другихъ историческихъ матеріаловъ и доставленіе всего эаго въ Академію Наукъ. Не щадя ни трудовъ ни издержекъ, они собрали все что могли изъ частныхъ рукъ. Современники считали это общество противнымъ религіи, называя его членовъ фармазонами * и въ особенности это приписывали Омину.

Не смотря на всѣ препятствія, которыя общество это встрѣчало при исполненіи своего назначенія, оно успѣло собрать множество свѣдѣній, относящихся къ отечественной исторіи. Имъ отысканы: списокъ *Двинскаго лѣтописца* и выписка изъ *Кормчей книги* **. Имѣя намѣреніе осмотрѣть архивы, общество въ 1768 году просило дозволенія архангельскаго губернатора Головцына, но просьба эта не имѣла успѣха, и общество вскорѣ разрушилось. Однакожъ Оминъ и Крестининъ продолжали трудиться по прежнему. Въ 1771 году прибытіе въ Архангельскъ ученой экспедиціи, отправленной Академіею Наукъ подъ начальствомъ

* Фармазонъ испорченное названіе Массоновъ (Франк-массоновъ).

** Первый напечатанъ въ «Опытѣ трудовъ вольнаго русскаго собранія при императорскомъ московскомъ университетѣ» 1774 — 1783, а послѣдняя въ 3-ей части «Продолженія древней русскаго вивліотеки 1788 г.»

Лепёхина неожиданно доставило имъ случай сообщить труды свои Академіи, а вниманіе къ нимъ академика и сотрудника Лепёхина, студента Озерцовскаго, послужило поощреніемъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ. Они сообщили Лепёхину большую часть свѣдѣній, собранныхъ обществомъ; свѣдѣнія эти онъ помѣстилъ въ своихъ запискахъ. Оминъ нашелъ въ Озерцовскомъ друга, что видно изъ переписки ихъ, продолжавшейся безпрерывно съ того времени. Познакомясь съ Озерцовскимъ, Оминъ вѣроятно ободренный его совѣтами, началъ посылать сочиненія свои въ Академію. Это были разныя небольшія статьи объ архангельской губерніи въ историческомъ и топографическомъ отношеніяхъ. Онъ печатались въ издаваемыхъ Академіею «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ». Княгиня Е. Р. Дашкова, замѣтивъ усердіе Омина къ историческимъ изслѣдованіямъ, поощрила его своимъ вниманіемъ. Въ 1788 году она писала къ нему, изъявляя отъ лица всей Академіи благодарность за его труды. При открытіи въ 1785 году въ Архангельскѣ народныхъ училищъ, Оминъ былъ избранъ директоромъ, по назначенію архангельскаго тогдашняго генералъ-губернатора Тутольмина. Въ этомъ званіи Оминъ находился 10 лѣтъ до 1796 года, и сдѣлавшись въ продолженіе сего времени, извѣстенъ своими трудами, избранъ былъ въ члены императорскаго вольнаго экономическаго общества (1795 г.), а въ 1795 г. за безпрерывное его къ наукамъ прилежаніе, какъ сказано въ дипломѣ, выданномъ Академіею, сдѣланъ корреспондентомъ Академіи Наукъ. Любовь и вниманіе ученыхъ того времени побуждали Омина трудиться неусыпно. Онъ имѣлъ переписку съ Баумейстеромъ, Геймомъ, Ейлеромъ, Лепёхинымъ и Мальгинымъ. Кромѣ историческихъ статей Оминъ писалъ также о Бѣломорскомъ краѣ въ географичес-

комъ, статистическомъ и этнографическомъ отноше-
ніяхъ. Вообще сочиненія его какъ матеріалы для ис-
торіи архангельской губерніи, заслуживаютъ внима-
ніе ученаго изслѣдователя отечественной исторіи. При
недостаточномъ его образованіи, онъ замѣчательны
также ясностію и правильностію слога, необыкновен-
ною въ его вѣкъ. Однакожь въ печатныхъ его сочи-
неніяхъ замѣтны постороннія поправки, которыми
самъ Оминъ былъ недоволенъ и жаловался въ пись-
махъ къ Озерецковскому *.

Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, дѣй-
ствительный тайный совѣтникъ, родившійся въ 1744 г.;
до 1784 году находился въ военной службѣ, впослед-
ствіи времени занималъ высшія государственныя дол-
жности. Умеръ въ 1817 году. Графъ Мусинъ-
Пушкинъ былъ ревностнымъ любителемъ русскихъ
древностей: онъ спасъ отъ тлѣнія многіе драго-
цѣнные матеріалы русской исторіи, но собраніе это
все почти погибло въ Москвѣ въ 1812 году. Мы въ
особенности обязаны ему за открытіе и изданіе *Сло-
ва о полку Игоря*, нашей древней рыцарской поэмы,
сочиненной въ XII вѣкѣ.

Слово о полку Игоря до сихъ поръ есть драгоцѣннѣй-
шій и самый древнѣйшій остатокъ поэзіи нашихъ пред-
ковъ. Происшествіе, въ немъ описываемое, случилось въ
1185 году. Удѣльный князь новгородъ-сѣверскій Игорь
Святославичъ, предпринимаетъ походъ въ землю по-
ловецкую. Все готово: «ржутъ кони за Сулою, гре-
«мить слава въ Кіевѣ, трубятъ трубы въ Новѣгоро-
«дѣ, вѣютъ знамена въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила
«брата своего Всеволода». Является Буй-Туръ Всево-

* Оминъ умеръ въ Архангельскѣ въ 1802 году. (Маякъ 1844 г.
№ 10, въ отдѣлѣ смѣси, стр. 54—60).

лодь и юные князья летятъ искать чести и славы. Уже переступили они предѣлы русскіе; Половцы, устрашенные неожиданнымъ нашествіемъ, бѣгутъ; Русскіе преслѣдуютъ и настигнувъ, разбиваютъ ихъ. Пораженные Половцы соединяются, собираютъ новыя, многочисленныя силы, и со всѣхъ сторонъ окружаютъ Русскихъ. Начинается битва: «вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ стрѣлами на храбрыя полки Игоря; стучить земля, шумятъ знамена, мутно текутъ рѣки, прахъ поля покрываетъ:» Русскіе отступили; одинъ *Яръ-Туръ* Всеволодъ стоитъ, — «сыплетъ стрѣлами, стучитъ о шелома мечами харалужными». Игорь видитъ гибель брата своего, спѣшитъ къ нему на помощь, и ужасная битва снова начинается и продолжается три дни; наконецъ пали знамена Игоря. Игорь плѣненъ. Вѣсть о семъ горестномъ событіи достигла престарѣлаго Святослава и нѣжной супруги Игоря, Ярославны: «всталъ Кіевъ тугою и Черниговъ напастями, тоска разлилась по сердцу русской земли». Святославъ возбуждаетъ къ мщенію всѣхъ князей русскихъ: «вступите государи! вступите въ златыя «стремена, за обиду сего времени, за русскую землю, «за раны Игоревы!»... Между-тѣмъ Игорь находитъ случай къ побѣгу: «погасла заря вечерняя: Игорь «бдитъ, Игорь мысленно поля измѣряетъ отъ великаго «Дону до малаго Донца. Готовъ конь въ полночи, Овлуръ свиснулъ за рѣкою, далъ князю знать; «князя Игоря нѣтъ!—Застучала земля, зашумѣла трава: двинулись заставы половецкія;—но князь Игорь «поскакалъ горностаемъ къ тростнику, бѣлымъ гоголемъ на воду; вспрыгнулъ на борзаго коня и соскочилъ съ него быстрымъ волкомъ, и побѣжалъ къ лугамъ Донца, и полетѣлъ соколомъ подъ мглою». Взошло солнце, и освѣтило Игоря въ землѣ русской, и возвеселились всѣ, видя Игоря, и воспѣли славу князьямъ и дружинѣ ихъ.

Таково содержаніе и ходъ этого Слова; что касается до дѣйствующихъ лицъ, или лучше сказать, до лицъ, принимающихъ участіе въ дѣйствіи, то ихъ весьма не много. Главное лице Игорьъ, за нимъ Всеволодъ, потомъ отецъ ихъ Святославъ и наконецъ супруга Игоря, Ярославна.

Игорь представленъ княземъ умнымъ, честолюбивымъ, который, какъ говоритъ поэтъ, *истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа*. Вотъ черта, показывающая характеръ Игоря: въ то самое время, когда Игорь готовъ былъ выступить на Половцевъ съ своею дружиною, случилось знаменіе страшное: мракъ простерся отъ солнца и среди дня покрылъ воинство Игоря тьмою. Мужественный, честолюбивый князь, видя, это вѣщалъ: *братіе и дружино! луцезъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядамъ, братіе! на свои брѣзья комони, да позримъ синяго Дону. Хощу бо копіе преломити конецъ поля половоцкаго; съ вами; Русици! хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону...*

Всеволодъ изображенъ дерзкимъ, запальчивымъ, и неустрашимымъ витяземъ, который, какъ говоритъ поэтъ, не дорожа своею жизнію, для битвы оставилъ Черниговъ, презрѣлъ ласки и мольбы милой своей супруги. Вотъ что говоритъ онъ Игорю при первомъ съ нимъ свиданіи: *сѣдлай, брате! свои брѣзья комони, а мои ти готови, оспѣдлани у Курьска на переди; а мои ти Куряне свѣдоми кѣмети, подѣ трубами повиты, подѣ шеломи взлелѣяны, конецъ копія въскрѣмли, пути имъ вѣдоми; яругы имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изѣострени, сами скачютъ акы стѣрыи влѣци въ полъ, ищучи себѣ чти, а князю слава*.

Святославъ изображенъ государемъ, равно любя-

щимъ и славу и благо своихъ подданныхъ: онъ, по словамъ поэта, прекратилъ безпорядки и междоусобія и грозою бѣшетъ притрепеталъ своими сильными плѣки и жаралужными мечи.

Ярославна является нѣжною супругою, неутѣшною о бѣдствіи Игоря. «Полечу говоритъ она, въ своей горести, полечю зегзицею по Дунаеви; омочю бѣб-
рянь рукавъ въ Каяль рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцемъ его тѣлѣ.»

Другія лица, упоминаемыя въ Словѣ, какъ напримѣръ князь Ярославъ галицкій и проч., представляють, такъ сказать, одинъ только очеркъ, впрочемъ весьма удачный: прекрасно обращеніе поэта къ Владиміру Великому, показывающее, сколь любезна была народу его память: «О, стенать русской зем-
лѣ, воспоминая первыя времена и первыхъ князей! того стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ горамъ кіевскимъ.»

Твореніе это писано на древнемъ народномъ русскомъ языкѣ, близко подходящемъ къ языку Нестора, Мономаха, а въ особенности къ языку кіевской и во-
лынской лѣтописи, и, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, кажется, стихами. * Слогъ его вообще сжатъ и на-

* Въ 1812 году Московское общество любителей россійской словесности опредѣлило предложить сотрудникамъ своимъ вопросъ: на какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоря? на древнемъ ли славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчій? На эту задачу въ 1817 году К. О. Калайдовичъ, подъ именемъ неизвѣстнаго, доставилъ Обществу рѣшеніе, которымъ онъ утверждалъ, что Пѣснь сія писана нарѣчіемъ сходнымъ съ библейскимъ и лѣтописями, и не особеннымъ нарѣчіемъ, а чистымъ языкомъ словено-русскимъ. Но весьма многія слова и цѣлыя словосочиненія польскія, видимыя въ сей Поэмѣ и сходство ихъ съ волинскою лѣтописью заставляютъ полагать, что языкъ ея хотя русскій, однакожь больше заднѣпров-

полненъ блестящими метафорами. Быстрота и сила воображенія составляютъ главное достоинство поэта. Его аллегоріи точны, сравненія и подобія всегда заимствованы отъ предметовъ, его окружавшихъ, что даетъ слогу особенный, народный характеръ. Его вымыслы просты, естественны, олицетворенія живы, обращенія къ различнымъ предметамъ исполнены силою чувствъ и страстію. Въ немъ встрѣчаются слова польскія (изъ чего заключаютъ, что авторъ жилъ въ югозападной Руси) и выраженія нынѣ совершенно утраченныя напр. *зегзица*, *харалужный*, *шерешоры* и проч. Неизвѣстно, кто былъ сочинитель этой эпопеи; судя однякожъ по языку, по сильнымъ чувствамъ и въ особенности по словамъ: «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, иже стягну умъ крѣпостію своею,» и проч., можно полагать, что онъ былъ современникъ Игоря, а можетъ быть и очевидецъ его подвиговъ. О званіи его, что онъ былъ мірянинъ, а не духовный, заключаютъ также изъ того, что онъ приводитъ языческія божества, хотя писалъ уже во времена Христіанства. По нѣкоторымъ мѣстамъ ея можно предполагать, что сочинитель пользовался древними народными русскими поэтами, * которыхъ имена и произведенія поглощены временемъ.

скій и особенно волинскій, сближенный съ польскимъ, а не нашъ украинскій, который началъ смѣшиваться съ польскимъ уже по завладѣніи украинскихъ странъ Литвою съ XIV вѣка или еще позже. Кажется даже, что сочинитель старался писать и не современнымъ себѣ слогомъ; ибо самъ онъ въ началѣ пѣсни говоритъ: «не лѣпо ли ны бѣшетъ, братіе, начати *старыми словесы* трудныхъ повѣстей о плѣку Игоревѣ,» и проч.

* Онъ именно упоминаетъ о древнемъ нашемъ русскомъ трубадурѣ *Болнѣ*, называя его соловьемъ стараго времени, но всѣ старанія отыскать произведенія Бояна или покрайнѣй мѣрѣ подробнѣйшія о немъ свѣдѣнія, до нынѣ были тщетны. Въ наше

Слово о полку Игоревѣ далеко отстоитъ отъ эпическихъ произведеній Греціи и Рима, но красоты его слога не уступаютъ ни Гомеровымъ, ни Виргиліевымъ. Это не поэма, но эпическая повѣсть, прелестное стихотворное описаніе истиннаго происшествія. Выпишемъ слѣдующія два мѣста этого произведенія въ совершенно различныхъ родахъ.

«Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта, летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шелома; трещатъ копія харалужныя, въ полѣ незнаемъ, среди земли половецкыи. Чръна земля подъ копыты, костыми была усѣяна, а кровію полянна; тугою взыдоша по русской земли. — Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднію, падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кровавого вина недоста; ту пиръ докончаша храбрїи Русицы: сваты попойша, а сами полегоша за землю русскую.»

Или «Ярославна рано плачетъ въ Путивлю на забралъ аркучи: О вѣтре, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? чему мычеши хановскыя стрѣлки на своею нетрудною крильцю, на моея лады вои? Мало ти бѣшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синю морь? чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?

«Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забра-

время *Боянъ* опять занялъ нѣкоторые умы; думали долго и наконецъ выдумали что *Боянъ* былъ не кто иной какъ старецъ *Янъ*, упоминаемый *Несторомъ*; слогъ же *бо* есть союзъ ибо, часто встрѣчающійся въ древнихъ памятникахъ, и что переписчикъ незнающій языка грамматически изъ *Янъ бо* или *бо Янъ* составилъ новое имя *Боянъ* (см. *Москвитянинъ* 1842 г.)

лъ аркучи: О Днѣпре, словотицю! ты пробилъ еси ка-
менныя горы сквозю землю половецкую; ты лелѣялъ
еси на себѣ Слатослави посадки до плку Кобякова;
възмелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не
слала къ нему слезъ на море рано.

«Ярославна рано плачетъ въ Путивлю на забралъ
Аркучи: Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! встѣмъ тепло и
красно еси: чему, господине, простре горячую свою
лучю на ладъ вои? Въ полѣ безводиѣ жаждею имъ лу-
чи спряже, тугою имъ тули затче.»

Слово о полку Игоря найдено графомъ Мусинымъ-
Пушкинымъ въ 1796 году въ одномъ древнемъ хроно-
графѣ, белорусскаго письма, по увѣренію его будто
бы конца XIV или начала XV вѣка, а по увѣренію
другихъ, видѣвшихъ этотъ хронографъ не старѣе XVI
вѣка, купленномъ имъ у архимандрита спасо-яро-
славскаго монастыря Іоила. Къ сожалѣнію подлин-
никъ, въ которомъ заключались и другія статьи
историческаго содержанія, утраченъ вскорѣ послѣ
открытія. Пѣснь эта въ первый разъ была издана
вмѣстѣ съ подлинникомъ въ 1800 году въ Москвѣ
подъ заглавіемъ: *Проическая пѣснь о походѣ на
Половцевъ удѣльнаго князя Новгорода - Сѣверскаго
Игоря Святославица, писанная стариннымъ русскимъ
языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ преложеніемъ на
употребляемое нынѣ нарѣчіе. Надъ переводомъ и сочи-
неніемъ примѣчаній трудились: А. Ѳ. Малиновскій,
Н. Н. Бантышъ-Каменскій и графъ А. И. Мусинъ-Пуш-
кинъ; * въ 1803 году явился: Походъ Игоря, противу
Половцевъ, преложенный стихами Иваномъ Сиряко-
вымъ, въ Санктпетербургѣ in 8°. Второе изданіе съ*

* Въ концѣ книги приложена еще поколѣнная роспись великихъ и
удѣльныхъ князей, упоминаемыхъ въ этой пѣснѣ.

замѣчаніями и новымъ переводомъ *А. С. Шишкова* помѣщено въ I-й части *Сочиненій и переводовъ*, издаваемыхъ *Россійскою Академіею* (С.-п.-б. 1805 года,) безъ поколѣнной только росписи. Въ 1813 вышла *Ироицкая пѣснь о походѣ Игоря на Половцевъ*, писанная на славянскомъ языкѣ въ XII столѣтіи; переложена въ стихи *Иваномъ Левитскимъ*. Санктпетербургъ, въ 8-ю. * Въ 1819 году, *Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новгорода - Сѣверскаго*, вновь переложенное *Яковомъ Пожарскимъ*, съ критическими примѣчаніями. Санктпетербургъ въ 8°. — Разборъ этаго перевода былъ помѣщенъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* того-же года, а антикритика въ *Сынѣ Отечества* въ N N 32 и 33. Нѣкоторыя поправки перевода сдѣлалъ также *Н. М. Карамзинъ* при разсмотрѣніи этой поэмы въ 3 томѣ *Исторіи Государства Россійскаго*. Въ 1823 году: *Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII вѣка на славенскомъ языкѣ прозою, и съ оной преложенная стихами древнѣйшаго русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ буквальнаго преложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, практическимъ разсужденіемъ и родословною*, *Николаемъ Грамматинымъ*; въ Москвѣ, in 8°. — Въ новѣйшее время *Слово* это вызвало сочиненіе: *О подлинности древняго русскаго стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ, «Слово о полку Игоревѣ», Игоря Святославича, сына Ольгова, С. Руссова*. Санктпетербургъ 1834 года in 8°. — Разборъ мнѣнія г. Руссова былъ помѣщенъ въ «*Библіотекѣ для чтенія*» 1835 г. N 1. — Спустя два года явился превосходный разборъ *Слова*

* Кромѣ Левитскаго поэму эту перелагали въ стихи *Александръ Палицынъ* и *Никол. Иванов. Языцкій*.

о полку Игоревъ г. Максимовича; разборъ этотъ былъ напечатанъ въ Журналъ министерства народнаго просвѣщенія въ трехъ статьяхъ: первая двѣ статьи въ 1836 г. (мѣсяцъ Апрель, стр. 1—22 и Іюнь стр. 439—470) а третья въ 1837 году (Январь стр. 29—58). — Въ 1839 году въ Одессѣ вышелъ новый переводъ подъ заглавіемъ: *Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святослава, внука Олегова переложенная Михаиломъ Де-ла-рю*. Последнее изданіе Слова было въ 1844 году и въ этомъ году представлено къ соисканію Демидовской преміи. Мусинъ-Пушкинъ напечаталъ также въ первый разъ *Русскую правду* въ Санктпетербургѣ 1799 года.

Духовная Владиміра Мономаха, издана имъ въ С-пб. 1793 г. Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ (род. 1053 г. ум. 1125 г.) принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ князей русскихъ, которые не только покровительствовали просвѣщенію, но и сами занимались науками. Поученіе его къ дѣтямъ, образецъ кротости и любви къ ближнему, есть вмѣстѣ и образецъ краснорѣчія. Содержаніе духовной Владиміра Мономаха составляютъ два предмета: нравственное наставленіе дѣтямъ и краткое описаніе жизни сего князя. Языкъ въ сочиненіи этомъ тотъ же, что и въ лѣтописи Нестора, приведемъ примѣръ.

«Дѣти мои! похвалите Бога, давшего намъ милость свою, а се отъ худого моего безумія наказаніе:... убогихъ забывайте, но елико могуще по силѣ кормите и опридавайте сиротъ и вдовицю оправдате сами, а невдавайте сильнымъ погубити челоуѣка. Ни права ни крива неубивайте, ни повелѣвайте убити его, аще будетъ повиненъ смерти... Пачеже всего гордости неимѣйте въ сердци и въ умѣ... старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. Въ дому своемъ нелѣнитесь, но все видите; незрите на тѣуна ни на отрока, да не посмѣются приходящїи къ вамъ и дому вашему, ни

обѣду вашему... Чти гость отъ куду же къ вамъ пріидеть, или простъ или добръ (знамешить) или соль (посоль) аще не можеша даромъ, то брашномъ и питіемъ... больного присѣтите, надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвы есмы, и чловѣка не мишите непривѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти».

Послѣ этихъ и многихъ другихъ наставленій, подкрѣпленныхъ текстами изъ псалмовъ и молитвами, Мономахъ описываетъ дѣтямъ походы свои, охоту къ звѣриной ловлѣ и вообще домашнюю жизнь, послѣ чего продолжаетъ:

«Да сю грамотицу прочитаючи потснѣтесе на вся дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Смерти бо ся дѣти небоячи, ни рати, ни отъ звѣри, но муское дѣло творите, каковы Богъ подасть... Никто же васъ не можеть вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно: а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья немогутъ отъяти! отче добро есть блюсти, Божіе блюденіе лѣпѣе есть чловѣческаго».

Такъ оканчивается поученіе; слѣдующія за тѣмъ нѣсколько страницъ представляютъ отрывокъ изъ посланія Владиміра Мономаха къ брату его Олегу, писаннаго по видимому въ концѣ XI вѣка, или покрайней-мѣрѣ въ началѣ XII вѣка. Олегъ умеръ въ 1114 году, духовная же или поученіе писано, какъ полагаютъ, между 1119 и 1125 годами. Вѣроятно переписчикъ, имѣя и то и другое въ рукахъ своихъ, принялъ ихъ за одно сочиненіе и слилъ вмѣстѣ.

Въ отрывкѣ упомянутаго посланія видны также кротость и смиреніе духа, какія находимъ въ поученіи; — нельзя однакоже не замѣтить, что посланіе писано съ большимъ искусствомъ и жаромъ; оно мо-

жетъ служить образцомъ краснорѣчія своего времени. Выписываемъ нѣсколько мѣстъ:

« Да се ти написахъ, запе принуди мя сынъ твой, его же еси хрстилъ, иже то съдѣтъ близъ тебѣ, прислалъ ко мнѣ мужъ твой грамота река: «Ладимся и смиримся а братцю моему судъ пришелъ; а въ ему небудевъ мѣстники, но взложивъ на Бога, а стануть вси * предъ Богомъ, а русьскы земли не погубимъ!» и азъ видѣхъ смиренье сына своего и сжалихся, и Бога устрашихся, рекохъ: онъ въ юности своей и безумьи сѣ смѣряеть ся, на Бога укладаетъ; азъ, человекъ грѣшенъ, паче всѣхъ человекъ!—Послушахъ сына своего написахъ ти грамоту, аще ю приѣмши съ добромъ ли поруганіемъ, все же узрю на твоёмъ писаньи. Сими бо словеса варихъ ты его же почаяхъ отъ тебѣ смѣреніемъ и покаяніемъ, хотя отъ Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ **. Господь бо нашъ не человекъ есть, но Богъ всей вселенной; иже хочетъ, въ мегновеніе ока, вся створити можетъ ***. То самъ претерпѣ похуленіе, и оплеваніе и удареніе, и насмерть вдая, животомъ владея и смертию; а мы что есмы? Человѣци грѣшнии! ли сей день живы а утро мертвы! день въ славѣ и чти, — а завтра въ гробъ, и безпамяти, инѣ собраніе наше раздѣлятъ! — зри братъ отца наю: что взяста или чимъ... има по ротъ, но токмо оже еста створила души свои!—но да сими **** словесы, пославше бѣше впреди братъ ко мнѣ варати мене».

* Въ печат. си.

** Кажется недостаетъ слова *отпущеніе*.

*** Въ изданіи 1792 напечатано: *хочетъ*, но это явная описка.

**** Въ печатной такъ: *но даси ми*; но здѣсь сдѣлана другая разстановка словъ.

«Егда же убиша дитя мое и твое предъ тобою и бѣше тебѣ узрѣвше кровь его и тѣлу увядшую, яко цвѣту нову процвѣтшую, якожъ Агнцю заколену, и рещи бѣше стоя надъ нимъ, вникнувши помысли души своей: увѣ мнѣ! что створи хъ, и пождавъ его безумья, свѣта сего мечетного кривости ради налѣзохъ грѣхъ себѣ, отцю и матери слезы!.. А къ Богу бѣше покайся, а ко мнѣ бѣше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть въ ней ни зла ни добра, да быхъ обуимъ оплакаль мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсни имѣсь; не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею за грѣхи своя! а Бога дѣля пусти ю ко мнѣ въ борзѣ съ первымъ словомъ, да съ нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядетъ аки горлица, на сусѣ дровъ жалѣючи! а азъ утѣшуся о Богѣ. Тѣмъ бо путемъ шли дѣды отецъ нашихъ! судъ отъ Бога ему пришелъ, а отъ тебе.»

Приведенныхъ нами отрывковъ, кажется, достаточно для того чтобы судить о важности этого историческаго памятника; издатель духовной его всеьма справедливо говоритъ: хотя рукопись сія и невелика, но представляетъ, какъ на яву, тогдашняго вѣка обычаи, нравы, знанія и множество разныхъ дѣяній, о которыхъ лѣтописи со всѣмъ умалчиваютъ.

Собственное произведеніе графа Мусина-Пушкина есть *Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Тмутараканскаго Княженія*, изданное въ С-пб. 1794 года.

Важнѣйшимъ обработывателемъ исторіи внутренней и внѣшней политики Россіи должно признать по всей справедливости Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго. Мы не намѣрены излагать полную исторію его жизни, это не наше дѣло, ограничимся только слѣдующимъ: Н. Н. Бантышъ-Каменскій родился въ Малороссіи 1737 г., учился сначала въ кіевской

духовной академіи, а потомъ въ московской академіи и университетъ (гдѣ слушалъ исторію у профессора Рейхеля). По окончаніи наукъ онъ опредѣленъ былъ на службу въ архивъ Кол. Иностр. Дѣлъ; этому случаю онъ обязанъ всею своею славою. Много ли у насъ такихъ людей, которые бы подобно Бантышъ-Каменскому умѣли извлечь такую великую пользу изъ своей службы, не только для себя, но и для всего отечества, и увѣнчали свои многолѣтнія труды такою славою! Окончивъ науки въ 1762 г. на 25 г. своей жизни, и зная нѣсколько древнихъ и новыхъ языковъ *, онъ поступилъ актуаріусомъ въ архивъ Кол. Ин. Дѣлъ, которымъ тогда завѣдывалъ Миллеръ. Нѣтъ сомнѣнія что этотъ ученый не мало содѣйствовалъ къ направленію дѣятельности Николая Николаевича по предмету отечественной исторіи. Б. К. всю жизнь свою прослужилъ въ арх. Кол. Иностр. Дѣлъ; впоследствии времени сдѣланъ былъ главнымъ начальникомъ онаго и получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Отъ долговременнаго пребыванія въ сырыхъ архивскихъ погребахъ и послѣдовавшей отъ того простуды, Б. К. еще въ 1780 г. лишился нѣсколько слуха, а потомъ и совершенно оглохъ. Но любовь его къ историческимъ занятіямъ оттого неохладѣла и когда вице-канцлеръ графъ Остерманъ предложилъ ему въ 1781 году мѣсто оберъ-секретаря при Коллегіи въ С.-п.-бургѣ: то онъ предпочелъ этому выгодному посту свою спокойную службу въ архивъ и занятія по склонности, и въ это-то время онъ окончилъ *Дипломатическую выписку изъ сношей російскаго двора*

* Онъ зналъ языки: греческій древній и новыи, латинскій, французскій, италіанскій и польскій.

съ польскимъ. Для составленія ея онъ долженъ былъ прочесть 255 книгъ и множество польскихъ столбцовъ, коими наполнены три большіе шкафа. Это было первое и, такъ сказать, пробное сочиненіе составленное по предписанію императрицы Екатерины II, данному Миллеру 1779 г. объ описаніи московскаго архива по примѣру Дюмоновой Дипломатики. Въ 1780 г. Миллеръ, представляя эту книгу Иностранной Коллегіи, писалъ: «Поощренія мои приняты съ пользою. Тому свидѣтельствуетъ приложенная при семъ рапортъ книга, сочиненная о *Польскомъ Дворѣ* г. Бантышемъ-Каменскимъ, простирающаяся отъ временъ вел. кн. Іоанна Васильевича по владѣніе царя Михаила Ѳеодоровича», и чрезвычайно рекомендовалъ государынѣ сочинителя; а въ слѣдующемъ году, повторивъ эту же рекомендацію, выпросилъ ему повышеніе чиномъ. Даже и предъ смертію своею въ 1783 году Миллеръ писалъ къ тогдашнему министру Иностранныхъ Дѣлъ, графу Никитѣ Ивановичу Панину, чтобы «и по немъ оставлены были при архивѣ надворные совѣтники Соколовскій и Бантышъ-Каменскій, яко полезные сему мѣсту, и что бы по смерти его раздѣлили имъ его жалованье, а новыхъ не опредѣляли.» Желаніе Миллера было исполнено, и оба они по его смерти остались при Архивѣ, начальствующимъ же опредѣленъ былъ ихъ товарищъ Штриттеръ. Въ 1792 г. Николай Николаевичъ представилъ министру Иностранныхъ Дѣлъ, графу Безбородкѣ *Дипломатическую выписку изъ сношеній російскаго двора съ китайскимъ отъ 1649 до 1792 года*. Въ 1794 году по препорученію императрицы онъ сдѣлалъ выписку изъ архивскихъ бумагъ о *Польскихъ Уніатахъ*. Книгу эту онъ въ томъ же году представилъ чрезъ графа А. И. Мусина-Пушкина; сочиненіе его имѣло вліяніе на произведенное тогда обращеніе Уніатовъ. По увольненіи

Штриттера въ 1800 году, Бантышъ-Каменскій былъ утвержденъ въ званіи управляющаго архивомъ. Въ 1801 году графъ Ѳ. В. Ростопчинъ представилъ государю первую часть новаго сочиненія Б. К. Сокращеннаго извѣстія о взаимныхъ между россійскими монархами и европейскими державами посольствахъ, перепискахъ и договорахъ, хронящихся въ государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Множество подобныхъ трудовъ изложено будетъ ниже. Съ 1809 года здоровье Н. Н. стало значительно ослабѣвать; а роковой 1812 г. еще болѣе разстроилъ оное. Въ августъ мѣсяцъ этого года получилъ онъ повелѣніе вывезти изъ Москвы весь ввѣренный ему архивъ; приказаніе съ удивительною скоростію было исполнено, и драгоценныя остатки старины очутились въ Нижнемъ-Новгородѣ. Николай Николаевичъ столько заботился о сбереженіи этого дипломатическаго сокровища, что не имѣлъ времени спасти своихъ собственныхъ бумагъ и библіотеки, которые сдѣлались жертвою пожара, опустошившаго Москву.

Изложимъ полную перечень всѣхъ ученыхъ трудовъ незабвеннаго Николая Николаовича Бантышъ-Каменскаго:

По вступленіи въ службу при архивѣ, первымъ его сочиненіемъ было: *Историческое показаніе о времени соцарствованія и о формѣ титуловъ царевны Софій Алексѣевны*, оконченное 1766 года. 2) *Отвѣты*, на заданные въ 1766 г. профессоромъ Таубертомъ два вопроса о томъ: «Кто изъ великихъ князей началъ писаться *Господаремъ* всея Россіи и съ котораго года? и великій князь Василій Ивановичъ писался ли *Царемъ* въ публичныхъ документахъ и съ котораго года?» сочинены 1766 г. 3) *Опись и приводъ въ исторической по годамъ порядокъ старинныхъ новгородскихъ и великихъ князей грамотъ*, списан-

ныхъ съ подлинниковъ его рукою, сочинена 1767 г. 4) Выписки о вѣданіи кіевопечерской лавры, съ приписными къ оной монастырями въ Коллегіи Иностр. дѣлъ, сочинены 1769 года. 5) Выписка о бывшихъ во время царя Алексѣя Михайловича, съ 1649 по 1652 годъ, съ имеретинскимъ владѣльцемъ Александромъ, перепискахъ, касающихся до принятія его съ имеретинскою землею въ руссійское подданство, съ показаніемъ въ оной и того, что можетъ служить къ объясненію положенія Имеретіи, сосѣдства ея и внутренняго состоянія, относительно силы, нравовъ и правительства. Въ этой выпискѣ онъ между-прочимъ показалъ, что грузинскіе и имеретинскіе владѣльцы еще въ 1586 году имѣли объ этомъ же предметѣ сношенія съ руссійскимъ дворомъ, и сдѣлалъ выписку не только изъ нихъ, но и о сношеніяхъ происходившихъ въ 1700 г. сочин. тогоже 1769 г. 6) Выписка изъ всѣхъ дѣлъ, происходившихъ между руссійскою и турецкою имперіями съ 1512 по 1700 годъ, сочинена по порученію Миллера, для поднесенія императрицѣ Екатеринѣ II, 1770 г. 7) Выписка о братскихъ въ Сибири Калмыкахъ, того жъ 1770 г. 8) Реестръ историческимъ и церемоніальнымъ дѣламъ, хранящимся въ архивѣ и содержащимъ въ себѣ: а) Избраніе, постановленіе, коронованіе и браки руссійскихъ государей; б) Обряды, происходившіе при рожденіи, принятіи въ греческую вѣру, обрученіи, бракосочетаніи и погребеніи царской фамиліи; с) Вѣзды государей въ столичные города; д) Описаніе титуловъ царскихъ и гербовъ; е) О намѣстничествахъ и о чинахъ древнихъ и новыхъ; также объ учрежденіи правленій и восточныхъ нѣкоторыхъ обрядовъ, и ф) О самозванцахъ, измѣнникахъ, бунтовщикахъ и проч. 9) Разборъ и описаніе дѣлъ князя Менищикова въ 38 сундукахъ хранившихся, сочин.

1775 г. 10) Выписка о караванахъ въ Китай, сочин.
 1776 г. 11) Реестръ по алфавиту дворовъ, бывшимъ
 въ Россіи европейскимъ и азіатскимъ посламъ, по-
 сланникамъ и гонцамъ отъ древнихъ временъ до вос-
 шествія на престолъ государыни Елисаветы Пет-
 ровны, сочин. 1777 г. 12) Дипломатическое собраніе
 дѣлъ польскаго двора, съ самаго оныхъ начала по
 1700 г., сочиненное въ продолженіи 1780, 1781 и
 1784 г. въ 5 томахъ. 13) Дневная записка всѣмъ дѣ-
 ламъ, входящимъ и исходящимъ, въ Коллегіи Иностр.
 Дѣлъ, съ 1727 года по 1738 годъ, въ 13 томахъ, окон-
 чена 1784 г. 14) Извѣстіе о хранящихся въ архивѣ
 бумагахъ, сочиненное систематическимъ порядкомъ
 1784 г. 15) Дипломатическое собраніе дѣлъ между
 російскимъ и китайскимъ государствами, съ 1619
 по 1792 годъ, окончено 1792 г. 16) Историческое
 извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Уніи, съ показа-
 ніемъ начала и важнѣйшихъ въ продолженіе оной
 чрезъ два вѣка приключеній, паче же о бывшемъ отъ
 Римлянъ и Уніатъ на благочестивыхъ тамошнихъ
 жителей гоненіи. Сочинено по высочайшему повелѣ-
 нію императрицы Екатерины II, объявленному сочи-
 нителю чрезъ оберъ-прокурора святѣйшаго Синода
 А. И. Мусина-Пушкина, 1795 г., напечатано въ Моск-
 вѣ, въ синодальной типографіи 1805 года in 8°, по
 предложенію Амвросія, митрополита новгородскаго.
 17) Описаніе вновь азіатскихъ дворовъ: а) Греческихъ
 духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; б) Китайскаго двора;
 и с) Дѣлъ молдавскихъ и волосскихъ, окончено 1797
 г. 18) Описаніе дѣлъ о выѣздахъ въ Россію, окончено
 1798 г. 19) Реестръ и описаніе малороссійскихъ и
 татарскихъ дѣлъ, окончено 1799 г. 20) Сокращен-
 ное дипломатическое извѣстіе о взаимныхъ перепис-
 сяхъ російскаго двора съ иностранными, располо-
 женное въ IV частяхъ. Въ I-й содержится переписка:

а) съ австрійско-цесарскимъ дворомъ, б) съ англійскимъ, с) съ венгерскимъ, d) съ испанскимъ, е) съ голландскою республикою, f) съ датскимъ дворомъ. Во II-й части съ Имперіею Римскою; g) съ имперскими городами, и h) съ италіянскими владѣтелями. Въ III-й части: i) съ Курляндіею, k) съ лифляндскимъ, эстляндскимъ и финляндскимъ княжествами, l) съ польскимъ дворомъ, m) съ португальскимъ. IV часть заключаетъ переписку съ дворами: n) прусскимъ, o) французскимъ и p) шведскимъ. Этотъ важнѣйшій и долготнѣй трудъ, содержащій въ себѣ всѣ сношенія иностранныхъ дворовъ съ русскимъ, какъ то: обоюдныя переписки, посольства, договоры и проч. отъ самыхъ отдаленныхъ временъ до 1800 года, можетъ доставить нашимъ изыскателямъ въ сокращенномъ обзорѣ свѣдѣнія о связяхъ государственныхъ съ каждою изъ упомянутыхъ державъ. Николай Николаевичъ 37 лѣтъ занимался составленіемъ этого сокращенія, и въ теченіе 1800, 1801, 1802 и 1804 годовъ переслалъ его по частямъ въ Кол. Иностр. Дѣлъ. Этимъ трудомъ, кажется, исполнено желаніе императрицы Екатерины II, изъявленное Миллеру въ 1779 г. о приведеніи въ порядокъ всѣхъ россійскихъ дипломатическихъ сношеній, по примѣру славнаго Дюмонова дипломатическаго собранія, изданнаго въ 19, 28 и 30 томахъ in fol., съ 1725—1739 годъ. 21) Историческое показаніе, о россійско-императорскомъ титулѣ, съ объявленіемъ: а) Въ которое время оный титулъ въ Россіи начался? б) Съ какими европейскими дворами и когда именно происходило сношеніе, относительно признанія и утвержденія онаго титула? с) Въ чемъ состояли чинимыя съ россійской стороны требованія и какіе получаемые были на оныя отзывы и d) На какомъ условіи оное признаніе отъ первенствующихъ дворовъ Европы было учи-

нено? окончено 1809 г. 22) Выписка съ 1742 по 1762 годъ изъ встъхъ конференцій, бывшихъ въ Россіи чужестранныхъ министровъ, слѣдующихъ дворовъ: а) австрійско-цессарскаго, б) англійскаго, с) испанскаго, d) голландскихъ штатовъ, е) датскаго, f) прусскаго, g) французскаго и h) шведскаго; оконч. 1803 и 1804 годовъ. 23) Разборъ и описаніе: а) Дѣлъ турецкаго двора, съ бумагами комиссіи взятыми въ Хотинъ, б) Пограничныхъ дѣлъ съ польскимъ дворомъ, бывшихъ разныхъ комиссій, с) Дѣлъ сербскихъ, славянскихъ и другихъ смѣжныхъ съ ними народовъ, d) Пополненіе дѣлъ аксайскихъ, азіатскихъ, е) Андрусовской деревни, f) арабскихъ, g) балахинскихъ, h) башкирскихъ, i) бухарскихъ, k) грузинскихъ и имеретинскихъ, l) едизанскихъ Татаръ, m) зюнгорскихъ, n) индѣйскихъ, o) кабардинскихъ, p) калмыцкихъ, q) каракалпацкихъ, r) киргизъ-кайсацкихъ, s) крымскихъ съ 1577 по 1700 г., t) кубанскихъ, u) кумыцкихъ, v) муганской въ Персіи степи, w) мунгальскихъ, x) ногайскихъ, y) сальтанаульскихъ, z) трухменскихъ и хиванскихъ; съ 1805 по 1809 г. 24) Разборъ и реестръ дѣламъ бывшей между Россіею и Пруссіею войны, съ 1756 по 1763 г. окончено 1808 г. 25) Описаніе дѣлъ царствованія императрицы Елисаветы Петровны, съ 1742—1762 г., присланнымъ изъ Коллегіи, сочин. съ 1809 до 1810 г. 26) Алфавитъ содержащимся въ книгахъ московскаго Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ архива входящихъ и исходящихъ дѣлъ матеріямъ, съ 1720 по 1811 годъ. Въ заглавномъ листѣ помѣстилъ онъ слѣдующее: «Упоминаемый алфавитъ составленъ изъ 94 книгъ архивскихъ входящихъ и исходящихъ дѣлъ по 1-е іюня 1811 года. Сіе учинено, дабы облегчить трудъ въ пріискахъ, которые иногда отвлекаютъ служителей отъ нужнѣйшихъ дѣлъ.»

Послѣдній трудъ Бантынь-Каменскаго состоялъ въ приготовленіи къ печати *Государственныхъ грамотъ и договоровъ*, прежде имъ описанныхъ и приведенныхъ въ хронологическій порядокъ, изъ коихъ первая часть напечатана подъ его наблюденіемъ въ 1813 году, на иждивеніи государственнаго канцлера, графа Николая Петровича Румянцева. *Записки объ исторіи російской іерархіи*, составленныя имъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ въ XVIII большихъ портфеляхъ, погибли въ 1812 г., во время нашествія Французовъ. Но онъ всѣ были сообщаемы преосвященному Евгенію митрополиту кievскому при изданіи *Исторіи російской іерархіи* и почти всѣ помѣщены въ этой книгѣ. Такую же участь имѣли, въ числѣ собственноручныхъ его рукописей, *Хронологическое извѣстіе о всѣхъ достопамятныхъ въ російской имперіи происшествіяхъ со временъ царя Михаила Ѳеодоровича по 1799 годъ*; и собраніе (вчернѣ) любопытнѣйшихъ его писемъ къ разнымъ лицамъ и ихъ отвѣтовъ. Такъ какъ Б. К. велъ переписку со всѣми почти государственными сановниками своего времени и всѣ эти письма хранилъ у себя въ портфеляхъ: то онъ могли бы быть весьма интересны для новѣйшей отечественной исторіи. Сверхъ того, онъ участвовалъ въ изданіи многихъ сочиненій, доставляя сочинителямъ матеріалы, какъ-то: въ Древнюю Рос. Вивліюѳику, издаваемую Новиковымъ, въ Географическій словарь російскаго государства, издаваемый Щекатовымъ и Максимовичемъ, въ сборникъ Туманскаго, въ Голиковы Дѣянія Петра Великаго, и многія другія. Онъ также перевелъ съ французскаго *Исторію Петра Великаго*, сочиненную Волтеромъ, но рукопись эта сдѣлалась жертвою пожара въ 1812 году.

Русскія духовныя семинаріи обязаны Николаю Николаевичу изданіемъ почти всѣхъ своихъ классическихкихъ учебныхъ книгъ. Изъ этаго очерка литератур-

ной дѣятельности Бантышъ-Каменскаго видно, что источники внѣшней русской политики приведены въ порядокъ и исчерпаны имъ совершенно. До изданія всѣхъ его сочиненій, всякая попытка на этомъ поприщѣ будетъ уже повтореніемъ сдѣланнаго имъ, если не со всѣмъ поверхностнымъ трудомъ; потому что не всѣ могутъ пользоваться тѣми источниками которые онъ имѣлъ подъ рукою *.

Семенъ Башиловъ по выходѣ изъ московскаго университета, сначала служилъ учителемъ въ семинаріи троицкой лавры, потомъ (1764) переводчикомъ при Академіи Наукъ. Въ это время онъ занимался изданіемъ *Русской лѣтописи по Никонову списку*, подъ руководствомъ Шлёцера; первая часть ея вышла въ 1767 г. а вторая издана въ 1768, съ помощію переводчика академіи *Польнова*; это изданіе достойно замѣчанія потому, что оно первое напечатано исправно, какъ слѣдуетъ. Въ какія подробности, въ какія мѣлочныя изысканія не входили издатели, чтобы только сохранить всю подлинность рукописи! И дѣйствительно нѣтъ рукописи, которая была бы издана точнѣе, конечно судя по тогдашнему времени. Потомъ онъ издалъ: Судебникъ царя и великаго князя *Іоанна Васильевича*, законы изъ Юстиніановыхъ книгъ, указы дополнительные къ судебнику, таможенный уставъ царя и великаго князя *Іоанна Васильевича*. С.-п.-б. 1768 г. in 8°. Въ 1769 г. по отъѣздѣ

* Бантышъ-Каменскій умеръ въ началѣ 1814 года и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ. Подробнѣйшее и любопытное жизнеописаніе его съ присовокупленіемъ надгробнаго слова и гравированнаго портрета, а также каталога лѣтописей и другихъ рѣдкихъ рукописей и портретовъ, подаренныхъ имъ архиву Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и собственныхъ его сочиненій, издано сыномъ его *Димитріемъ Николаевичемъ* на русскомъ и французскомъ языкахъ, въ Москвѣ 1818 года in 4°.

Шлёцера за границу онъ былъ переведенъ въ комиссію сочиненія новаго уложенія, въ должность сочинителя; въ 1770 году опредѣленъ въ Сенатъ секретаремъ и черезъ годъ скончался имѣя только около 30 лѣтъ отъ роду. Мы не говоримъ о сочиненіяхъ и переводахъ Башилова; они сюда не относятся. Ему обязанъ Шлёцеръ своими познаніями въ русской исторіи.

Нѣкоторые приписывали Башилову также изданіе Несторовой лѣтописи и сочиненіе къ ней предисловія, но это несправедливо и относится не къ нему, а къ Баркову.

Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, профессоръ краснорѣчія въ московскомъ университетѣ, членъ разныхъ ученыхъ обществъ. Онъ учился сначала въ московской духовной Академіи а потомъ въ гимназіи находившейся при Академіи Наукъ, гдѣ онъ слушалъ исторію у Фишера и Струбе; Барсовъ опредѣленъ былъ въ московскій университетъ по смерти Поповскаго (въ 1761 году) на его мѣсто. Главнымъ его занятіемъ была русская грамматика, но когда императрица Екатерина II вознамѣрилась издать свои Записки касательно русской исторіи, и повелѣла въ московскомъ университетѣ сдѣлать сводныя выписки изъ разныхъ русскихъ лѣтописей, начиная съ 1224 года: то кураторъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ поручилъ это дѣло въ 1783 году профессору Барсову, который вмѣстѣ съ профессоромъ Чеботаревымъ вскорѣ доставилъ въ кабинетъ нѣсколько тетрадей такого свода съ картами. Еще до этого онъ написалъ для комиссіи о сочиненіи новаго уложенія много проектовъ для постановленій касательно дворянства. Барсовъ составилъ также *Сводъ бытій російскихъ*, напечатанный въ «Московскомъ журналѣ» 1792 г. во 2 ч. По кончинѣ

его * библіотека и всѣ бумаги были куплены А. И. Мусиномъ-Пушкинымъ, который нашелъ между ними много лѣтописей и рѣдкихъ книгъ; собственноручныя же «Записки» Барсова были отданы въ архивъ Кол. Ин. Дѣлъ.

Теодоръ Баузе, профессоръ правъ, московскаго университета, родился въ Саксоніи (1752 г. умеръ 1812 г.), учился въ лейпцигскомъ университетѣ словеснымъ, историческимъ и юридико-политическимъ наукамъ, по окончаніи которыхъ вызванъ въ Россію. Онъ занимался съ большимъ успѣхомъ русскою археологіею, а въ особенности нумизматикою. Изъ сочиненій его къ нашему предмету относится Слово на день вступленія на престолъ Екатерины II, произнесенное 30 іюня 1796 года: *Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de literis earumque studiis merita*. Рѣчь эта была переведена на русскій языкъ и помѣщена въ Вѣстникъ Европы 1806 г. статья XXV: «Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества отъ временъ Рюрика до Петра Великаго.» Много сочиненій его осталось еще не изданныхъ; нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ спискахъ у любителей наукъ. Особенно любя славяно-русскую словесность и Древности, онъ въ теченіе 30 лѣтъ, съ неимовѣрнымъ стараніемъ и большими издержками составилъ два собранія, одно славяно-русскихъ рукописей, а другое русскихъ монетъ, которое по мнѣнію знатоковъ, было въ своемъ родѣ единственное и полнѣйшее изъ всѣхъ находящихся въ нашемъ отечествѣ. Кромѣ того, у него находилось еще собраніе русскихъ искусственныхъ древностей. Въ 1812 г. при нашествіи непріате-

* Барсовъ умеръ въ 1791 году.

ля на Москву утратилось драгоценное собрание ученых сокровищъ этого филолога-юриста.

Петръ Ивановичъ Рычковъ, статскій совѣтникъ, корреспондентъ Академіи Наукъ и членъ Вольнаго Экономическаго Общества; мужъ великаго разума, искусства, и знанія въ Древностяхъ российскихъ, какъ выражается Новиковъ въ своемъ «Словарѣ». Онъ сочинилъ: 1) *Топографію оренбургскую*, то есть обстоятельное описаніе оренбургской губерніи; 2 части Спб. въ тип. Ак. Н. 1762 г. in 8°. 2) *Опытъ казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ*, изданный въ С.-п.-б. 1767 г. in 8°. Сочиненіе это вышло и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ *Historie von Kasan* 1772. Оно почерпнуто изъ летописи, найденной Рычковымъ въ Казани, которую авторъ пополнилъ многими любопытными изысканіями. 3) *Введеніе къ астраханской топографіи*, представляющее въ первой части разныя извѣстія о древнемъ состояніи сей губерніи, и обитавшихъ въ ней народовъ; а во второй о покореніи сего царства подъ державу российскихъ монарховъ; М. въ унив. тип. 1774 г. in 8°. Сверхъ того онъ сочинилъ множество статей, историческаго содержанія, напечатанныхъ въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ» Академіи Наукъ. Рычковъ умеръ 1778 года.

Михайла Дмитріевичъ Чулковъ оберъ-секретарь Сената писалъ много стиховъ, комедій, издавалъ журналы, переводилъ разные разности, но важнѣйшія его произведенія относящіяся къ нашему предмету суть: 1) *Собраніе разныхъ пьсенъ*; 4 части С.-п.-б. 1770—1774 г. in 12°. 2) *Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ и проч. оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія*. 10 частей М. 1780 — 1783 г. in 8°. Изданіе третее сокращенное, вышло въ 6 частяхъ

въ Москвѣ же 1820 года. 3) *Словарь русскихъ суевѣрій*, изданный въ первый разъ въ С.-п.-бургѣ 1782 г. а во второй въ Москвѣ 1786 года, дополненный и уже подъ заглавіемъ: *Абевега русскихъ суевѣрій, идолопоклонническихъ жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шеманства и проч.* Нельзя не замѣтить что въ сочиненіи этомъ много вздору. Чулковъ умеръ 1793 года.

Но несравненно для насъ важнѣе его *Исторія российской коммерціи* въ 21 части, изданная въ С.-б.-п. 1781—1786 года in 4°. Есть его же и *Краткая исторія российской торговли*, вышедшая въ Москвѣ 1788 г. in 4°. Послѣдній важный трудъ Чулкова былъ: *Словарь юридическій или сводъ российскихъ узаконеній, временныхъ учрежденій, суда и расправы, въ 5 частяхъ; съ Уложенія или съ 7157 года до 1793 М. 1792 — 1793 in 4°.* Вообще труды Чулкова имѣли бы для насъ болѣе интереса, еслибы въ нихъ господствовали здравыя мысли, выборъ, было менѣе новоизобрѣтаемыхъ имъ словъ и болѣе указаній на источники, тогда мы дали бы ему второе мѣсто послѣ нашего знаменитаго Н. Н. Бантышъ-Каменскаго.

Федоръ Осиповичъ Туманскій литераторъ и журналистъ, въ исторической дѣятельности замѣчательнѣе тѣмъ что издалъ *Собраніе записокъ* *, касающихся до исторіи Петра Великаго въ 10 томахъ, съ намѣреніемъ, сочинить впослѣдствіи полную исторію этого государя. Но появился только первый томъ ея **, на-

* Подъ заглавіемъ: *Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ императора Петра Великаго, 10 частей. Спб. 1787—1788 in 8°.*

** Подъ заглавіемъ: *Жизнь и дѣянія государя императора Петра Великаго, С.-п.-б. 1788 г. in 8°.*

писанный, кажется, лучшимъ слогомъ нежели *Дьянія*. Труды собирателя тѣмъ болѣе похвальны, что они основаны на значительномъ пожертвованіи; жаль что обстоятельства ихъ пресѣкли. Туманскій, кромѣ пожертвованія собственнаго капитала открылъ подписку на это изданіе; публика доставила ему средства, но предпріятіе не со всѣмъ увѣнчалось успѣхомъ; современники жаловались на Туманскаго. Второе сочиненіе Туманскаго: *Созерцаніе славныя жизни благоговѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго*, напечатанное въ С.-п.-бургѣ 1789 г. in 8°. Сверхъ того Туманскій издавалъ слѣдующіе журналы: *Зеркало свѣта* на 1786 и 87 годы; *Лѣкарство отъ скуки и заботъ* на 1786—87 г.; *Россійскій магазинъ* съ 1792 — 1794 г. Въ нихъ вѣроятно таже помѣщаемы были и историческія статьи. Вотъ все что мы можемъ сказать о Туманскомъ.

Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ, Малороссъ, авторъ «*Душеньки*» написалъ: *Историческое изображеніе Россіи*, котораго первая часть издана въ Спб. 1777 года. Послѣ, по порученію императрицы Екатерины онъ издалъ, въ 1785 году въ С.-п.-б. *Собраніе русскихъ пословицъ* въ 3 томахъ in 8°, но превращеніемъ пословицъ въ рифмованные стихи ослабилъ силу, оригинальность и простоту народныхъ изреченій. Это вся заслуга оказанная имъ отечественной исторіи. Собраніе всѣхъ его сочиненій издано въ первый разъ П. Бекетовымъ въ Москвѣ 1809 г. въ 6 частяхъ in 12° съ портретомъ автора, а во второй разъ тамъ же въ 1819 г. въ 4-ю съ біографіею автора, сочиненною Карамзинымъ.

Первое произведеніе знаменитаго поэта царствованія императрицы Екатерины II, *Гавріила Романовича Державина*, было историческое: онъ въ 1761 году первый разъ взялся за перо для описанія разва-

линъ болгарскихъ на рѣку Волгу, за что и былъ переведенъ въ преображенскій полкъ солдатомъ.

Въ числѣ писателей Екатеринина вѣка, отличающихся не столько великимъ геніемъ, сколько трудолюбіемъ въ распространеніи полезныхъ знаній, должно упомянуть о Рубанѣ. *Василій Григорьевичъ Рубанъ*, членъ обществъ вольнаго экономическаго и вольнаго собранія, директоръ екатеринославскихъ училищъ, родился въ Малороссіи въ 1739 году, учился сперва въ кievской Академіи, а потомъ въ московскомъ университетѣ, и сдѣлался извѣстнымъ въ литературѣ около 1776 года. Въ 1771 году онъ издавалъ вмѣстѣ съ М. Н. Муравьевымъ журналъ подъ заглавіемъ: *Трудолюбивый муравей*, а въ 1772 и 1773 годахъ: *Старину и Новизну*. Въ обоихъ этихъ періодическихъ изданіяхъ встрѣчаются также и статьи историческаго содержанія. Далѣе книги сочиненныя и изданныя имъ суть слѣдующія 1) *Краткія географическія историческія, и политическія извѣстія о Малой Россіи, съ пріобщеніемъ украинскихъ трактатовъ и извѣстій о почтахъ, такожъ списка духовныхъ и свѣтскихъ, тамо находящихся нынѣ чиновъ, числѣ народа и проч.* издалъ В. Рубанъ. С.-п.-бургъ 1773 года in 12°. 2) *Походъ Боярина и большаго полку воеводы, Алексыя Семеновича Шеина къ Азову, взятые сего и Лютика города, и торжественное оттуда съ побѣдоноснымъ воинствомъ возвращеніе въ Москву, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ военныхъ и торжественныхъ происшествій; издано В. Рубаномъ. С.-п.-б. 1773 г. въ 12 д. л.* 3) *Любопытный мѣсяцесловъ въ Санктпетербургъ и Москвѣ на 1775, 1776, 1778 и 1780 годы.* Въ немъ было помѣщено множество статей историческаго и статистическаго содержанія. 4) *Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, состоящій въ 663*

указахъ, или статьяхъ, въ государствование царей и великихъ князей Василія Іоанновича Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича, всея Руссіи самодержцевъ, въ 1607 и 1621 годахъ; выбралъ изъ иностранныхъ военныхъ книгъ *Онисимъ Михайловъ*; напечатанъ съ рукописи, найденной въ 1775 году въ Мастерской и Оружейной Палатѣ въ Москвѣ; въ 2 частяхъ С.-п.-б. 1777 г. in 4°. 5) *Краткая лѣтопись Малыя Россіи*, съ 1506 по 1776 годъ, съ изъясненіемъ настоящаго образа тамошняго правленія, и съ пріобщеніемъ списка прежде бывшихъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и іерарховъ; такожъ землеописанія съ показаніемъ городовъ, рѣкъ, монастырей, церквей, числа людей, извѣстій о почтахъ, и другихъ нужныхъ свѣдѣній; издалъ В. Рубанъ С.-п.-б. 1777 г. in 12°. 6) *Историческое географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга, отъ начала заведенія его съ 1703 по 1754 годъ*; соч. Андрея Богданова * со многими изображеніями зданій; дополнилъ и издалъ Василій Рубанъ С.-п.-б. 1779 г. in 8°. 7) *Краткое начертаніе, подающее понятіе о достославномъ царствованіи императора Петра Великаго*, сочинено В. Рубаномъ. С.-п.-б. 1779 г. in 8°. 8) *Россійскій царскій памятникъ или историческій словарь государей и государынь російскихъ*, о коихъ въ церкви поются панихиды. С.-п.-б. 1780 года. Книга эта была разослана авторомъ по всѣмъ церквамъ. 9) *Описаніе император-*

* Андрей Богдановъ, родился 1707 г. въ Сибири отъ одного Японца. Въ 1733 г. вывезенъ былъ въ С.-п.-б. и по окрещеніи учился въ Академіи Наукъ, при которой и былъ онъ наконецъ помощникомъ библіотекаря до самой смерти. Его «Описаніе Петербурга» Рубанъ умножилъ и довелъ до 1779 года. Но жаль что издатель не зналъ о дополненіяхъ, составленныхъ къ этой книгѣ самимъ авторомъ; онѣ довольно любопытны но доселѣ не изданы и находятся въ подлинникѣ въ новгородской семинарской библіотекѣ.

скаго столичнаго города Москвы, содержащее въ себѣ: званіе городскихъ воротъ, каменныхъ и деревянныхъ мостовъ, большихъ улицъ и переулковъ, монастырей, церквей, дворцовъ, присутственныхъ и другихъ казенныхъ мѣстъ, и проч. соч. В. Рубана. С.-п.-б., 1782 года in 8°. 10) Изъясненіе по полосамъ губерній, на мѣстничествъ и областей российской имперіи. С.-п.-б. 1785 г. in 8°. 11) Степенникъ краткій владѣтельныхъ великихъ князей, императоровъ и императрицъ всероссийскихъ, издалъ В. Рубанъ. С.-п.-б. 1786 года на листъ.

Сверхъ того онъ напечаталъ множество переводовъ, и способствовалъ изданію разныхъ чужихъ книгъ, которыя мы оставляемъ безъ вниманія, какъ не относящіяся къ нашему предмету. Рубанъ писалъ и также по части географіи Малороссіи.

Умеръ въ С.-п.-бургѣ, (а по другимъ въ Малороссіи) въ 1795 году.

Иванъ Васильевичъ Нехачинъ, долженъ занять въ исторической дѣятельности мѣсто послѣ Рубана и Мальгина; этотъ посредственный ученый и литераторъ приведенъ нами большею частію для полноты предмета, а не по своимъ заслугамъ, былъ плохой эклектикъ и систематикъ; онъ написалъ: 1) Историческій Словарь: российскихъ государей, князей, царей, императоровъ и императрицъ, въ которомъ описаны ихъ дѣянія, кончина, мѣста погребенія, имена ихъ супруговъ и дѣтей, съ приложеніемъ двухъ родословныхъ съ княжескими российскими гербами. М. 1793 года in 8°. 2) Ядро исторіи государя Петра Великаго, перваго императора всероссийскаго, съ присовокупленіемъ описанія монумента, воздвигнутаго въ память сему отцу отечества Екатериною II, Великою и съ краткою исторіею сына его, царевича Алексѣя Петровича, соч. Иваномъ Нехачинымъ. М. 1795 года in 8°. 3) Новое

ядро російской исторіи, отъ самой древности Россіянъ и до нынѣшнихъ дней благополучнаго царствованія императора Александра Перваго, на пять періодовъ раздѣленное; 3 части; М. изданіе первое 1791 а второе 1809 in 8°.

Тимофѣй Семеновичъ Мальгинъ, членъ російской Академіи, скончавшійся въ Спб. 1820 году, лѣтъ семидесяти, принадлежитъ къ числу тѣхъ людей которые всю жизнь проводятъ въ тяжкомъ трудѣ, но совершенно безполезномъ. Всѣ труды Мальгина были историческіе; онъ не то чтобы сочинилъ а перепечаталъ: 1) Зерцало російскихъ государей, изображающее отъ Р. Х. съ 862 по 1787 (или 1794) годъ высокое ихъ родословіе, союзы, потомство, время жизни, царствованія и кончины, мѣсто погребенія и вкратцѣ дѣянія съ достопамятными происшествіями по достовѣрнымъ російскимъ бытописаніямъ. Спб. второе изданіе 1791 года, in 8°; третее 1794 года. 2) Чиновникъ російскихъ государей съ разными въ Европѣ и Азіи христіанскими и магометанскими владѣтельными и прочими высокими лицами о взаимныхъ чрезъ грамоты сношеніяхъ издревле по 1672 годъ, какъ обоюдныя между собою титла употребляли, и знаки дружества, почтенія, преимущества и величія изъявляли. Выбралъ сокращенно изъ подлинной рукописной книги, сочиненной по повелѣнію великаго государя, царя Алексѣя Михайловича, всея Россіи самодержца въ 1672 г., и для любопытства любителей отечественной исторіи издалъ императорской російской академіи членъ, коллежскій ассессоръ Тимофѣй Мальгинъ. Въ Санктпетербургѣ при Академіи Наукъ 1792 года in 8°. 3) Опытъ историческаго изслѣдованія и описанія старинныхъ судебныхъ мѣстъ російскаго государства, и о качествахъ лицъ и дѣлъ въ оныхъ.

С.-п.-б. въ тип. Ак. Н. 1803 года, in 8°. 4) *Опытъ историческаго изслѣдованія о древности монетъ въ российскомъ государствѣ*. С.-п.-бургъ, 1810. in 8°. 5) *Историческое изображеніе трехъ главныхъ, достопримѣчательнѣйшихъ свойствъ или добродѣтелей всероссийскаго императора Петра Великаго*. С.-п.-б. 1811 г. in 12°. 6) *Россійскій ратникъ, или общая военная повѣсть: о государственныхъ войнахъ, непріятельскихъ нашествіяхъ, уронахъ, бѣдствіяхъ, побѣдахъ и приобрѣтеніяхъ, отъ древности до нашихъ временъ, по 1805 годъ*; соч. Т. Мальгина. М. 1825. in 8°. Сверхъ того Мальгинъ перевелъ еще съ французскаго на русскій языкъ *Записки Манштейна*, которыя и были напечатаны въ С.-п.-бургъ 1823 года, въ 2 частяхъ in 8°.

Иванъ Таубертъ, статскій совѣтникъ, библіотекаръ императорской Академіи Наукъ, сочинилъ: *Предисловія къ Россійской исторической библіотекѣ и къ Исторіи Камчатки*; онъ изучалъ русскую исторію, но не шелъ по стопамъ Миллеровъ и Штриттеровъ. Онъ былъ чрезвычайно упрямъ и самолюбивъ и отъ его вмѣшательства испорчено было первое изданіе Нестора по кѣнигсбергскому списку. Таубертъ умеръ въ 1770 году.

Въ числѣ иностранцевъ, жившихъ въ Россіи въ царствованіе Екатерины II и занимавшихся русскою исторіею, заслуживаютъ также воспоминанія братья Бакмейстеры. Іоаннъ Бакмейстеръ, бывшій 38 лѣтъ въ должности суббибліотекаря Академіи Наукъ (съ 1756 по 1794 годъ), въ которой и умеръ, написалъ: 1) *Essai sur la bibliothèque et le cabinet de curiosités de l'Académie Imperiale des Sciences de St-Petersbourg*; par Jean Backmeister; à St-Petersbourg, 1776 in 8°. Сочиненіе это переведено съ французскаго В. Костыговымъ, и издано подъ заглавіемъ:

Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной санктпетербургской Академіи Наукъ. С.-п.-б. 1779 года in 8°. Оно заключаетъ въ себѣ много ученыхъ и интересныхъ замѣчаній и сдѣлалось теперь чрезвычайно рѣдко. 2) О первомъ въ Россію прибытіи Англичанъ для торговли и о заведеніи ими оной. При сочиненіи этой статьи авторъ пользовался англійскими и другими иностранными писателями. Она была помѣщена въ С.-петербургскомъ Вѣстникѣ 1780 года, въ мѣсяцахъ маѣ и іюнѣ. 3) Историческое извѣстіе о изваянномъ конномъ изображеніи Петра Великаго, переводъ съ нѣмецкаго, Н. Карандашева, напечатано въ С.-п.-бургѣ 1786 года, in 8°. 4) Beyträge zur Lebens geschichte des Patriarchs Nikon (Прибавленіе къ жизнеописанію патріарха Никона), почерпнутое изъ русскихъ записокъ и напечатанное въ Ригѣ 1788 года. Сверхъ того въ S-Petersb.-Journal, на 1778 г. помѣщено много интересныхъ статей этого ученаго, который зналъ между-прочимъ и арабскій языкъ.

Гартманъ Людовикъ Христіанъ Бакмейстеръ, статскій совѣтникъ, съ 1772 по 1789 годъ издавалъ на нѣмецкомъ языкѣ: Русскую Библіотеку (Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland. S.-P. XI.) или извѣстія о всѣхъ, выходившихъ въ Россіи книгахъ, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, одиннадцать томовъ. Въ 1789 году онъ издалъ въ С.-петербургѣ, на французскомъ языкѣ книгу подъ заглавіемъ: Проектъ немногочисленной библіотеки для пріобрѣтенія нѣкотораго познанія о состояніи Россіи отъ временъ отдаленныхъ даже до нашихъ. Третье историческое сочиненіе его: Beyträge zur Geschichte Peter's des Grossen. Riga 1774 г. 3 тома in 8°. Во второмъ томѣ этой книги напечатанъ «Журналъ Петра I». 4) Nachrichten

von den ehemaligen Universitäten zu Dorpat und Pernau. S.-Peter. 1764. 5) Lebensbeschreibung des Grafen Boris Petrowitsch Scheremetew. Riga 1768. Переводъ съ русскаго сочиненія Миллера. Онъ также перевелъ на нѣмецкій языкъ *Россійскую Исторію* Ломоносова, напечатанную въ Ригѣ же, 1768 года и нѣсколько русскихъ лѣтописей. Умеръ въ 1806 году на 76 году своей жизни.

Матѳей Гутри, родомъ Англичанинъ, докторъ медицины, членъ многихъ иностранныхъ ученыхъ обществъ, статскій совѣтникъ, долгое время находился врачомъ при сухопутномъ и инженерномъ кадетскихъ корпусахъ. Изъ сочиненій Гутри для насъ важны его пять диссертаций о древностяхъ русскихъ, по предмету славяно-русской мѣологии, языческихъ обрядовъ, празднествъ, игръ, вѣщуновъ, старинной музыки, музыкальныхъ инструментовъ, обыкновений, одеждъ, сельскихъ забавъ и проч. Эти диссертации со многими примѣчаніями и чертежами издалъ онъ въ С.-п.-б. 1795 года на французскомъ языкѣ и посвятилъ императрицѣ Екатеринѣ II. Главный недостатокъ Гутри тотъ, что онъ на всѣ наши древнія повѣрья и обряды смотрѣлъ греческими глазами, или говоря другими словами видѣлъ въ нихъ одно подраженіе греческой мѣологии. Въ наше время разсужденія Гутри были переведены на русскій языкъ и напечатаны въ Маякѣ на 1844 г. въ №№ 2 — 5. Онъ умеръ въ С.-п.-б. 1807 года.

Петръ Безакъ, статскій совѣтникъ, профессоръ философіи при сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, родомъ изъ Лужицы. Онъ сочинилъ между-прочимъ *Введеніе въ бытописаніе всероссійской имперіи*, напечатанное въ Санктпетербургѣ 1785. Перевелъ Шторхово *Похвальное слово графу Ангальту*, напечатанное

въ С.-п.-б- 1794 года. Притомъ онъ издалъ нѣсколь-
ко историческихъ сочиненій.

Императрица Екатерина II должна также занять славное мѣсто въ числѣ русскихъ историковъ. Она сперва воспитывалась при родителяхъ, а потомъ въ Гамбургѣ и Брауншвейгѣ при своей бабкѣ. Въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, она стала обнаруживать не обыкновенную остроту ума, которая обратила на нее вниманіе всѣхъ и заставила ожидать отъ нея чего-то необыкновеннаго. Не довольствуясь уроками своихъ наставниковъ, она сама познакомилась еще въ юности своей съ лучшими образцами французской и итальянской литературъ, и тѣмъ заранѣе пріобрѣла въ нихъ утонченный и вѣрный вкусъ. Вступивъ въ бракъ 1745 года съ наследникомъ всероссійскаго престола великимъ княземъ Петромъ Теодоровичемъ, она до самаго восшествія на престолъ, въ теченіи 16 лѣтъ своего пребыванія великою княгинею, постоянно изучала все лучшее, встрѣчавшееся въ древней и новой французской и нѣмецкой литературахъ. Отъ сего она получила такую охоту къ наукамъ, что потомъ въ продолженіе всей своей жизни до самой кончины, не смотря на бремя правительственныхъ дѣлъ, каждый день имѣла обыкновеніе заниматься чтеніемъ и письмомъ отъ 7 до 9 часовъ утра, а послѣ обѣда по нѣскольку часовъ просиживала въ отборной своей библіотекѣ. Съ самаго прибытія въ Россію, какъ скоро выучилась достаточно русскому языку, она съ необыкновеннымъ прилежаніемъ стала читать не только современныхъ нашихъ писателей, но обратила вниманіе даже и на древнихъ, и часто сама дѣлала опыты сочиненій на ихъ языкѣ. По вступленіи въ 1762 году на престолъ, и по приведеніи въ порядокъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ,

немедленно обратила вниманіе на распространеніе просвѣщенія между своими подданными, а въ особенности на воспитаніе юношества. Екатерина II до того любила русскую исторію, что каждый день посвящала нѣкоторое время историческимъ занятіямъ. Чтобы приняться основательно за изученіе отечественной исторіи, государыня поручила Антону Алексѣевичу Барсову составить для нея *Сводъ русскихъ лѣтописей*, бесѣдовала о нѣкоторыхъ темныхъ мѣстахъ нашей исторіи съ Болтинымъ, а въ послѣдствіи послѣ смерти его, въ затруднительныхъ случаяхъ государыня адресовалась къ Мусину-Пушкину или преосвященному Платону. Мнѣ самому удалось видѣть нѣсколько выписокъ Мусина-Пушкина, сдѣланныхъ изъ нашихъ лѣтописей для императрицы. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, Мусинъ-Пушкинъ успѣлъ внушить ей мысль собрать въ Петербургъ все русскія лѣтописи и приступить къ изданію ихъ въ свѣтъ. Изданъ былъ указъ монастырямъ доставить все имѣющіяся у нихъ лѣтописи въ святѣйшій Синодъ; воля государыни была исполнена: изъ всехъ монастырей Россіи привезено было множество лѣтописей; въ архивѣ святѣйшаго синода есть списокъ какія именно лѣтописи и откуда были доставлены *. Императрица хотѣла чтобы графъ Мусинъ-Пушкинъ занялся устройствомъ комиссіи, которая должна была приступить къ самому изданію. Но мы знаемъ, какъ мало этотъ го-

* Въ румянцовскомъ музеѣ въ рукописи подъ № ССХХII находится также копія съ этого списка, изъ которой видно какія и откуда доставлены были лѣтописи а именно: Изъ Новгород. (офійск. собора 17; Кирилова Бѣлозерскаго монастыря 28; Отрапонтѣва мон. 10; Новоезерскаго мон. 3; Череповскаго 2; Устьшехонскаго 1; Филипповскаго 1; Ворониной пустыни 1; Александровской семин. биб. 25.

сударственный сановникъ приготовленъ былъ къ этому дѣлу; поэтому, по восшествіи на престолъ императора Павла, дано было повелѣніе опять разослать лѣтописи по тѣмъ мѣстамъ, откуда онѣ поступили. Святѣйшій Синодъ приказалъ подрядить извозчиковъ для доставленія лѣтописей въ Москву, куда должны были явиться отъ всѣхъ монастырей за полученіемъ ихъ обратно. Всѣ лѣтописи уложены были въ однѣ сани и отданы на отвѣтственность ямщика; онѣ находились въ дорогѣ около шести недѣль, въ самое дождливое время (весною). Въ Москвѣ оказалось, что нѣкоторыя изъ нихъ были потеряны, другія сгнили, третія повреждены; дальнѣйшая судьба этого процесса намъ неизвѣстна. Желательно, чтобы цѣлое дѣло объ этомъ, находящееся въ архивѣ св. Синода было издано; мы имѣли бы покрайней-мѣрѣ понятіе болѣе подробное, почему оно не далось намъ въ концѣ XVIII столѣтія. Екатерина II неограничивалась однимъ чтеніемъ нашихъ лѣтописей и историческихъ произведеній, государыня сама написала нѣсколько сочиненій чисто историческаго достоинства; мы здѣсь разумѣемъ *Записки касательно россійской исторіи*; онѣ въ первый разъ были напечатаны въ журналѣ «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» на 1783 г. начиная съ II части.

Записки эти составлены изъ свода разныхъ русскихъ лѣтописей со многими синхронистическими таблицами и съ критическими замѣчаніями. Впослѣдствіи онѣ были исправлены и доведены до 1276 года. Государыня повелѣла издать ихъ особою книгою, напечатанною въ 6 частяхъ in 8° съ 1787 по 1795 г. въ С.-п.-б. Въ третій разъ онѣ были изданы въ С.-п.-б. 1801 г. in 8°. въ 6 частяхъ. Жаль что въ нихъ не указаны источники, изъ которыхъ почерпаемы были матеріалы.

Кромѣ того Екатерина II писала много критическихъ статей на современные пороки и развратъ, и будучи еще великою княгинею, издала безъименно на размножившихся тогда въ Россіи Массоновъ (которыхъ она, равно какъ и послѣ появившихся Иллюминатовъ, не могла терпѣть во всю свою жизнь), небольшое сочиненіе, напечатанное въ 1759 году in 12° на французскомъ и русскомъ языкахъ порознь, подъ заглавіемъ: *Тайна противо-нелѣпаго общества (Anti-absurde), открытая не причастнымъ оному*. Придворныя и прочія сплѣтні, пронырства и затѣи осмѣивала она своими комедіями. По этому всѣ онѣ чрезвычайно для насъ интересны.

Когда открылась послѣдняя война со Шведами, то государыня написала весьма любопытныя *Историческія примѣчанія и объясненія на объявленіе короля шведскаго, изданное въ Гельсинфорсѣ іюля 21-го 1788 года*. Примѣчанія эти составляющія цѣлую книгу, въ томъ же году напечатаны были въ С.-пб. на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ порознь.

Государыня находилась въ перепискѣ со многими знаменитыми лицами; большая часть этой переписки издана въ началѣ XIX столѣтія. Изъ писемъ ея къ разнымъ лицамъ до нынѣ изданы: *Переписка съ Вольтеромъ*, на французскомъ языкѣ; русскій переводъ ея выдержалъ въ 1802 году 4 изданія въ Москвѣ и Петербургѣ. *Переписка съ Циммерманомъ*, также на французскомъ языкѣ, и въ русскомъ переводѣ напечатана въ С.-пб. 1803 года; *Переписка съ фельдмаршаломъ графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ*, на русскомъ языкѣ, напечатана въ Москвѣ 1805 года; и наконецъ *Переписка съ Петромъ Дмитриевичемъ Еропкинымъ*, изданная въ Москвѣ, 1808 года. Сверхъ того множество писемъ императрицы Екатерины II было помѣщено въ наше

время въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Остается сказать только о письмахъ государыни къ ученому Sénac de Mailhan, котораго она вызвала въ Россію для сочиненія русской исторіи. Эта переписка состоитъ изъ 19 или 20 писемъ, писанныхъ къ нему въ 1791 и 1792 годахъ, заключающихъ въ себѣ замѣчанія императрицы о различныхъ фактахъ русской исторіи, и наставленіе какъ онъ долженъ приняться за дѣло. Второй отдѣлъ этой переписки составляютъ, 7 отвѣтовъ, писанныхъ государынею по случаю вопросовъ, представленныхъ г. Sénac de Mailhan. Отвѣты носятъ заглавіе «Refléxions.» Первый отвѣтъ: Sur l'origine du peuple Russe. Намъ неизвѣстно у кого хранятся подлинныя письма государыни, но списки съ нихъ находятся у не многихъ любителей отечественной старины. Мы имѣли случай видѣть ихъ у знаменитаго нашего литератора князя Петра Андреевича Вяземскаго, который вѣроятно издастъ ихъ въ свѣтъ.

Насъ спросятъ что же сдѣлалъ г. Sénac de Mailhan на поприщѣ русской исторіи. Онъ сдѣлалъ то, что обыкновенно дѣлаютъ иностранцы, пріѣзжающіе въ Россію: онъ получилъ отъ государыни много милостей, да сверхъ того требовалъ чтобъ его записали въ службу, сдѣлали какимъ-нибудь *conseiller*, дали бы *кавалерію* (*décoration*), а въ особенности позволили носить какойнибудь мундиръ, по какой бы то ни было части.

Этотъ почтенный ученый до того наскучилъ государынѣ своими требованіями, что его оставили наконецъ въ покоѣ и онъ принужденъ былъ сбросить русскій форменный фракъ и отправиться во свояси.

Здѣсь кстати упомянуть о замѣчаніяхъ императрицы Екатерины II-й, сдѣланныхъ на Штриттерову *Русскую Исторію*. Каждый русскій съ удивленіемъ

емъ увидить, какъ вѣнценосная покровительница отечественной исторіи вникала въ малѣйшія подробности исторической критики, съ какою любовью занималась лѣтописями древней русской славы, какъ исправляла ошибки ученыхъ: она отдаетъ автору справедливость, но замѣчаетъ и его погрѣшности, и очищая трудъ его отъ примѣси ложныхъ выводовъ, дѣлаетъ полезнымъ для употребленія въ отечествѣ, котораго благо и честь сердцу ея были дороже всего. Вотъ эти замѣчанія:

«*Ольга*». «1. Здѣсь паки возобновлены нелѣпыя басни, кои выкинуты изъ Записокъ, о убивствѣ Древлянъ, что пословъ древлянскихъ въ яму зарыли и птицами Коростинъ зажгли».

«*НВ*. Мой совѣтъ есть, чтобъ вы приказали изъ сего нѣмецкаго труда (заглядывая непрестанно въ Записки касательно россійской) сдѣлать исторію, выбирая изъ того и другаго все то, что здравому разсудку не противно будетъ».

«На 46 страницъ во 122 примѣчаніи названъ Юрій Владиміровичъ ростовской Юрій Дмитріевичемъ».

«Во 126 примѣчаніи Переяславъ названъ Переяславъ.»

«Вообще справедливость отдать должно сочинителю, что всячески старается дополнить исторію россійскую и что полнѣе ее ни единой нѣту».

«Между прочимъ есть тутъ четвертый сынъ Святослава Игоревича, которой отысканъ въ византійской исторіи, гдѣ названъ Сфенго; но Греки и Святослава называли Сфентослава: и такъ Сфенго, чаю, Свенго называть можно: что не вовсе чуже будетъ варяжскому отродію: ибо Звено и Свенго въ Швеціи и Даніи отыскать въ ихъ исторіи не трудно».

«1) Соблазнительно покажется всей Россіи, аще

пріимете толкованіе г. Стритера о происхожденіи
россійскаго народа отъ Финновъ.

«2) Самое отвращеніе и соблазнъ не малое доказа-
тельство, что происхожденія розныя.

«3) Хотя Россіяне со Славяны разнаго происхож-
денія конечно, но отвращеніе не находится между
ими.

«4) Г. Стриттеръ откуда уроженецъ? Конечно онъ
какую ни есть національную систему имѣетъ, къ ко-
торой натягиваетъ. Остерегитесь отъ сего.

«5) Сравните россійскаго крестьянина съ фин-
скимъ: похожи ли другъ на друга? похожъ ли языкъ?

«6) О Варягахъ Несторъ говоритъ: Варяги-Русь.

«7) Я нашла во многомъ здравую критику Записокъ
касательно россій: исто: но что написано, то напи-
сано: по-крайней-мѣрѣ ни нація, ни государство во
оныхъ не унижено».

Не менѣе замѣчателенъ планъ, представленный
государынѣ комиссіею народныхъ училищъ; онъ по-
казываетъ тогдашній взглядъ на потребности обучав-
шихся русскѣй исторіи. Извѣстно, что сочиненная
тогда книга *, съ нѣкоторыми впрочемъ отъ этого
плана отступленіями, была въ употребленіи около
сорока лѣтъ, и что въ продолженіе всего этого времени,
три находящіяся въ ней карты, сочиненныя на разные
періоды исторіи, считались у насъ почти единствен-
ными въ семъ родѣ пособіями.

«Планъ къ сочиненію россійскія исторіи для народ-
ныхъ училищъ въ россійской имперіи.»—«Хотя по пре-
даніямъ историческимъ въ той части Европы и Ассіи
гдѣ нынѣ россійское государство, еще до Рождества

* Краткая россійская исторія, въ пользу народныхъ училищъ рос-
сійской имперіи. Она издана въ 1827 году десятимъ тисненіемъ.

Христова нѣкоторые народы, по Геродоту и инымъ писателямъ, извѣстны, да и по Рождествѣ Христовѣ лѣтъ съ 800 многія разныхъ другихъ народовъ преселенія были, изъ коихъ въ различныхъ мѣстахъ, то тотъ, то другой одерживали верьхъ и преимущество: однако какъ древняя сихъ временъ Геродотова и другихъ писателей исторія требуетъ критическихъ разсужденій, несовмѣстныхъ цѣли сокращенной исторіи, каковая надобна для народныхъ училищъ, а при томъ и по всегдашнимъ тѣмъ перемѣнамъ до самыхъ Руриковыхъ временъ, или до 862 года, не было еще въ странѣ сей порядочнаго правленія, ибо бывшіе въ сихъ мѣстахъ князья владѣли то на той землѣ, то на другой, строя мѣстами города и приуготовляя такъ сказать Рурику основаніе ко утвержденію будущія россійскія монархіи: то для сего и должно начать сокращенную сію россійскую исторію съ описанія однихъ только тѣхъ народовъ, которые по лѣтописцамъ россійскимъ, въ девятомъ столѣтіи содѣйствовали основанію россійскаго государства, и коихъ потому надобно показать здѣсь поколѣнія, селенія и города, по лѣтописцамъ сколько оныя извѣстны: послѣ чего приступить непосредственно къ эпохѣ основанія россійскаго государства великимъ княземъ Рурикомъ. По такому расположенію удобнѣе всего раздѣлитъ будетъ россійскую исторію на вступленіе и на двѣ главныя части, а именно:

«*Вступленіе.*»—«Въ немъ надлежитъ вкратцѣ описать древнѣйшую исторію Россіи до временъ Руриковыхъ, или до 862 года послѣ Рождества Христова, разсуждая о тѣхъ токмо народахъ, которые способствовали къ основанію россійскаго государства.

«Часть I-я содержать будетъ въ себѣ происшествія, случившіяся въ Россіи отъ основанія въ ней монархіи до побѣдоносныхъ ея временъ, отъ 862 до 1462 года, то есть чрезъ 600 лѣтъ.

«Часть II-я заключать имѣеть происшествія, случившіяся въ Россіи отъ побѣдоносныхъ до временъ ея силы и славы, отъ 1462 до 1762, то есть 300 лѣтъ.

«Объ сіи части раздѣлить надлежитъ на періоды, какихъ первая часть содержать имѣеть въ себѣ три, а именно:

« I Періодъ, въ которомъ описаны будутъ происшествія, случившіяся отъ основанія російскаго государства до великаго князя Владиміра, и которой продолжаться имѣеть отъ 862 до 1015, то есть чрезъ 150 лѣтъ.

«II Періодъ продолжаться имѣеть отъ великаго князя Владиміра I до нашествія Татаръ, отъ 1015 до 1224, то есть чрезъ 200 лѣтъ.

«III Періодъ продолжаться имѣеть отъ нашествія Татаръ на Россію до побѣдоносныхъ ея временъ, отъ 1224 до 1462, то есть чрезъ 250 лѣтъ *.

«Вторая часть содержать имѣеть въ себѣ также три періода, а именно:

«I Періодъ, въ которомъ описаны будутъ происшествія, случившіяся въ продолженіе побѣдоносныхъ временъ Россіи и которой продолжаться имѣеть до вступленія на російской престолъ Романовыхъ, отъ 1462 до 1613, то есть чрезъ 151 годъ.

«II Періодъ продолжаться имѣеть отъ восшествія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, перваго го-

* Хотя первой періодъ тремя, а второй девятыю лѣтами показаны больше, нежели они дѣйствительно въ себѣ содержатъ, третій же двѣнадцатью лѣтами меньше, но сіе учинено нарочно для облегченія понятія дѣтей чрезъ круглое число, отъ чего каждый періодъ 50-ю лѣтами предъ предыдущимъ ему возрастаетъ. Объ излишкѣ же или недостаткѣ къ оному можетъ учитель напоминать при изъясненіяхъ или вопрошеніяхъ; главныя части содержатъ точное число.

сударя изъ роду Романовыхъ, до временъ Петра I-го, отъ 1613 до 1682, то есть чрезъ 69 лѣтъ.

«III Періодъ отъ Петра I до временъ преславно нынѣ царствующей императрицы Екатерины II, по 1762... 80 лѣтъ.

«Для лучшаго же понятія юношеству и удобнѣйшаго изъясненія учителя, сочинены будутъ по сей исторіи разныя географическія карты, долженствующія показывать, въ какихъ предѣлахъ и въ какомъ раздѣленіи находилоя російское государство въ такой-то эпохѣ. Здѣсь прилагается примѣрный симъ картамъ образецъ, показывающій состояніе російскія страны до 862 года. Таковыхъ картъ надобно будетъ сочинить пять:

«1. Карту для изъясненія вступленія въ російскую исторію, то есть до временъ Руриковыхъ или до 862 года по Р. Х.

«2. Карту на состояніе Россіи отъ временъ Руриковыхъ до временъ Владиміра I, то есть отъ 862 до 1015 года, или на первый періодъ первыя части.

«3. Карту на состояніе Россіи отъ Владиміра I до побѣдоносныхъ временъ ея, то есть отъ 1015 до 1462 года, или на второй и третій періодъ первыя части.

«4. Карту на состояніе Россіи отъ побѣдоносныхъ ея временъ до вступленія на російскій престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, перваго самодержца російскаго изъ роду Романовыхъ, то есть отъ 1462 до 1613, или на первый періодъ вторыя части.

«5. Карту на состояніе Россіи отъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича, до временъ преславно нынѣ царствующей императрицы Екатерины Вторыя, то есть отъ 1613 до 1762 года, или на второй и третій періодъ вторыя части.

«А какъ здѣсь не каждый періодъ свою особенную карту имѣетъ, но въ обоихъ частяхъ періоды второй

и третій по одной общей имѣть будутъ, то въ такихъ картахъ, служащихъ на два періода, употреблены будутъ для каждаго періода особенныя краски, дабы тотчасъ видѣть, что къ одному и что къ другому принадлежитъ.

«При сей исторіи принадлежитъ еще наблюдать сочинителю:

«1. Жилища и страны, въ которыхъ народы какіе обитали, назначать точно, повѣря оныя по нынѣшнимъ расположеніямъ намѣстничествъ и показывая, изъ какихъ провинцій государство російское по временамъ составлялося?

«2. Когда какая въ Россіи была вѣра, правленіе, нравы и упражненія, какія во всемъ томъ были послѣ перемѣры и отъ чего?

«3. Какъ ослабѣвало государство отъ раздѣленія, какіе народы пользовались случаями сихъ раздѣленій? и какой уронъ понесла отъ того Россія?

«4. Какія были учрежденія для заведенія чужестранныхъ произведеній и для распространенія вѣры, наукъ, купечества, военнаго искусства и установленій въ пользу человѣчества?

«5. Какъ и когда произошли фабрики и мануфактуры, что изобрѣтено въ Россіи по художествамъ и исторіи естественной, и какъ обстоитъ вообще промыслы?

«6. Были ли какіе люди памяти достойные и во какомъ родѣ? относительно ли только къ пользѣ Россіи, или другихъ народовъ?

«7. Какъ становилась населяемая Россіянами страна лутче, и отъ какихъ причинъ хуже?

«8. Почему получили Россіяне образованіе свое толь поздно? и какимъ образомъ оное толь скоро распространяется?

«9. Всякое важное происшествіе или дѣла описы-

вать такимъ образомъ, дабы оно служило или въ поощреніе или въ предосторожность людямъ нынѣшнихъ и будущихъ временъ».

В. Сочинители Записокъ.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, родилась въ С.-п.-бургѣ 1743 года и была воспринята отъ купели императрицею Елисаветою Петровною и наследникомъ престола, великимъ княземъ Петромъ Теодоровичемъ. Еще въ юныхъ лѣтахъ, она обнаруживала умъ необыкновенный; будучи племянницей канцлера гр. Михаила Ларионовича Воронцова, она любила проводить время не съ дамами, а въ кругу иностранныхъ министровъ, посѣщавшихъ ея дядю; не носила румянъ, которыя были тогда въ великомъ употребленіи. Однажды князь Михаилъ Ивановичъ Дашковъ, необыкновенный красавецъ, принятый въ домъ канцлера, сталъ слишкомъ свободно изъяснять Екатеринѣ Романовнѣ свои сердечныя чувства. Пятнадцатилѣтняя дѣвушка подозвала дядю, и сказала ему: «Дядюшка! Князь говоритъ мнѣ о своемъ желаніи вступить со мною въ супружество.» Молодой человекъ не смѣлъ опровергать своихъ словъ и былъ съ нею обвѣчанъ (1759 г.) Послѣ скорой кончины мужа, послѣдовавшей спустя два года (1761), княгиня Дашкова вступила въ тѣсную дружбу съ великою княгинею Екатериною Алексѣевною и приняла дѣятельное участіе въ важномъ государственномъ переворотѣ, послѣдовавшемъ 1762 года. Императрица Екатерина II въ день вступленія своего на престолъ (28 іюня) пожаловала ей орденъ св. Екатерины. Въ слѣдъ за тѣмъ княгиня Е. Р. возведена въ достоинство статсъ-дамы

(22 сентября), въ день коронованія государыни. Значеніе ея у двора было кратковременно; ибо она недовольствуясь полученными наградами, желала какъ увѣряють—быть полковникомъ гвардіи, явно обнаруживала свое неудовольствіе, хвалилась оказанными услугами и принужденная удалиться изъ С.-Петербурга, поѣхала въ чужіе края (1770 г.), гдѣ посѣтила фернейскаго философа (1771 г.). Вольтеръ писалъ о ней къ императрицѣ: «что княгиня Дашкова смотрѣла на портретъ ея величества со слезами на глазахъ; четыре часа сряду говорила о государынѣ и что время это показалось ему четырьмя минутами.» Въ 1774 году императрица благодарила Дашкову за ея поздравленіе со днемъ рожденія и увѣряла писменно: «что она всегда считаетъ ее въ числѣ людей, искренно ей преданныхъ.» Черезъ четыре года потомъ, княгиня Е. Р. предприняла второе путешествіе по Европѣ, возвратилась въ отечество 1782 года, пріѣхала въ С.-Петербургъ и сдѣлана директоромъ Академіи Наукъ, а въ слѣдующемъ году предсѣдателемъ россійской Академіи, которой она была и основательницею. Разныя ученныя общества въ отечествѣ и въ чужихъ краяхъ приняли ее въ свои члены. Сношенія княгини Дашковой съ императрицею были тогда основаны на политикѣ: она видѣла въ Екатеринѣ монархиню, въ Потемкинѣ сильнаго противника, въ преднамѣреваемомъ ею возвышеніи своего сына. Холодность государыни еще болѣе увеличилась въ 1793 году. Княгиня Дашкова принуждена была оставить С.-Петербургъ съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ званій и удалилась въ Москву, гдѣ имѣла пребываніе во время зимы, а лѣтомъ въ Серпуховской своей деревнѣ. Въ 1796 году по кончинѣ императрицы Екатерины II, Дашкова уволена была отъ управленія порученныхъ ей мѣстъ. Она скончалась въ началѣ 1810 года, на шестьдесятъ седьмомъ году своей жизни.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова — какъ справедливо замѣчаетъ Сегюръ — по ошибкѣ природы походила болѣе на мужчину, нежели на женщину; она любила носить одежду, подобную мужскому сюртуку, что весьма соотвѣтствовало чертамъ лица ея. Съ необыкновенною памятью она имѣла умъ, обогащенный чтеніемъ. Прекрасная ея библіотека расхищена непріателемъ въ 1812 году. Дашкова по сказанію современниковъ, была честолюбива и весьма разсчетлива; съ другой стороны, она покровительствовала многихъ. Услуги ея оказанныя просвѣщенію останутся незабвенными: она основала Россійскую Академію, сама участвовала въ литературныхъ трудахъ, принимаемыхъ этимъ ученымъ обществомъ, а также во многихъ современныхъ періодическихъ изданіяхъ, писала стихи, комедіи, драмы и переводила нѣкоторыя произведенія Вольтера. * Всѣ произведенія Дашковой имѣютъ не отрицаемый интересъ для изученія нашего общества въ царствованіе Екатерины. Но для насъ важнѣе прочихъ произведеній ея «Записки.» Нужно ли говорить объ ихъ интересѣ, о запискахъ свидѣльницы многого, многого. Онѣ писаны по-англійски, долго хранились въ рукописи и только въ спискахъ ходили по рукамъ любителей новѣйшей нашей исторіи; но въ 1840 году онѣ изданы въ Лондонѣ въ 2 томахъ съ двумя портретами сочинительницы, въ различныхъ ея возрастахъ и автографами, подъ заглавіемъ:

Memoirs of the princess Daschkaw, lady of honour to Catherine II, empress of all the Russias, written by herself: comprising letters of the empress, and other correspondence. Editet from the originals, by mrs W.

* Все сказанное здѣсь о княгинѣ Ек. Ром. Дашковой заимствовано изъ *Словаря достопамятныхъ людей русской земли*, Дм. Ник. Бантышъ-Каменскаго. Т. 2. стр. 183—190.

Bradford; in two volumes. London 1840 in 8°. * Съ приложеніемъ: *a)* Postscript. *b)* Letters and notes of the empress Catherina to the princess Daschkaw, with four letters to Mlle Leoffschin. *c)* Letters of the princess Daschkaw, etc. *d)* Letters of Diderot and other correspondents to the princess Daschkaw. *e)* Portraiture of the princess Daschkaw by Diderot. *f)* Letters from Voltaire, Abbé Raynal, etc., to the princess Daschkaw. *g)* Letters from the empress Elisabeth, consort of the emperor Alexander, to the princess Daschkaw, etc. *h)* From princess Daschkaw to the dowager empress Mary, widow of the emperor Paul. *i)* Reply of the dowager empress to the foregoing. *k)* Supplement: containing a parsonal narrative of the editor, and letters of her sister, Miss Wilmot.

Издательница этихъ записокъ г-жа Бредфордъ, будучи еще дѣвицею Вильмотъ, въ 1803 году пріѣзжала въ Россію, и пять лѣтъ жила съ княгинею, зиму въ Москвѣ, а лѣто въ ея селѣ Троицкомъ, московской губерніи, пользуясь ея дружескимъ расположеніемъ. Поводомъ къ этому сближенію была тѣсная дружба княгини съ госпожею Гамильтонъ, дочерью архіепископа Райдера и родственницею госпожи Бредфордъ. Живя подъ одною кровлею съ княгинею, она убѣдила Дашкову написать исторію своей жизни. Это было осенью 1804 года: послѣ нѣкоторой нерѣшимости, княгиня согласилась. Начатый трудъ подвигался впередъ. Она писала все что могла вспомнить, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій. Окончивъ, отдала рукопись дѣвицѣ Вильмотъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими письмами современныхъ знаменитостей и другими документами, изъявивъ желаніе, что-

* Томъ первый содержитъ въ себѣ 25 главъ, XXI и 397 страницъ; томъ 2-й: 4 главы, VII и 439 стр.

бы онъ были напечатаны не ранѣе ея кончины. Записки посвящались дѣвицѣ Вильмотъ.

Слѣдовательно Записки эти написаны княгинею уже въ глубокой старости. Въ нихъ сообщается множество любопытныхъ извѣстій о Петрѣ III, Екатеринѣ II и Павлѣ I, также о всѣхъ замѣчательныхъ лицахъ въ ихъ царствованіе. Извлеченіе изъ этихъ записокъ было напечатано въ «Москвитянинѣ» на 1842 годъ. *

Семенъ Андреевичъ Порошинъ, изъ московскихъ дворянъ, родился 28 генваря 1741 года, въ городѣ Кунгуръ, а воспитаніе получилъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ развились природныя его способности, и умъ его обогатился многосторонними свѣдѣніями, которыя видны и въ его запискахъ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, очень много читалъ, былъ свѣдушъ въ исторіи древней и современной. Будучи еще кадетомъ, онъ занимался успѣшно литературою; нѣкоторые труды его напечатаны въ издававшемся тогда журналѣ «Ежемесячныя Сочиненія». По выходѣ изъ корпуса, былъ онъ короткое время флигель-адъютантомъ при государѣ Петрѣ III. Личныя достоинства и познанія открыли ему путь къ воспитанію наследника руссійскаго престола, цесаревича великаго князя Павла Петровича. Съ 1762 года 28 іюня, онъ былъ кавалеромъ при его высочествѣ, т. е. находился при немъ безотлучно, училъ его математикѣ, и, въ каждодневномъ обращеніи съ нимъ, старался внушать ему благонравіе и любовь къ отечеству. Записывая для памяти каждый вечеръ все, что происходило днемъ у великаго князя, онъ намѣренъ былъ, съ помощію этого журнала, написать со временемъ полную и связ-

* Лз 1 стр. 97—116. Лз 2 стр. 505—521.

ную исторію своего государя. Это бѣглыя замѣтки о томъ, что по маловажности своей налегче ускользаетъ изъ памяти. Будучи самъ еще очень молодъ (23-хъ лѣтъ), когда началъ вести свои записки, онъ продолжалъ ихъ, пока могъ, съ рѣдкимъ тщаніемъ, постоянствомъ и любовью. Въ одномъ мѣстѣ ихъ онъ говоритъ: «признаюсь, если бы я государя цесаревича столь сильно не любилъ, то не знаю, могъ ли бы продолжать ихъ такъ непрерывно». И въ самомъ дѣлѣ, вездѣ, въ его запискахъ, государь есть постоянно главный предметъ вниманія. И взаимно, его наградою была искренняя привязанность и расположеніе къ нему великаго князя. Почти три года съ половиною С. А. Порошинъ наслаждался расположеніемъ къ нему и любовью великаго князя, но въ 1765 году нашлись завистники его счастья; онъ былъ оклеветанъ передъ государемъ наслѣдникомъ. Послѣ этого Павелъ Петровичъ сталъ показывать къ нему свою холодность; однакожъ Порошинъ оправдался передъ нимъ и опять наслаждался прежнимъ его расположеніемъ. Что было потомъ, намъ неизвѣстно: ибо и записки, начатыя 20 сентября 1764 года, продолжаются только до 13 генваря 1766 года. Въ 1768 году, Порошинъ сдѣланъ командиромъ старо-оскольскаго пѣхотнаго полка. Въ 1769, на походъ въ Турцію, онъ заболѣлъ, и умеръ на двадцать девятомъ году жизни.

Онъ похороненъ въ елисаветградской крѣпости... Записки его доселѣ хранились у В. С. Порошина, профессора политическихъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, который издалъ ихъ въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: *Семена Порошина записки, служащія къ исторіи его императорскаго высочества благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича наслѣдника престолу російскаго. С.-п.-б. въ тип. Карла Края, 1844 г. 563 и XVIII стр. въ 8 д. л., съ*

подлинной рукописи, безъ всякихъ перемѣнъ, написавъ къ нимъ весьма замѣчательное по содержанію и изложенію предисловіе и сдѣлавъ нѣкоторыя примѣчанія. Въ началѣ Записокъ приложенъ портретъ автора, а въ концѣ автографъ десятилѣтняго цесаревича и снимки съ писемъ преосвященнаго Платона.

Обратимся къ самымъ запискамъ. Онѣ ведены поденно. Хотя авторъ имѣлъ въ виду одно описаніе только того, что непосредственно касалось до лица великаго князя, однакожъ журналъ его можно назвать и «Дворцовыми записками» двухъ годовъ царствованія императрицы Екатерины II. Порошинъ постоянно записывалъ, въ которомъ часу вставалъ и ложился великій князь, чему и у кого учился, о чемъ разговаривалъ, кто у него бывалъ за столомъ и о чемъ говорили (эта статья особенно интересна), въ какое время великій князь являлся къ императрицѣ, когда бывали куртаги, кто на нихъ присутствовалъ, что дѣлала императрица, по какимъ днямъ бывалъ придворный театръ и что на немъ играли, и проч. Однимъ словомъ читая эти записки мы видимъ предъ собою живую картину тогдашняго двора, видимъ всѣхъ приближенныхъ къ императрицѣ и можемъ составить себѣ о каждомъ изъ этихъ лицъ довольно вѣрную идею: ибо Порошинъ передаетъ намъ съ величайшею подробностію ихъ мысли и сужденія, приводя собственные ихъ слова.

Чтобы имѣть понятіе объ этихъ Запискахъ, приведемъ изъ нихъ день 23 іюля 1765 г. «Его высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученія въ билиардъ играть изволилъ. Его превосходительство Никита Ивановичъ * возвратился съ половины отъ ея ве-

* Гр. Никита Ивановичъ Панинъ былъ оберъ-гофмейстеромъ е. им. высочества, опредѣленъ къ этой должности 29 іюня 1760 года.

личества, куда онъ обыкновенно каждое утро съ дѣлами ходитъ. Обѣдали у насъ сегодня е. п. Петръ Ивановичъ Панинъ, е. с. вице-канцлеръ, молодой графъ Минихъ и Григорій Николаевичъ Тепловъ. Между многими разговорами наипримѣтнѣйшіе были: 1) О приключеніи съ нашимъ министромъ въ Мадридъ, графомъ Петромъ Александровичемъ Бутурлинымъ, которое разглашено по газетамъ, и является ложнымъ. 2) Какъ презрителенъ и ни къ чему неспособенъ человекъ, который профессію себѣ пзъ игры сдѣлаетъ, и совсѣмъ ей предается. 3) Что великому человеку свойственно не утрущаться смерти, гдѣ она необходима; что напротивъ того искать смертныхъ опасностей есть дѣло безразсудной дерзости. О семъ пунктѣ говорилъ по большей части Петръ Ивановичъ Панинъ. 4) О правахъ министра. 5) О здѣшней коммерціи. Не могу я преминуть, чтобъ не войти здѣсь въ нѣкоторую подробность о благородныхъ сентиментахъ. е. п. Никиты Ивановича, которые являлъ онъ сегодня въ разговорахъ своихъ. Онъ говорилъ и утверждалъ, что министру почти не можетъ быть никакой нужды вмѣсто правды говорить ложь; что иногда надобно скрыть правду ради общей пользы, а для того нѣтъ необходимости лжи и обмана выдумывать. Притворства и мошенничества называлъ е. п. маленькими средствами и слабыми убѣжищами весьма маленькаго духа. О себѣ е. п. увѣрялъ по чести, что въ двадцать лѣтъ, обращая дѣла министерскія, никогда не случилось ему говорить ложь вмѣсто правды, а что совсѣмъ тѣмъ сказать не можетъ, чтобы въ дѣлахъ своихъ имѣлъ онъ мало успѣху. Еще въ разсужденіи дѣлъ общихъ не такъ показывалъ себя чрезвычайно строгимъ е. п. въ семъ пунктѣ, какъ въ разсужденіи дѣлъ партикулярныхъ. Въ сихъ случаяхъ совсѣмъ отвергалъ онъ притворъ и обманы. Говорилъ, что прямо великаго и

благороднаго чловѣка дѣло истреблять и потушать вредительныя свои склонности, а не прикрывать ихъ стараться притворствомъ, которое никогда такъ велико не бывало и быть не можетъ, чтобы не могло быть проникнуто. Коль бы благополучно было сообщество, если бы много было согражданъ съ такими благородными и великими мыслями! Послѣ стола позабавясь, его высочество изволилъ сѣсть за свои ученія. У меня сегодня хорошо учился. Послѣ ученія игралъ его высочество въ биліардъ, и ставилъ по столу шашки, съ своими особыми воображеніями и примѣчаніями. У Никиты Ивановича сегодня ввечеру была комиссія. Были е. с. вице-канцлеръ, графъ Минихъ и Тепловъ. По окончаніи комиссіи, пошли мы на лугъ смотрѣть карусели. Возвратясь оттуда, изволилъ его высочество скоро сѣсть за столъ. Отужинавши, легъ опочивать; былъ десятый часъ въ половинѣ. Порошинъ не пропустилъ ни одного дня, въ который бы не записалъ всего застольнаго разговора и въ особенности Никиты Ивановича Панина. Изъ всего о немъ сказаннаго видно, какимъ обширнымъ умомъ, чувствительнымъ сердцемъ и твердымъ характеромъ обладалъ этотъ историческій чловѣкъ временъ Екатерины, какъ онъ старался оправдать ея выборъ.

Въ запискахъ Порошина почти на каждомъ шагѣ встрѣчаются историческія извѣстія и намеки о многихъ происшествіяхъ первыхъ годовъ царствованія императрицы. Онъ прерванъ только въ одномъ мѣстѣ, именно начиная съ 25 марта по 13 іюля (1765 г.). То чего не достаетъ, было отдано, по требованію, для просмотрѣнія е. с. графу Никитѣ Ивановичу Панину, но не возвращено, какъ самъ авторъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ, подъ 28 числомъ декабря, 1765 года.

Укажемъ теперь на нѣкоторыя мѣста «записокъ По-

рошина», въ которыхъ находимъ что-либо интересное о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, о происшествіяхъ случившихся въ это время, или же наконецъ рассказы лицъ, допускаемыхъ къ сообществу великаго князя.

Такъ напр. на стр. 74 подъ 13 октября между прочимъ авторъ говоритъ: «послѣ зашла рѣчь о покойномъ Волынскомъ, который казненъ во владѣніи государыни императрицы Анны Іоанновны. Его превосходительство Никита Ивановичъ извоилъ сказывать, что онъ недавно читалъ это дѣло, и чуть его параличъ не убилъ. Такія мученія претерпѣлъ несчастный Волынскій, и такъ очевидна его невинность! На сіе зачали описывать, какой негодный человѣкъ былъ Волынскій и какого звѣрскаго нраву. Никита Ивановичъ, хотя признавалъ, что онъ былъ человѣкъ свирѣпый и жестокосердый въ партикулярной жизни, однакожъ говорилъ при семъ, что имѣлъ многія достоинства въ жизни публичной, былъ разуменъ, въ дѣлахъ весьма знающъ, расторопенъ, безкорыстенъ, вѣрный сынъ отечества. Не взирая на сіе, еще раза два стараніе приложено бѣднаго Волынскаго съ худой стороны представить. Великій князь во все сіе вслушивался. Я не могъ удержаться, чтобы прямо къ нему адресуя рѣчь не сказать, что какъ всякій человѣкъ не безъ грѣха, такъ и Волынскій конечно имѣлъ пороки, но такіе, за которые нигдѣ жизни не лишаютъ, и что несправедливое мученіе надъ нимъ учиненное, и жестокая ему казнь должны болѣе возбуждать соболезнованіе, нежели воспоминаніе о слабостяхъ его права. Говоря о дѣлѣ Волынскаго, извоилъ его превосходительство Никита Ивановичъ сказывать, что и Григорій Николаичъ Тепловъ по этому дѣлу чуть-было несчастливъ не былъ. Онъ будучи тогда студентомъ, расписывалъ дерево для родословной Ар-

темья Петровича. Несчастному Артемью Петровичу Волинскому то въ государственное преступленіе вѣнчено было между прочимъ, что онъ велѣлъ написать свою родословную и велѣть родъ свой отъ князя Дмитрія Волинца, извѣстнаго по Мамаеву побоищу: заключено, что тѣмъ будто причитался онъ въ свойство къ фамиліи Романовыхъ. Сіе изъ самыхъ тягчайшихъ его преступленій было! Но какъ послѣ доказалъ, что онъ расчерчивалъ только по приказу, не зная ничего; что призванъ для того былъ къ Волинскому, и Еропкинъ тутъ назначалъ карандашомъ какъ чертить ему, то освобожденъ, а Еропкинъ взятъ и вѣсть съ Волинскимъ казненъ. Еще казненъ съ ними Хрущовъ, потому что ему былъ и Волинскому пріятель. Еще его превосходительство Никита Ивановичъ рассказывалъ, что по этому жъ дѣлу дошло было до князя Никиты Юрьича Трубецкаго; но что спасъ его въ то время Иванъ Ивановичъ Неплюевъ. Какъ послѣ добрались до Остермана, и князь Никита Юрьевичъ былъ въ комиссіи, то и Ивана Ивановича Неплюева также было выслуживаясь хотѣлъ управить какъ Остермана, говоря, что въ немъ душа Остерманская».

Подъ 2-мъ ноября 1764 г. Порошинъ говоритъ: «государь изволилъ встать въ семь часовъ. Прежде нежели успѣлъ еще я войтить къ е. в-у, изволилъ онъ прибѣжать ко мнѣ, и бросаясь на шею и цѣлуя меня, говорилъ: *прости меня, голубчикъ; я предъ тобой виноватъ, впередъ никогда уже ссориться не будемъ, вотъ тебѣ рука моя. Я разцѣловалъ руку его высочества и пошелъ съ нимъ чай пить*». Эти немногія слова живо характеризуютъ юное и чувствительное сердце великаго князя. На стр. 117 великій князь припоминаетъ рассказъ Порошина, какимъ образомъ государь Петръ Великій въ одно время мар-

шировалъ съ Преображенскимъ полкомъ по площади между бывшей исакіевской церковью и Синимъ мостомъ. «Государыня императрица Екатерина Алексѣевна на площади стоять тогда изволила; каждый офицеръ, поравнясь съ плутонгомъ своимъ противъ ея величества, останавливался и подходилъ къ ручкѣ, причемъ государыня изъ своихъ рукъ каждому чарку водки подносить изволила. Самъ государь, также поравнясь, остановился и выкушавъ чарку водки передъ народомъ, изволилъ поцѣловать государыню. Я слышалъ это (говорить Порошинъ) отъ отца своего, а онъ тому былъ свидѣтель». Какъ любопытны всѣ малѣйшія подробности обычаевъ вѣка Петрова.

Подъ 11 ноябрень: «Никита Ивановичъ рассказывалъ между прочимъ, что какъ блаженные памяти государь Петръ Великій калмыцкому хану Аюкѣ подарилъ карету, то ханъ принималъ у себя въ каретѣ сидя пословъ другихъ окрестныхъ владѣльцевъ. Наконецъ изломалось что-то у кареты, и Аюка-ханъ отправилъ ее и при ней посольство къ государю, чтобы приказалъ починить ее.

Всякій съ особеннымъ душевнымъ чувствомъ благодарить г. Порошина за изданіе столь примѣчательнаго труда своего предка.

Максимъ Васильевичъ Даниловъ, маіоръ артиллеріи, родился около 1722 года, учился въ артиллерійской школѣ, служилъ 16 лѣтъ въ военной службѣ и въ 1759 уволенъ въ отставку; находясь въ ней произведенъ въ маіоры 1765 года. Даниловъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій оставилъ между прочимъ «записки», въ видѣ родословія Даниловыхъ, сочиненныя имъ въ 1771 году и пополненныя послѣ. Простодушный рассказъ автора о своей жизни, картины общежитія, нравовъ и быта дворянъ, во времена императрицы Анны и Елисаветы, заниматель-

ные анекдоты, все это интересно и необходимо для полноты нашей исторіи XVIII столѣтія. Жаль что записки эти не велики и, кажется безъ конца. Онѣ случайно попались въ руки нашему археологу г-ну Строеву, который и издалъ ихъ въ 1842 г. въ Москвѣ въ 8-ю. «Рукопись, какъ говоритъ г. Строевъ, принадлежала самому автору, но очень дурнаго почерка, я поисправилъ её, не касаясь слога и выраженія, даже орѳографіи, какъ неотъемлемой собственности автора и его вѣка». При всей своей незначительности, книга эта весьма любопытна, не политическими свѣдѣніями, которыхъ въ ней вовсе нѣтъ, но чертами стариннаго дворянскаго быта, который отражается здѣсь какъ въ зеркалѣ, со всей своей азіатскою живописностью. Записки эти касаются только до одного Данилова и членовъ его семейства. Но, трудясь на этомъ ограниченномъ поприщѣ наблюденія, авторъ не умышленно высказалъ такіа вещи, о которыхъ, по справедливому замѣчанію *Библіотеки для Чтенія* нельзя не повторить словъ Грибоѣдова:

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»!

Подлинно дивишься и не вѣришь, читая эти простодушныя указанія на нравы и обычаи нашихъ дѣдовъ, людей отъ которыхъ мы ушли только на семьдесятъ лѣтъ. Повѣствуя о каждомъ членѣ своего знаменитаго рода, Даниловъ дошелъ наконецъ до своего втораго зятя Астафьева, которому между прочимъ, открылось наслѣдство въ девять-сотъ душъ послѣ брата отъ одного отца, но не одной матери.

«Онъ старался оное имѣніе за себя справить по закону, но въ Вотчинной Коллегіи учинены были отъ родственниковъ его споры, которые хотѣли быть ему въ наслѣдствѣ участниками. Зять мой Астафьевъ по-

дарилъ свою прежнюю вотчину Ржавецъ, бывшему тогда въ Вотчинной Коллегіи секретарю Каменеву. Каменевъ получа деревню къ себѣ во владѣніе, разсмотрѣлъ дѣло въ Коллегіи вправду и утвердилъ законнымъ наслѣдникомъ зятя моего, а прочихъ просителей всѣхъ отрѣшилъ. Зять мой Астафьевъ, получа большое наслѣдство, не прилежно сталъ уже въ полку служить; а какъ въ тогдашнее время отставки отъ службы не было или трудно ее получить было, то онъ нашелъ милостивца въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуска за малые деревенскіе гостинцы. Секретарь доволенъ былъ когда за паспортъ получить *душекъ двѣнадцать мужеска пола съ женами и дѣтьми*, съ обязательствомъ таковымъ, когда зять мой Астафьевъ на срокъ оныхъ подаренныхъ крестьянъ не вывезетъ куда назначено было, тогда неустойка награждается прибавкою къ двѣнадцати душамъ. Чтобъ не потерять дружбы, таковымъ полезнымъ отъ секретаря отпускомъ зять мой пользовался каждый годъ по договору. Случалось мнѣ и то видѣть самому, при самомъ уже его въ отпускъ отъѣздѣ, не оставлять у него писари полковые и ротные постели и подушекъ; хотя онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ, и то вытаскивали изъ подъ него и дѣлили по себѣ какъ завоеванную добычу. Странное видѣніе было сихъ безстыдныхъ подлецовъ! Полковой писарь былъ совѣстнѣе секретаря своего: *онъ бралъ только по одному человѣку за паспортъ*». Въ запискахъ Данилова встрѣчается много мѣстъ въ этомъ родѣ; укажемъ еще на слѣдующее:

«Въ августъ мѣсяцъ (1758) проскакалъ изъ арміи чрезъ Ригу курьеръ, и отъ него узнали о несчастной близъ Кистрина бывшей баталіи; къ великому тогда графа Шувалова неудовольствію, взяты были на оной баталіи его секретныя гоубицы Пруссакими въ добы-

чу, у которыхъ въ дуло не смѣли изъ своихъ Россіянъ смотрѣть немѣющіе особливой къ сему таинству до- вѣренности и присяги. Король прусскій, получа оныя гоубицы, приказалъ въ Берлинѣ поставить на площа- ди и открыть у нихъ секретныя дула для вольнаго смотрѣнія всѣхъ зрителей». Изъ приведенныхъ здѣсь мѣстъ предоставляемъ читателямъ заключить о зани- мательности записокъ Данилова.

Иванъ Рюминъ канцеляристъ, приговоренный къ лишенію чиновъ и сосланный въ Камчатку, оставилъ послѣ себя записки. Онѣ были найдены Николаемъ Петровичемъ Горловымъ и доставлены исторіографу флота Берху, который и воспользовался ими при опи- саніи жизни графа Морица Августа Беневскаго, из- вѣстнаго у Рюмина подъ именемъ *Венгерца Вейспос- ка*. Записки эти уже были напечатаны въ Сѣверномъ Архивѣ. Полковница Берхъ по смерти своего мужа по- жертвовала Академіи Наукъ въ числѣ прочихъ руко- писей и бумагъ историческаго содержанія, часть запи- сокъ Рюмина содержащую въ себѣ: *Описание о разбитіи въ Камчаткѣ города Большерѣцка Венгерцемъ Вейс- поскомъ и Шведомъ Винбландомъ, въ 1771 году*. Тет- радъ въ 4-ю на 26 листахъ. Рюминъ былъ очевид- цемъ этого происшествія. Записки свои онъ напи- салъ уже въ послѣдствіи времени; онѣ тѣмъ болѣе за- служиваютъ вѣроятія, что совершенно сходны съ повѣ- ствованіями подштурмана Бочарева и прочихъ, воз- вратившихся въ Россію странниковъ, бѣжавшихъ изъ Камчатки вмѣстѣ съ Беневскимъ.

Александръ Васильевичъ Храповицкій вступилъ въ службу 1756 года, въ 1782 сдѣланъ статсъ и ка- бинетъ секретаремъ императрицы (докладчикомъ), и былъ также употребляемъ по литературной части. Въ 1793 году онъ былъ пожалованъ тайнымъ со- вѣтникомъ и сенаторомъ. Умеръ въ самомъ концѣ

1801 года. — Храповицкій, извѣстный отличными дарованіями своими и остроуміемъ оставилъ намъ записки. Онъ провелъ лучшую часть жизни при дворѣ, многое видѣлъ, слышалъ, наблюдалъ и все это вносилъ въ свой дневникъ. Этого довольно, чтобы создать себѣ понятіе, какъ интересны должны быть его записки, тѣмъ болѣе что онъ ведены въ дни великолѣпнаго царствованія Екатерины II-ой. Г. Устряловъ выражается о Храповицкомъ и его запискахъ слѣдующимъ образомъ: «Храповицкій, докладчикъ или статсъ-секретарь Екатерины II-ой, также велъ дневникъ, въ которомъ столь же отчетливо, съ такою же откровенностью, какъ и Порошинъ, записывалъ все, о чемъ говорила съ нимъ императрица (слово въ слово), что поручала ему, что слышалъ и видѣлъ онъ при дворѣ; но по своему положенію, онъ могъ знать и видѣть несравненно болѣе, чѣмъ Порошинъ, и записки его, объемля около пяти лѣтъ царствованія Екатерины, самыхъ дѣятельныхъ, самыхъ обильныхъ дѣлами политическими (1786—1791), заключаютъ въ себѣ неоцѣненное сокровище разнообразныхъ, въ высшей степени достоверныхъ и безпристрастныхъ извѣстій о мудрой царицѣ сѣвера, которая является въ нихъ въ истинномъ своемъ величій» *. Свиньинъ при изданіи записокъ Храповицкаго говоритъ: «Здѣсь, въ семъ отчетѣ безпристрастнаго свидѣтеля и тонкаго наблюдателя, Екатерина является во всѣхъ случаяхъ, во всѣхъ видахъ и отношеніяхъ—и всегда безпримѣрною, всегда великою: пишетъ инструкцію о раздѣлѣ Польши и въ то же время занимается сочиненіемъ комедій, издаетъ указъ о наслед-

* Русс. Истор. Ч. 2 стр. 9 ст. 1845.

никахъ и переводить на русскій языкъ жизнь Альцы-біада, утверждаетъ представленные планы для войны съ Турціею и Швеціею, готовится отразить Англію и Польшу, ниспровергнуть козни тюльерійскаго двора и даетъ переписать арію изъ Федула! Разсматриваетъ трофеи очаковскіе и измаильскіе, и любитъся пріобрѣтеніемъ новаго антика, новой картины!.. Однимъ же изъ исполнителей сихъ разнообразныхъ занятій государыни — былъ Александръ Васильевичъ—одинаково равнодушный ко всему изыщному, одинаково любитель наукъ и художествъ, остроумный поэтъ, глубокомысленный политикъ, великодушный судья и откровенный царедворецъ».

Послѣ Храповицкаго осталось много интересныхъ бумагъ; всѣ они перешли къ его родственникамъ Сушковымъ. Въ 11 № Москвитянина на 1844 годъ встречаемъ ихъ перечень; вотъ онъ: «1) Черновыя собственноручныя Екатерины по разнымъ случаямъ записки, указы, распоряженія, шутки, сочиненія и переписка; напримѣръ: заботы о воспитаніи внуковъ своихъ императора Александра и цесаревича Константина; мысли о расколахъ и гоненіяхъ; предположенія объ усовершеніи руссійскаго флота; наставленіе генераль-адъютанту; урокъ генераль-прокурору; рѣшеніе участи *Солтычихи*, (такъ называли ее въ народѣ:) распоряженія во время чумы въ Москвѣ; цѣлая тетрадь по дѣлу Пугачева, о которой едвали зналъ Пушкинъ; совѣты К. Б. возвратиться къ мужу, который жаловался на самовольную отлучку жены; сказка и опера, съ предисловіемъ, Горе-богатыря; куплеты изъ водевиля: Федулъ съ дѣтьми. 2) Подлинныя письма императора Павла Петровича, государыни Маріи Федоровны; принца де Лина (*prince de Ligne*); и многихъ изъ извѣстныхъ тогда лицъ. 3) Свѣдѣнія о сарептской колоніи, о старинныхъ чинахъ

въ Россіи, о титулахъ, чинахъ и убранствѣ греческихъ властей, свѣтскихъ и духовныхъ. Свѣдѣнія статистическія о Россіи; Планъ Царь-града, *нарисованной* какъ сказано въ надписи княземъ Дмитріемъ Кантемиромъ. Въ числѣ этихъ бумагъ находились и подлинныя «Записки» Храповицкаго въ двухъ частяхъ, которыя П. В. Сушковъ поднесъ государю наследнику. Списки съ нихъ находятся у многихъ, но вѣрнѣйшіе по увѣренію самаго Н. В. Сушкова, были у А. И. Тургенева и у Свиньина; этому послѣднему онъ доставлены были И. И. Дмитріевымъ, получившимъ ихъ въ подарокъ отъ Храповицкаго.

Записки Храповицкаго напечатаны Свиньинымъ въ его Отечественныхъ Запискахъ на 1821 Ч. VII—XXXII. При изданіи изъ нихъ исключены многія подробности о частной жизни императрицы Екатерины, (кои во всякомъ быту и состояніи человека должны оставаться только въ кругу самомъ близкомъ). Записки эти писаны просто, кратко и плавно; на каждой ихъ страницѣ видна печать истины.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, дѣйст. тайн. сов. получилъ образованіе въ домѣ родительскомъ; по обыкновенію того вѣка, русской грамотѣ училъ его домашній слуга; по-Французски Савояръ, незнавшій со всѣмъ правилъ языка; по-нѣмецки Берлинецъ хваставшій Французскимъ, ненавидѣвшій свой языкъ и всячески старавшійся сдѣлать его противнымъ своему ученику. Молодой Лопухинъ занимался съ нимъ чтеніемъ Французскихъ книгъ, между тѣмъ какъ нѣмецкія лежали на учебномъ столѣ единственно для вида; онъ успѣлъ выучиться только одному чтенію, не понимая вовсе этого языка, который сдѣлался ему извѣстнымъ только 10 лѣтъ спустя. — Воспитаніе его кончилось на семнадцатомъ году. Однакожъ не смотря на все это Лопухинъ вышелъ человекомъ

дѣльнымъ. Онъ былъ записанъ въ военную службу, но болѣзнь принудила его оставить ее въ чинѣ полковника (на 27 году жизни). Потомъ онъ былъ предсѣдителемъ московской уголовной палаты, гдѣ руководствовался прекрасными и достойными подражанія правилами; первою его заботою было, чтобы наказаніе преступника было не только справедливое но и умеренное. Вышедъ въ отставку статскимъ совѣтникомъ Иванъ Владиміровичъ впалъ въ подозрѣніе у правительства, за приверженность къ Мартинистамъ, которыхъ тогда преслѣдовали, въ особенности за свое сочиненіе *О внутренней церкви*. Наконецъ онъ былъ потребованъ княземъ Прозоровскимъ, главнокомандовавшимъ Москвою, какъ сообщникъ Новикова, для представленія оправданія. Получивъ отвѣтъ Ивана Владиміровича, князь Прозоровскій объявилъ ему высочайшую волю: о ссылкѣ его въ деревню, дозволить остаться въ Москвѣ не болѣе 10 дней. Въ продолженіи этихъ десяти дней, случился большой переворотъ въ жизни Лопухина; 6 Ноября 1796 года скончалась Екатерина II. Императоръ Павелъ призвалъ Ивана Владиміровича въ С. Петербургъ, осыпалъ его милостями, давалъ ему многія важныя порученія и посты. Императоръ Александръ I-й уважалъ этого почтеннаго государственнаго мужа и употреблялъ его въ дѣлахъ важныхъ. Девизомъ Ивана Владиміровича было: *щадить челоуѣчество*; всю жизнь и вездѣ онъ не отступалъ отъ этого принципа. Онъ пользовался дружбою многихъ достойныхъ современниковъ въ числѣ которыхъ находились князь Николай Васильевичъ Репнинъ *, с. петербургскій митрополитъ Михаилъ,

* Еслибъ мои правила говоритъ И. В. Лопухинъ въ своихъ Запискахъ и дозволили мнѣ давать волю самолюбію, то не просилъ бы

И. П. Тургеневъ и знаменитый Юнгъ-Штилингъ.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ написалъ и перевелъ всего до 18 сочиненій философскаго, политическаго и религіознаго содержанія. Если у насъ суждено быть исторіи нашей цивилизаціи XVIII вѣка, то нѣтъ сомнѣнія, что лучшая въ ней страница будетъ посвящена значенію Лопухина въ исторіи русской нравственности. Въ числѣ упомянутыхъ сочиненій находятся и его Записки (дневникъ); онѣ хранятся въ рукописи, въ архивѣ Кол. Ин. Д. Отрывокъ изъ нихъ помѣщенъ въ журналъ: *Другъ Юношества*, 1812 года.—Стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на всю жизнь Ивана Владиміровича и ея принципъ, чтобы судить какъ важенъ долженъ быть этотъ трудъ его для отечественной исторіи.

С. Академики.

Непосредственнымъ преемникомъ Байера, по Академіи и по занятіямъ русскою исторіею, былъ Миллеръ.

Мы намѣрены сначала разсмотрѣть мнѣнія его о замѣчательнѣйшихъ вопросахъ русской исторіи, указать на важнѣйшія его историческія сочиненія и наконецъ вывести общій результатъ о направленіи всѣхъ ученыхъ трудовъ его.

Герардъ Фридрихъ Миллеръ родился 1705 года въ Вестфалии, въ городѣ Герфордѣ; учился сперва въ тамошней гимназіи, потомъ въ университетахъ рин-

другой на гробѣ моемъ надписи, кромѣ слѣдующей: «Онъ другъ былъ Репнина».

тельнскомъ и лейпцигскомъ подъ руководствомъ профессора Готшеда. Еще въ дѣтствѣ пророчили ему, что онъ будетъ служить Россіи, по энтузіасму, показанному имъ при видѣ Петра Великаго, когда монархъ проѣзжалъ чрезъ Герфордъ: пророчество сбылось и Миллеръ въ 1725 году прибылъ въ Петербургъ съ аттестатомъ профессора Минкена, которому былъ порученъ выборъ, изъ лейпцигскихъ ученыхъ для предполагаемой въ Петербургъ Академіи Наукъ. Сначала былъ онъ опредѣленъ адъюнктомъ историческаго и географическаго класса, потомъ въ 1728 году исправлялъ должность вице-секретаря, суббибліотекаря. Въ это время онъ издалъ 2 тома *Комментаріевъ Академическихъ*, и сдѣлалъ извлеченіе изъ I-го изъ этихъ томовъ, — Въ то же время (1728 — 1730), выучившись русскому языку, издавалъ онъ *Санктпетербургскія Вѣдомости* съ прибавленіями. Въ 1730 году произведенъ въ званіе профессора исторіи и члена Академіи, а въ 1731 отправленъ въ чужіе края для вызова ученыхъ.

По возвращеніи оттуда, онъ началъ составлять *Sammlung Russischer Geschichte*, изданіе котораго прекращено было отправленіемъ редактора вмѣстѣ съ Гмелинымъ, Крашенинниковымъ и другими, въ ученую экспедицію, въ Камчатку, для собранія историческихъ, географическихъ и статистическихъ свѣдѣній. — Хотя Миллеръ не доѣхалъ до Камчатки, куда для описанія былъ отправленъ Крашенинниковъ; однако же десятилѣтнее путешествіе (съ 1733 по 1743 г.) по разнымъ странамъ Сибири, гдѣ онъ разобралъ архивы всѣхъ важнѣйшихъ городовъ и особенно Чердыни, и собралъ множество статистическихъ и географическихъ свѣдѣній — принесло значительную пользу какъ русской исторіи, такъ и ему самому, давъ рѣшительное направленіе его историческимъ за-

нятіямъ. Онъ самъ говоритъ, * что открытіе нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ дотолѣ документовъ подало ему поводъ заняться новою русскою исторіею и писать о ней.

Возвратясь въ С.-Петербургъ, онъ занялся сочиненіемъ *Сибирской Исторіи* ** изъ документовъ имъ собранныхъ, которыхъ было до 50 томовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ нѣсколько различныхъ отдѣльныхъ статей статистическихъ о Сибири, и надзиралъ за составленіемъ карты этого края. Не смотря на зависть, уже начавшую преслѣдовать его, Миллеръ въ 1747 г. былъ удостоенъ званія руссійскаго исторіографа; но зложелательство не умолкло. Въ 1749 году, въ день тезоименитства императрицы Елисаветы, онъ былъ обязанъ произнести торжественную рѣчь, и избралъ предметомъ изслѣдованіе *О началѣ народа и имени русскаго* (*Origines gentis et nominis Russorum*), намѣреваясь доказывать въ ней мнѣніе, принятое Байеромъ, что Варяго-Руссы произошли изъ Скандинавіи. Напечатанная рѣчь его была конфискована и не произнесена. *** Враги его (въ числѣ коихъ находимъ, къ сожалѣнію и Ломоносова ****) донесли двору, что это мнѣніе о происхожденіи

* Sammlung Russischer Geschichte, 5 Theil. Versuch einer neueren Geschichte von Russland, — 18 стр..

** Первая часть этого сочиненія вышла въ С.-п.-бургѣ 1750 года подъ заглавіемъ: *Описаніе сибирскаго царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ*, соч. профессора Миллера; перев. съ Нѣмец. С.-п.-б. 1787 г. in 4°.

*** Сочиненіе это было однакожъ напечатано въ 1768 г. въ Allgemeine historische Bibliothek, выходившей въ Галле, подъ заглавіемъ: *Origines Rossicae*.

**** Шлѣц. Нест. Ч. I. стр. рме.

Руссовъ отъ Шведовъ, съ коими недавно были въ войнѣ, оскорбляетъ честь народную. Миллеру запретили произносить рѣчь и даже угрожали наказаніемъ. Онъ долго не могъ оправиться отъ страха, что видно изъ всѣхъ его послѣдующихъ сочиненій. Въ 1754 году Академія опредѣлила Миллера своимъ конференцъ-секретаремъ; въ этой должности, началъ онъ въ 1755 году издавать, съ помощію другихъ академиковъ, первый русскій ученый и литературный журналъ, подъ названіемъ: *Сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія*, продолжаемый имъ до 1765 года, въ 20 томахъ, которые наполнены самыми драгоцѣнными историческими отрывками, вышедшими изъ-подъ пера этого не утомимаго изыскателя. Не смотря на труды по этому журналу онъ съ 1758 года возобновилъ изданіе *Sammlung Russischer Geschichte*, и прекратилъ оное только въ 1765.

Въ царствованіе Екатерины II (1766) былъ онъ переведенъ въ Москву сначала въ званіи главнаго надзирателя Воспитательнаго Дома, тогда же учрежденнаго, потомъ опредѣленъ членомъ архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и наконецъ начальникомъ этого архива. Здѣсь открылось обширное поприще для любимыхъ его занятій. Подробное исчисленіе написанныхъ имъ въ это время изслѣдованій, равно какъ и книгъ, имъ изданныхъ, будетъ изложено ниже: скажемъ только о главныхъ трудахъ его. Онъ занимался разборомъ Разряднаго Архива и дѣлъ оставшихся отъ Посольскаго приказа; въ 1767 году избранъ былъ отъ Академіи депутатомъ въ комиссію о сочиненіи новаго уложенія; съ 1779 года составлялъ, по порученію императрицы, Дипломатическое собраніе всѣхъ трактатовъ и постановленій между Россіею и разными иностранными державами. Не смотря на старость свою онъ успѣлъ въ 1780 окончить Собра-

ніе дѣлъ россійскаго двора съ австрійскимъ, а въ 1781, такое же собраніе дѣлъ съ дворами прусскимъ и датскимъ. Кромѣ сихъ трудовъ, Миллеръ занимался изданіемъ книгъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ; сочинилъ много отдѣльныхъ разсужденій о разныхъ предметахъ русской исторіи, и доставлялъ въ Россійскую Вивліюеику, тогда издаваемую, большую часть статей, ее составляющихъ. Миллеръ скончался 1783 года, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, послѣ 58-лѣтнихъ трудовъ, неусыпныхъ и полезныхъ, заслуживъ благодарность всѣхъ любителей отечественной исторіи, цѣнителей ученой дѣятельности и трудолюбія. По смерти его, портфель, заключавшій въ себѣ неизданныя его сочиненія—дипломатическія коллекціи и разные другія статьи, еще не конченныя—поступилъ въ архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ имъ впоследствии пользовались Бантышъ-Каменскій и Карамзинъ.

Приступая теперь къ изложенію мнѣній Миллера о важнѣйшихъ вопросахъ россійской исторіи, мы лучшимъ считаемъ начать разборомъ его понятія объ источникахъ древней нашей исторіи, т. е. о лѣтописяхъ. Она заключается въ двухъ его сочиненіяхъ: а) *О первомъ лѣтописателѣ россійскомъ преподобномъ Несторѣ, о его лѣтописи и о продолжателяхъ оныхъ* *; б) во вступленіи къ разсужденію *О происхожденіи Новгорода и проч.* ** Первая статья замѣчательна тѣмъ, что въ ней изложены впервые многія мнѣнія о лѣтописяхъ, донынѣ господствующія между

* Въ *Ежемѣсяч. сочиненіяхъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ*. 1755. Апрѣль.

* Kurzgefasste Nachricht von dem Ursprunge der Stadt Nowgorod und den Russen ueberhaupt u. s. w. — Sammlung Russ. Gesch. 5 Band. 1760.

нашими изслѣдователями исторіи. Онъ начинаетъ фразою, заслуживающею особенное вниманіе: «вспмъ извѣстно, что начало лѣтописаній россійскихъ», (онъ разумѣетъ лѣтописи—до насъ дошедшія) «приписать должно кіевопечерскаго монастыря монаху, преподобному Нестору.» *Вспмъ извѣстно!* вотъ начало этой увѣренности, что преподобный Несторъ написалъ лѣтописи, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ. За Миллеромъ повторяютъ это всѣ изслѣдователи нашей исторіи, (какъ истину неоспоримую.) Въ Миллерѣ находимъ также начало этого энтузіасма къ нашимъ лѣтописямъ, который послѣ заставилъ Шлёцера сказать: «Русская исторія очень вѣрна по богатству своему въ достовѣрныхъ временникахъ и прочихъ историческихъ источникахъ». * Миллеръ отдаетъ преимущество русскимъ лѣтописямъ предъ лѣтописями всѣхъ другихъ славянскихъ и сѣверныхъ народовъ, и—продолжая превозносить ихъ—говоритъ: «самъ Стрѣйковскій, славный польскій историкъ, не нашелъ лучшаго основанія, кромѣ нашего Нестора къ сочиненію своей польской и россійской хроники.»

Въ той же статьѣ Миллера—*О первомъ лѣтописателѣ россійскомъ и проч.*—въ первый разъ встрѣчаемъ мнѣніе о времени, когда Несторъ кончилъ писать лѣтопись, и о его продолжателяхъ, — мнѣніе, съ небольшими измѣненіями, также донинѣ господствующее въ нашей исторіи. Миллеръ слѣдуетъ въ этомъ Татищеву, несоглашаясь съ нимъ только въ годъ кончины Нестора, которую Татищевъ полагаетъ въ 1093, а Миллеръ въ 1115.

Укажемъ теперь на мнѣнія Миллера объ источни-

* См. Шлѣц. Нест. предувѣдомленіе, стр. XXXV.

кахъ древней исторіи нашей, изложенныя имъ въ разсужденіи *О дѣлахъ и князьяхъ новгородскихъ*. Разсказывая о городѣ Словенскѣ (который, по мнѣнію его, существовалъ прежде половины V столѣтія), онъ говоритъ: «Здѣсь оба лѣтописателя» (*Несторъ и лѣтописецъ новгородскій*, которыхъ онъ различалъ) «говорятъ о временахъ очень отъ нихъ отдаленныхъ; невѣроятно также, чтобы они имѣли предъ глазами письменныя свидѣтельства, на которыхъ основали свои повѣствованія: тѣмъ не менѣе, не должно отвергать ихъ показаній. Происшествія такого рода могли быть сохранены въ изустныхъ преданіяхъ». Повѣствуя о сношеніяхъ древняго Новгорода съ Скандинавіею, онъ говоритъ: «я пропускаю войны древнихъ сѣверныхъ народовъ съ Гмгардомъ или Новгородомъ. Всѣ *Саги* ими наполнены». **

Изложивъ понятія Миллера объ источникахъ древней нашей исторіи и въ особенности о лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Нестора, — приступимъ къ разсмотрѣнію мысли его о происхожденіи Руси. Какъ мы сказали выше, онъ держался мнѣнія Байера и выводилъ Варяго-Руссовъ изъ Скандинавіи; но уstraшенный запрещеніемъ рѣчи, въ которой хотѣлъ доказывать свое мнѣніе, и угрозою наказанія, Миллеръ перемѣнилъ образъ мыслей объ этомъ предметѣ, и въ разсужденіи *О происхожденіи Новгорода и Руссовъ вообще* *** уже старался приблизиться къ Ломоносову, который, слѣдуя Преторію и основываясь на

* Sammlung R. G. 1760. 328 стр.

** См. *О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ*, сочиненіе Г. Миллера, перевелъ съ нѣмецкаго Иванъ Долинскій. С. Петербургъ, изданіе 1-е 1773 года; 2-е 1788 г. in 8. — стр. 10.

*** Kurzgefasste Nachricht u. s. w. Samm. R. G. 1760.

Степенной книгѣ, выводилъ Варяго-Руссовъ изъ Пруссіи. Однакожъ Миллеръ не производилъ Руссовъ, по примѣру Ломоносова, отъ древнихъ Пруссовъ, будто бы соплеменныхъ Славянамъ; но полагаясь на авторитетъ географа Равенскаго, показывающаго, что Роксолане жили при берегахъ Балтійскаго Моря, по Вислѣ, говоритъ, что эти Роксолане именно тѣ Варяго-Руссы, изъ среды коихъ Новгородцы избрали себѣ князей. Шлёцеръ, въ своемъ *Несторѣ*, давно уже оцѣнилъ это мнѣніе, основанное на слишкомъ подозрительномъ авторитетѣ географа Равенскаго, время существованія котораго даже неопредѣлено съ достовѣрностію. * Вотъ слова Шлёцера: «Сей, впрочемъ ученый человѣкъ (*Миллеръ*), поступилъ при этомъ случаѣ безъ всякой критики, такъ что не приводитъ даже словъ географа Равенскаго.» **

Подробнѣе изложилъ Миллеръ свое мнѣніе о происхожденіи Руссовъ въ статьѣ о Варягахъ, находящейся въ сочиненіи его: *О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ*. *** Взглядъ его обширнѣе: онъ знаетъ южныхъ Руссовъ, о которыхъ совсѣмъ не упоминалъ въ статьѣ, выше нами разобранной, и хочетъ подвести ихъ подъ свою систему. «Россы были и прежде Рюрика; Варяги, т. е. Роксолане — владѣли Кіевомъ, когда Новгородъ еще былъ свободенъ—говоритъ онъ; византійскіе писатели упоминаютъ о походѣ Россовъ на Константинополь около 860 года (по Шлёцеру около 866); въ лѣтописи Нестора также го-

* Ibid. стр. 368, и *О народахъ, издревле* и проч. стр. 109—110.

** Шлёц. *Нест.* часть 1-я стр. 373.

*** Сочиненіе это издано въ русскомъ переводѣ въ 1773 году, а на нѣмецкомъ было напечатано въ 6-й части Бюшингова Магазина.

ворится о походе Аскольда, хотя нѣсколькими годами позднѣе: вѣроятно Несторъ ошибся и Аскольдъ за-долго предъ Рюрикомъ правительствовалъ въ Кіевѣ». Шлёцеръ укоряетъ его въ этомъ отступленіи отъ Нестора *. Впрочемъ Миллеръ, въ статьѣ о Варягахъ, не оставивъ мнѣнія своего о происхожденіи Руссовъ, отъ Роксоланъ опять ссылается на географа Равенскаго, хотя и съ меньшею увѣренностію излагаетъ уже свое мнѣніе, говоря: «если о семъ мнѣніи вообще разсуждать, то оное есть конечно не иное что, какъ одно положеніе (*предположеніе*), съ которымъ не можно дойти до совершенной въ томъ подлинности.» Съ другой стороны онъ, какъ видно, оправившись отъ страха, смѣло нападаетъ на мнѣніе Ломоносова, порицая его въ недостаткѣ критики и говоритъ, что онъ: «не оказалъ себя въ исторіи искуснымъ и вѣрнымъ повѣствователемъ.»

Вообще какъ въ первомъ, такъ и во второмъ Разсужденіи о происхожденіи Руссовъ, Миллеръ чрезвычайно запутанъ. Въ первомъ ** говоря о томъ, что слѣды имени русскаго находятся въ Швеціи, Пруссіи и Лифляндіи, онъ заключаетъ слѣдующими словами: «и такъ, по нашему мнѣнію, имя русское сдѣлало порядочный обходъ (*einen ziemlichen Umweg*), чрезъ Польшу, Пруссію, Лифляндію, Швецію, Финляндію, пока не возвратилось въ древнее свое отечество». Въ Разсужденіи о Варягахъ еще болѣе сбивчивости: не зная, куда причислить своихъ Роксоланъ, Миллеръ сначала относитъ ихъ къ Готамъ ***, и такимъ образомъ

* Шлёц. Нест. часть 2-я стр. 96.

** Kurzgefasste Nachricht. u. s. w. Samm. R. G. 1760 388 стр.

*** О народахъ, издревле и проч. стр. 83.

дѣлаеть соплеменными Шведамъ; а послѣ смѣшиваетъ съ Эстіями или Эстами, жившими въ VI столѣтіи, на берегахъ Вислы, когда Θεодорикъ писалъ къ нимъ письмо, сохраненное Кассіодоромъ, хотя всѣмъ извѣстно, что Эсты народъ финскаго племени и хотя самъ же Миллеръ, въ другомъ мѣстѣ своего разсужденія, опровергаетъ происхожденіе Руссовъ отъ Финновъ.

Вотъ мнѣнія Миллера о двухъ вопросахъ, которые до нынѣ еще составляютъ предметъ разногласія между изслѣдователями нашей исторіи.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію замѣчательнѣйшихъ изъ тѣхъ его сочиненій, въ коихъ онъ хотѣлъ быть историкомъ прагматическимъ.

Первое мѣсто между ними занимаетъ безъ сомнѣнія по обширности, если не по важности предмета, въ ней изложеннаго, *Сибирская Исторія* *. Но мы не будемъ распространяться о ней: потому, что это сочиненіе, хотя заслуживающее полное уваженіе, какъ подробное повѣствованіе происшествія важнаго для отечественной исторіи вообще, не представляетъ, ни по своему изложенію, ни по мнѣніямъ, въ немъ заключающимся ничего особенно замѣчательнаго для критики.

Предметомъ нашего разсмотрѣнія будутъ три сочиненія Миллера: 1) *Краткое извѣстіе о началѣ Новгорода, о князьяхъ его и важнѣйшихъ происшествіяхъ его исторіи*; ** 2) *О происхожденіи Козаковъ*

* Сочиненіе это издано на нѣмецкомъ языкѣ въ Sammlung. R. G. въ 1761 и 1763 годахъ, а на русскомъ въ одномъ томѣ (неокончено).

** Kurzgefasste Nachricht von dem Ursprunge der Stadt Nowgorod und den Russen ueberhaupt u. s. w. S. R. G. 5 Band. 1760.

вообще и въ особенностях о Козакахъ Запорожскихъ;
 * 3) Опытъ новой исторіи Россіи. ** Въ этихъ сочиненіяхъ, столь важныхъ по самому предмету, является онъ со всѣми достоинствами и недостатками, принадлежащими какъ ему лично, такъ и времени, въ которое онъ писалъ. Прежде, нежели приступимъ къ отдѣльному разбору каждаго изъ этихъ произведеній Миллера, позволимъ себѣ сдѣлать одно общее замѣчаніе. Миллеръ, какъ всѣ почти современные ему изслѣдователи, не чувствовалъ необходимости изученія исторіи одного государства въ связи съ Исторіею Всеобщею. Довѣренность къ русскимъ лѣтописямъ, unsere russ. Geschichtsbücher, какъ онъ ихъ называетъ, еще болѣе усиливала въ немъ это одностороннее направленіе. Къ какимъ несообразностямъ приводитъ Миллера эта односторонность, увидимъ тотчасъ при разборѣ его Исторіи Новгорода.

Онъ относитъ начало этого города къ половинѣ V столѣтія, *** когда, по словамъ лѣтописи, Славяне пришли съ Дуная; впрочемъ думаетъ, что прежде еще Новгорода существовалъ Словенскъ. «Этому, говоритъ онъ, не противорѣчатъ показанія Прокопія Кесарійскаго, изъ которыхъ видно, что Славяне жили сначала на Волгѣ: иные изъ нихъ, отошедши на сѣверъ, основали Словенскъ». Далѣе, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, приводитъ слова Іорнанда, и хочетъ узнать Новгородъ—въ его *civitas Nova*, а въ la-

* Sammlung R. G. 4 Theil. Von dem Ursprunge der Kosaken und Nachrichten von den Saporogischen Kosaken.

** Samlung russischer Geschichte, 5 Theil. Versuch einer neueren Geschichte von Russland.

*** Samm. R. G. 5. Theil. Kurzgefasste Nachricht. u. s. w 382, 383 стр.

cus Musianus—озеро Ильмень, которое, въ древности, по словамъ лѣтописи, насывалось *Мойскъ*! *

Миллера нельзя упрекать въ упущеніяхъ: онъ исчисляетъ всѣхъ князей, которые безпрестанно смѣнялись въ Новгородѣ, потому что ихъ то изгоняли, то призывали снова; ** повѣствуетъ подробно объ отношеніяхъ Новгорода къ Москвѣ и къ Литовцамъ, говоритъ о подаркахъ, какіе Новгородцы дѣлали великимъ князьямъ московскимъ и литовскимъ; о томъ, какъ подарки московскимъ князьямъ все болѣе и болѣе возрастали, какъ Новгородцы принимали равно князей русскихъ и литовскихъ, лишенныхъ удѣловъ, когда тѣ приходили къ нимъ; какъ давали имъ удѣлы, и даже болѣе любили Литовцевъ, нежели Русскихъ, потому что тѣ были вообще храбрѣйшими предводителями — все это однако же не привело Миллера на мысль объ особомъ образованіи Новгорода, отличномъ отъ образованія другихъ городовъ Россіи!

Есть впрочемъ два мѣста, гдѣ Миллеръ какъ бы приводитъ это различіе, и сходство образованія Новгорода съ городами нѣмецкими: на страницѣ 395, говоря о законахъ, данныхъ Ярославомъ Новгороду, онъ замѣчаетъ въ Русской Правдѣ сходство съ узаконеніями другихъ сѣверныхъ народовъ; — но сказавъ это, онъ не объясняетъ, съ какими именно. Другое мѣсто гораздо замѣчательнѣе: описывая устройство Новгорода и Пскова, до времени покоренія перваго Іоанномъ Васильевичемъ III, онъ говоритъ: «Правленіе Новгорода и Пскова было тогда со-

* Шлёцеръ въ своемъ *Несторѣ*, Часть 1-я стр. 127, говоритъ, что остроумнѣе другихъ изъясняетъ это названіе Гебгарди, отыскивающій ихъ въ Валахія.

** *Sammlung*, 5 Theil, 403 S. u. f. — Князей смѣнилось въ одно столѣтіе тридцать!

вершено сходно съ правленіемъ вольныхъ нѣмецкихъ городовъ, которые вѣроятно служили имъ образцами во внутреннемъ устройствѣ;» и далѣе — что «степенный посадникъ соотвѣтствовалъ нѣмецкому бюргермейстеру, тысяцкой — цунфтмейстеру» и проч. Откуда же именно взялось это сходство? Если оно заимствовано Новгородцами у городовъ ганзейскихъ, то когда и какъ? На эти вопросы Миллеръ не предлагаетъ никакого отвѣта. Если бы онъ сообразилъ исторію Новгорода съ современною исторіею Ганзы, быть можетъ все бы представилось ему съ другой точки зрѣнія, и теперь не было бы нужды совершенно передѣлывать Исторію Новгородскую.

Еще одно мѣсто заслуживаетъ особенное вниманіе, именно то, гдѣ Миллеръ говоритъ о началѣ чеканенія монеты въ Новгородъ * (1426 г.) и о *кожаныхъ деньгахъ*, называемыхъ имъ: Mortki и Stirn-Läppgen von Eichhörnern.

Статья Миллера о *Козакахъ*, состоитъ изъ двухъ частей: первая занимается Козаками вообще и излагаетъ разновременное происхожденіе всѣхъ Козаковъ российскихъ; во второй собраны извѣстія о Запорожцахъ, полученные большею частію, какъ говоритъ авторъ, отъ одного русскаго офицера, долгое время жившаго между ними. Происхожденіе Козаковъ малороссійскихъ, которые древнѣе всѣхъ другихъ, не безъ основанія относитъ Миллеръ къ началу XIV столѣтія, когда Гедиминъ завоевалъ Кіевъ и Поляки покорили Чермную Русь; начало ихъ приписываетъ обитателямъ Малороссіи, бѣжавшимъ отъ утѣсненія Поляковъ

* Sammlung, 5 Theil, 430 стр.

въ низменныя страны при Днѣпрѣ, и принявшимъ тамъ, по необходимости, воинскій образъ жизни, хотя они и не приучены были къ нему съ рожденія. Странно однако же предположить, чтобы мирные жители, принужденные утѣсненіями къ бѣгству, могли въ скоромъ времени, одни образовать столь замѣчательное воинское общество, каковымъ было козацкое. Впрочемъ вся статья Миллера о Козакахъ, достойная уваженія, какъ богатое собраніе фактовъ, послужившее основаніемъ для всѣхъ, писавшихъ послѣ него о семъ же предметѣ, не представляетъ для критики болѣе никакихъ особенно замѣчательныхъ мнѣній. Въ ней находятся нѣкоторыя ошибки, исправленныя позднѣйшими изслѣдователями.

Важнѣйшее сочиненіе Миллера, какъ историка прагматическаго, есть его: *Опытъ новой исторіи Россіи* — и здѣсь-то именно видно, сколь мало былъ онъ способенъ къ исторіи прагматической. Миллеръ говоритъ, что онъ написалъ свою исторію, какъ продолженіе исторіи Татищева: не характеризуетъ-ли это цѣлаго сочиненія? * Въ описаніи царствованій Θεодора Іоанновича и Бориса Годунова, главными его источниками были *Лѣтопись о мятѣжахъ и о разореніи московскаго государства*, ** *Разрядныя и Родословныя книги*. Этимъ источникамъ ввѣрялся онъ почти также слѣпо, какъ лѣтописямъ Нестора и попа Іоанна въ Исторіи Новгородской; потому въ

* Замѣтимъ, въ оправданіе Миллера, что тогда, кромѣ исторіи Татищева и Ядра Хилкова — не было другихъ русскихъ исторій!

** Лѣтопись эта была въ послѣдствіи имъ самимъ издана.

составъ его сочиненія вошли съ одной стороны мелочные анекдоты изъ *Лѣтописи о мятежахъ*, съ другой нѣсколько родословій, множество различныхъ описаній церемоніаловъ при приѣмѣ посольствъ и знаменитыхъ гостей, и росписей о боярахъ и воеводахъ, находившихся въ разныхъ случаяхъ при войскахъ царскихъ.

Лѣтопись о мятежахъ написана въ духъ враждебномъ Борису, а потому Годуновъ выставленъ съ самой дурной стороны въ исторіи Миллера. Миллеръ не могъ однако же не замѣтить достоинствъ человека, столь значительнаго, каковъ былъ Борисъ, и потому иногда принужденъ отдавать ему справедливость, хвалить его; иногда онъ даже слишкомъ увлекается, и въ одномъ мѣстѣ говоритъ о Борисѣ: «Можно властителю простить преступленія, если онъ одаренъ царскими добродѣтелями.» — Изъ этого смѣшенія, съ одной стороны, неслыханныхъ злодѣйствъ, которыя Миллеръ приписываетъ Борису, слѣдуя *Лѣтописи о мятежахъ*, съ другой стороны похвалъ, большею частию заслуженныхъ, но иногда превышающихъ мѣру, происходитъ какое-то неопредѣленное понятіе о характерѣ Годунова, котораго Миллеръ совсѣмъ не старается объяснить. Одинъ только Карамзинъ умѣлъ разгадать этотъ чудный характеръ Бориса, отделить въ немъ добро отъ зла, приписавъ тому и другому должную часть, и представить все въ стройномъ цѣломъ. Вообще замѣтно, что Миллеръ не умѣлъ распорядиться событіями и назначить въ своей исторіи каждому должное, ни болѣе ни менѣе; напротивъ, кажется, событія имъ распоряжаются: начавъ что-либо описывать, онъ за обязанность почитаетъ исчерпать весь предметъ, какова бы ни была относительная важность онаго; на примѣръ: повѣствуя о ничтожной войнѣ

съ Горцами, при Борисѣ, онъ доходить до такихъ подробностей, что даже исчисляетъ имена Русскихъ убитыхъ въ сраженіи.

Мы говорили о недостаткахъ сочиненія Миллера; должно сказать и о его достоинствахъ: оно имѣетъ ихъ и имѣетъ много, особливо для времени, въ которое писано (1766.) Самое вступленіе очень замѣчательно; въ немъ впервые, кажется, съ подробностію говорено о всѣхъ почти отечественныхъ источникахъ русской исторіи: о *Несторѣ* и его продолжателяхъ, о *Хронографахъ*, о *Степенныхъ* книгахъ, о *Лѣтописи* о *мятежахъ* и разореніи московскаго государства, о *Ядрѣ* российской исторіи *Хилкова*, о *Родословныхъ* и *Разрядныхъ* книгахъ. Должно замѣтить, что тогда ни одинъ изъ этихъ источниковъ не былъ еще напечатанъ, и потому подробное о нихъ извѣстіе было чрезвычайно важно для всѣхъ, а въ особенности для иностранцевъ, занимавшихся русскою исторіей.

Другая услуга, оказанная Миллеромъ отечественной исторіи въ этомъ его сочиненіи, есть собраніе указаній на многихъ иностранныхъ писателей, касательно русской исторіи*; потомъ—критическая оцѣнка достовѣрности всѣхъ иностранцевъ, писавшихъ о самозванцахъ. ** Вообще замѣтить должно, что исторія Лже-Димитрія изложена у Миллера несравненно лучше исторіи Бориса Годунова: характеръ Лже-Димитрія очерченъ съ особеннымъ искусствомъ и дышетъ истиною. ***

* Въ одномъ краткомъ: *Опытъ новой р. и.* цитовано имъ болѣе тридцати различныхъ сочиненій на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

** Sammlung, 3 Theil, 183—186 стр.

*** Мы не говоримъ о маловажныхъ, фактическихъ ошибкахъ въ этой исторіи: ихъ легко исправить съ помощію Карамзина.

Окончивъ обзоръ замѣчательнѣйшихъ по нашему мнѣнію сочиненій Миллера, намъ слѣдуетъ вывести общій результатъ о направленіи историческихъ трудовъ его, и о томъ, что именно сдѣлалъ онъ для отечественной исторіи. Кромѣ исчисленныхъ нами и нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ сочиненій о разныхъ предметахъ русской исторіи, Миллеръ занимался еще географіей, этнографіей, статистикой Россіи и написалъ нѣсколько разсужденій о сихъ предметахъ. * Онъ занимался также изданіемъ книгъ географическихъ и историческихъ, и въ особенности памятниковъ отечественной древности; ** составлялъ

* Замѣчательнѣйшія изъ нихъ суть: *О торгохъ сибирскихъ; Описаніе живущихъ въ казанской губерніи языческихъ народовъ, яко: Черемисъ, Чувашъ и Вотякоевъ, съ показаніемъ ихъ жительства, политическаго учрежденія, тѣлесныхъ и душевныхъ дарованій и проч.* С.-п.-б. въ тип. Ак. Наукъ. 1791 г. — 8, напечатанныя въ *Sammlung R. G.* — и въ *Ежемесячныхъ соч.* — *О дворянствѣ российскомъ.* — *Abhandlung von den Völkern, welche vor Alters in Russland gewohnt haben*, въ *A. F. Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie.* Halle 1782. Томъ XVI стр. 288 — 350. — Народы, о которыхъ авторъ излагаетъ, суть: Скифы, Сарматы, Гипербореи, Готы, Аланы, Роксоланы, Гунны, Славяне, Болгары, Авары, Хозары, Варяги. Сочиненіе это написано 1772 года. Не смотря на всѣ его несовершенства оно было переведено на русскій языкъ и вышло подъ заглавіемъ: *О народахъ издревле въ Россіи обитавшихъ*; перевелъ съ нѣмецкаго Иванъ Долинскій; Спб. 1788 г. — 8. Въ статьѣ, помѣщенной въ *Сынѣ Отечества* 1821 года, № № 22, 23, находится исчисленіе всѣхъ сочиненій Миллера, съ нѣкоторыми пропусками однако же, потому что и тамъ не упомянуто на пр.: *Объ опытѣ новой российской исторіи.*

** Замѣчательнѣйшія изъ книгъ, изданныхъ Миллеромъ суть: *Исторія Россійская*, Татищева, М. 1768, 1769, 1773 и 1774; *Судебникъ царя Іоанна Васильевича* 1768; *Степенная книга*, 1771—1774. 2 части. *Ядро Россійской Исторіи*, к. Хилкова 1771; *Географическій лексиконъ*, Ѳ. Полупина 1773; *Письмо Петра Великаго къ графу Борису Петровичу Шереметеву*. М. 1774 г. *Описаніе Камчатки*, Крашенинникова. М. 1775.

Онъ издалъ также въ Амстердамѣ на нѣмецкомъ языкѣ: *Путеше-*

самъ географическія карты разныхъ мѣстъ Россіи и надзиралъ за ихъ составленіемъ.

По смерти его, какъ мы сказали, остались бумаги еще неизданныя, хранящіяся въ московскомъ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; замѣчательнѣйшій памятникъ его трудолюбія есть: 1) *Дипломатическое собраніе мирныхъ и другихъ государственныхъ договоровъ между Россіею и Дворами: Римско-Императорскимъ (съ 1486 до 1519 года), Пруссимъ-Бранденбургскимъ (1517—1700) и Датскимъ (1493—1652.)*

Карамзинъ не слишкомъ уважалъ Миллера, какъ критика. Миллеру дѣйствительно не доставало этой способности: онъ не только безразборчиво вѣрилъ нашимъ лѣтописямъ и Саксону Грамматику, но даже иногда собственныя свои предположенія, однажды сказанныя, послѣ уже почиталъ за дѣло совершенно доказанное; такъ на пр. въ исторіи Новгорода, сказавъ не знаемъ почему, что память о Словенскѣ сохранилась въ названіи *Стараго Городища*, далѣе онъ уже принимаетъ это за аксіому и говоритъ: «Мстиславъ Владиміровичъ построилъ въ 1099 году храмъ св. Николая на мѣстѣ, гдѣ былъ древній городъ Словенскъ.»

Впрочемъ нельзя и слишкомъ обвинять Миллера: время, въ которое онъ жилъ, его оправдываетъ. Конечно, его мнѣніе о происхожденіи Руси странно и неосновательно; — но вспомнимъ о другихъ системахъ, господствовавшихъ тогда, касательно этого вопроса: одни основываясь на Прокопѣи Кесарійскомъ , *

ствія и открытія Россіянъ съ описаніемъ рѣки Амура и помѣстилъ ихъ на русскомъ языкѣ въ своихъ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ.»

* Прокопій говоритъ: *Nomen etiam unus erat* (Славянъ и Антовъ)

производили имя Россовъ отъ разспянiя (тогда писали розспянiе); другiе отъ князя Рошъ, упоминаемаго пророкомъ Iезекiилемъ, и т. п. Какъ же не оправдать Миллера и не согласиться съ нимъ, когда онъ говоритъ: * «Наше мнѣнiе имѣетъ чувствительное превосходство надъ тѣмъ, которое ведетъ Россовъ отъ князя Роша.» Онъ ошибался въ мнѣнiи своемъ о лѣтописяхъ; но что же дѣлали всѣ его современники, занимавшiеся русскою исторiей?

Миллеръ не былъ прагматическимъ историкомъ: — онъ прекрасно рассказываетъ всякое отдѣльное происшествiе, со всѣми его мелочными подробностями, на пр. *Исторiю странъ при рѣкѣ Амуръ лежащихъ* или ** *О поискахъ за золотымъ пескомъ въ Бухарiи* *** и др.; но когда хочетъ возвыситься до исторiи цѣлаго государства, то... мы видѣли уже, какъ мало понимаетъ онъ историческiя лица и какъ худо распоряжается происшествiями для того, чтобы представить ихъ въ надлежащей перспективѣ. Не смотря на всѣ эти недостатки, Миллеръ заслуживаетъ однако же великую благодарность: — не будучи критикомъ или прагматикомъ въ полномъ смыслѣ, онъ изыскатель трудолюбивый, достойный всякаго уваженiя за то, что своими изслѣдованiями открылъ путь всѣмъ преемникамъ трудовъ своихъ, что неимовѣрною дѣятельностiю своею разбралъ множество матеріаловъ для отечественной исторiи. Онъ сдѣлалъ извѣстными всѣ почти главнѣй-

utrosque enim appellavit Σποροὺς antiquitas, ob id opinor, quia *блорαδην*, h. e. sparsim et rare positis tabernaculis, regionem obtinent, quo fit, ut magnum occupent spatium. *Штруммера, Memor. popul. tom I, pag. 24.*

* Sammlung, 5 Theil, 390 стр.

** Ibid. 7 Theil.

*** Ibid. 4 Theil.

шіе внутренніе источники русской исторіи; изданіемъ ихъ или подробнымъ о нихъ извѣстіемъ познакомилъ иностранцевъ съ отечествомъ нашимъ, представивъ его въ настоящемъ видѣ; Русскимъ—открылъ онъ внѣшніе источники ихъ исторіи. Никто изъ писавшихъ до него о Россіи не пользовался столько иностранными извѣстіями.

Вотъ заслуги его! Онъ несомнѣнно перевѣшиваютъ недостатки—и даже слишкомъ; вредъ, который могли принести ошибочныя его мнѣнія ложнымъ направлениемъ, даннымъ изученію исторіи въ нашемъ отечествѣ, — замѣняется пользою, пріобрѣтенною отъ заслугъ его.

Іоаннъ Эбергардъ Фишеръ, профессоръ исторіи и древностей въ гимназіи, находившейся при императорской Академіи Наукъ и членъ этой же Академіи, родился въ Эшлингенѣ (въ Швабіи) 1697, прибылъ въ Петербургъ въ 1730 году и былъ сперва проректоромъ гимназіи. Спустя девять лѣтъ онъ былъ отправленъ въ камчатскую экспедицію, изъ которой возвратился въ 1747 году. Умеръ въ 1771 году. Изъ числа немногихъ его сочиненій сюда относится одна только *Исторія Сибири*, вышедшая сначала на нѣмецкомъ языкѣ въ С.-п.-бургѣ 1768 г. in 8° въ 2 частяхъ а потомъ и на русскомъ подъ заглавіемъ: *Исторія сибирская, съ самага открытія Сибири, до завоеванія оной російскимъ оружіемъ, соч. І. Фишера, съ ландкартами: перевод. съ нѣмецкаго. С.-п.-бургъ 1774 г. — 8°*. При сочиненіи ея онъ пользовался трудами Миллера и сверхъ того пополнилъ ее собственными учеными и любопытными изысканіями.

Іоаннъ Готгильфъ Штриттеръ, статскій совѣтникъ, родился въ 1740 году въ Идштейнѣ, въ Нассау, былъ адюнктомъ Академіи Наукъ, потомъ определенъ въ санктпетербургскій а въ 1785 году въ

московскій архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Скончался въ Москвѣ 1801 года. Особенную благодарность потомства заслуживаетъ онъ за извлеченіе изъ византійскихъ историковъ всего относящагося къ Славянамъ вообще и къ Россіи въ особенности. Сочиненіе его вышло на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Memoriae populorum, olim ad Danubium, pontum Euxinum, paludem Moeotidem, Caucasum, mare Caspium, et inde magis ad Septentriones incolentium, e Scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae a Ioanne Gotthilf Strittero, Gymnasii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae Conrectore; T. I — IV; Petropoli, 1771—1779. in 4o. ** Еще до появленія этого сочиненія въ свѣтъ изъ него сдѣлано было извлеченіе на русскомъ языкѣ *Василіемъ Свѣтовымъ*. Это извлеченіе изъ извлеченія вышло подъ заглавіемъ: *Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія російскую исторію древнихъ временъ, и переселенія народовъ; собраны и хронологическимъ порядкомъ расположены Иваномъ Штриттеромъ; перевелъ съ латинскаго Василій Свѣтовъ 4 части. Санктпетербургъ 1770—1776 г. in 8°.*

* Томъ 1 содержитъ: Gothica, Vandalica, Gepidica, Longobardica, Herulica, Hunnica et Avarica.

Томъ 2-й: Slavica, Servica, Chrovatica, Zachlumica, Terbunica, Paganica, Diocleica, Moravica, Bosnica, Bulgarica, Valachica, Polonica, Russica, Lithuanica, Prussica, Samotica, Permica et Boemica.

Томъ 3-й: Turcica, Chazarica, Ungrica, Patzinacica, Uzica, Comanica et Tatarica.

Томъ 4-й: Lazica, Avasgica, Misimianica, Apsilica, Tzanica, Svanica, Meschica, Ziechica, Iberica, Alanica, Juthungica, Carpica, Varnica, Chamarica, Varangica, Nemitzica, Dacica, Pannonica, Sarmatica, Scythica, Massagetica, et Genealogias gentium.

Планъ этого сочиненія начертанъ былъ *Фишеромъ и Шлѣцеромъ* какъ объ этомъ упоминаетъ самъ Штриттеръ въ предисловіи къ своему сочиненію. Авторъ имѣлъ также намѣреніе сдѣлать подобное

Но нужно сказать по справедливости что этотъ трудъ ничего не стоитъ въ сравненіи съ великимъ трудомъ Штриттера. Извлеченіе это сдѣлано по старанію автора и заключаетъ въ себѣ только тѣ извѣстія византійскихъ писателей, которыя относятся не посредственно къ русской исторіи, или находятся съ нею въ близкой связи. Въ предисловіи къ каждой части находятся извѣстія о тѣхъ византійскихъ писателяхъ, изъ которыхъ сдѣланы въ ней извлеченія. Нѣмецкая обработка одного отдѣла Штриттерова сочиненія подъ заглавіемъ *Slavica* (Т. II.), находится въ: A. L. Schlözer's Allgemeine Nord. Geschichte стр. 345 подъ заглавіемъ: Geschichte der Slaven von Jahre 495 bis 1222 aus den Byzantinern vollständig beschriben von Hrn. Stritter. Статья эта въ послѣдствіи была переведена на русскій языкъ и помѣщена въ Сынѣ Отечества на 1814 годъ начиная съ № XVII. Сверхъ того Штриттеръ сочинилъ *Россійскую Исторію*, доведенную только до 1462 года, коей переводъ съ нѣмецкаго напечатанъ въ Санктпербургѣ съ 1800—1802 года въ 3-хъ частяхъ in 4°. Современники отдавали этому сочиненію полную справедливость по достовѣрности источниковъ изъ коихъ оно почерпнуто. Судя по первымъ тремъ томамъ исторія эта была бы также огромна, какъ Татищева; и Щербатова; — она лучше обѣихъ, хотя слогъ ея нѣсколько тяжелъ. На нее-то Екатерина II писала замѣчанія о чемъ сказано выше.

Штриттеръ написалъ еще *Nachrichten von Tauri-*

извлеченіе изъ церковныхъ писателей (Kirchenväter), но оно осталось безъ исполненія. Въ концѣ предисловія къ IV тому авторъ довольно пророчески говоритъ о пользѣ, которую должно по его мнѣнію принести это сочиненіе.

en, помѣщенные въ *Hermann's Beyträgen zur Physik* и. w. Часть I стр. 269—346.

Августъ Людовикъ Шлёцеръ родился 1735 года въ Яхштатѣ, въ княжествѣ Гогенлоге — Кирхбергѣ. Учился сперва въ Виттенбергѣ, а потомъ въ Геттингенѣ. Въ 1755 году онъ отправился въ Швецію, жилъ въ Упсалѣ и въ Стокгольмѣ (1756—57); провелъ зиму 1758—59 годовъ въ Любекѣ, и весною 1759 года возвратился опять въ Геттингенъ, для приготовленія къ путешествію на Востокъ. Отсюда онъ отправился въ С. Петербургъ, по приглашенію Миллера, который обѣщалъ доставить ему въ Россіи средства къ совершенію предполагаемаго путешествія. По прибытіи въ Россію (1762) Шлёцеръ опредѣленъ былъ адъюнктомъ Академіи Наукъ, получилъ званіе геттингенскаго профессора (1764), и въ томъ же году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, произведенъ былъ въ ординарные профессора исторіи при Академіи, съ особеннымъ порученіемъ заниматься исключительно древней русской исторіей. Во время пребыванія въ Россіи Миллеръ пользовался трудами его и держалъ его въ черномъ тѣлѣ. Шлёцеръ знакомъ былъ съ Ломоносовымъ, который съ такою завистью смотрѣлъ на эти занятія по части русской исторіи, что когда Шлёцеръ собравъ матеріалы для сочиненія русской исторіи, намѣревался отправиться за границу, Ломоносовъ говорятъ, донесъ на него Сенату, объявивъ, что Шлёцеръ отправившись за границу имѣетъ намѣреніе написать тамъ русскую исторію, которая не будетъ къ славѣ русскаго народа. Это навело на Шлёцера подозрѣніе правительства, но онъ оправдался и въ 1769 году, по истеченіи условленнаго срока, на который былъ обязанъ при Академіи, вышелъ въ отставку изъ нашей службы, и вступилъ въ званіе ординарнаго профессора философіи въ Ге-

тингенъ, а по смерти Ахенваля, получилъ отъ ганноверскаго правительства повелѣніе преподавать статистику, политику и исторію Европы. Здѣсь то начиная съ 1770 года Шлёцеръ занимался постоянно русскою исторіею, хотя въ 1773 и 74 годахъ путешествовалъ по Франціи, а съ 1780—82 по Италиіи. Онъ умеръ въ сентябрь 1809 года.

По прибытіи въ Россію Шлёцеръ написалъ: *Объ избраніи королей въ Польшу*, и издалъ это сочиненіе 1764 г. in 8°. Потомъ занялся изученіемъ древнѣйшей нашей лѣтописи Нестора. Съ 1767 — 1771 г. онъ издавалъ *Neuverändertes Russland* (Преобразованная Россія); въ 4 частяхъ; *Abhandlung über die Aufgabe: Könnte nicht die Ankunft des Lech in Polen zwischen den Jahren 500 und 560 gesetzt werden?* Danzig 1767. Второе изданіе 1770 in 4°; *Geschichte von Lithauen*; или: *Allgemeine Welthistorie*; Томъ 50; также въ *Allgemeine Welthistorie der neueren Zeit*. Томъ XXXII (Halle, 1785 in 4°). Въ этотъ же промежутокъ времени онъ написалъ и издалъ: *Probe russischer Annalen* 1768 Bromb. und Göttingen. (Опытъ русскихъ лѣтописей). Затѣмъ *Laxmanns sibirische Briefe* (Лаксмановы сибирскія письма); *Historische kritische Nebenstunden Oskold und Dir, eine russische Geschichhe*, 1773 (Оскольдъ и Диръ). *Historische Untersuchungen über Russlands Reichsgrundgesetze* (Историческое изслѣдованіе объ основныхъ законахъ россійскаго государства). *Vorschlag zu einem chronologischen Auszuge der Byzantiner*. Götting. gel. Anz. 1773 стр. 1324 и слѣдующія: Новѣйшее произведеніе Шлёцера есть изданіе лѣтописи Нестора, подъ заглавіемъ *Несторъ. Russische Annalen, verglichen, übersetzt und erklärt* *. Изданіемъ этимъ онъ оказалъ ве-

* О чемъ см. стр. 18.

ликую услугу древней русской исторіи. Шереръ перевелъ это сочиненіе на нѣмецкій языкъ, и издалъ подъ заглавіемъ: *Nestor des heiligen, ältesten Jahrbücher der russischen Geschichhe von 850 — 1203, ubersezt von Scherer. in 4°.*

Сверхъ того Шлёцеръ написалъ правила для сочиненія нашей исторіи; онъ изданы на нѣмецкомъ языкъ, потому что авторъ не могъ писать по-русски. По его мнѣнію, русскую исторію должно бы раздѣлить на 5 слѣдующихъ періодовъ. 1, *Россія раждающая-ся*, 2, *Россія раздѣленная*, 3, *Россія утѣшенная*; 4 *Россія побѣдоносная* и 5 *Россія процвѣтающая*. Уже Эминъ успѣлъ замѣтить, что подобная система свойственна исторіи каждаго почти народа и какъ онъ думалъ, заимствована у римскихъ богослововъ, которые точно также раздѣляютъ исторію христіанства. Онъ полагалъ что гораздо бы основательнѣе было раздѣлить ее на 3 періода: *княженій, царствъ и имперій*, и что подобныхъ періодовъ не заключаетъ въ себѣ никакая исторія другаго какого-либо народа, что въ нѣкоторомъ отношеніи и справедливо.

Въ продолженіе своей жизни Шлёцеръ написалъ 54 сочиненія историческаго и политическаго содержанія, мы упомянули здѣсь о тѣхъ только, которыя относятся къ нашему предмету.

Д. Іоаннъ Готлибъ Георги, профессоръ естественной исторіи и химіи въ гимназіи, находившейся при Академіи Наукъ, и членъ разныхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ, родился въ концѣ 1729 года въ Вахгольцагенѣ, въ герцогствѣ Помераніи; учился между-прочимъ въ Швеціи у славнаго Линнея. На сорокъ первомъ году (1770 года) онъ прибылъ изъ Германіи въ Санктпетербургъ и въ томъ же году отправленъ Академіею въ Астрахань въ помощь академику Фальку, которому поручено бы-

ло обозрѣть астраханскую и оренбургскую губерніи. Но Фалькъ заболѣлъ и Георги почти одинъ долженъ былъ дѣлать наблюденія, по смерти же перваго, Георги со всѣми студентами, бывшими въ Фальковой экспедиціи причисленъ былъ къ Палласовой, съ правомъ распоряженія своими сотрудниками. Провѣзжая чрезъ Иркутскъ, Томскъ, Тару, Тобольскъ, Исетскъ, Илимъ, Екатеринбургъ, Уфу и Башкирскія земли до Дауріи, онъ снялъ со всѣхъ этихъ мѣстъ исправныя карты и возвратился въ С.-Петербургъ 1774 года, а въ слѣдующемъ году представилъ Академіи въ двухъ частяхъ: *Bemerkungen auf einer Reise im Russischen Reiche von 1772—1774*, тогда же здѣсь изданныя, за которыя въ 1776 году сдѣланъ былъ адъюнктомъ академіи.

Георги имѣлъ удивительную способность и охоту снимать всякіе виды, и потому въ путешествіяхъ своихъ срисовывалъ все, что ни встрѣчалъ любопытнаго; вособенности же онъ составилъ большое собраніе рисунковъ, представляющихъ разные народы россійской имперіи, въ ихъ разнообразныхъ и часто довольно странныхъ нарядахъ. Палласъ помѣстилъ многіе изъ этихъ рисунковъ въ изданіи своихъ «Путешествій». Съ 1775 года Георги и самъ началъ было помѣсячно издавать ихъ по нѣскольку въ Санктпетербургъ, на подобіе журнала, подъ названіемъ: *Открываемая Россія* *. Но прекративъ это изданіе, онъ рѣшился изъ записокъ собственныхъ и прочихъ академиковъ, путешествовавшихъ по Россіи и описавшихъ её, составить сочиненіе, въ которомъ бы изображенные имъ народы были описаны съ ихъ свойствами, обрядами религіозными и обще-

* Рисунки эти были вырѣзаны на мѣди граверомъ Ротомъ.

жителейскими, обыкновеніями, жилищами, промыслами и прочими достопамятностями. Самые народы онъ раздѣляетъ по племенамъ, положивъ въ основаніе этого раздѣленія сходство языковъ, обрядовъ, обычаевъ, образа жизни и т. д., хотя впрочемъ это раздѣленіе не всегда у него вѣрно. Описаніе это на нѣмецкомъ языкѣ онъ издалъ 1776 года въ С.-пб. in 4°, и въ томъ же году, здѣсь же напечатаны переводы на французскій и русскій, но только трехъ первыхъ частей подъ заглавіемъ: *Описаніе всѣхъ въ российскомъ государствѣ обитающихъ народовъ*. Къ нѣкоторымъ экземплярамъ приложены были иллюминированные рисунки, всѣхъ числомъ до 100. Въ 1783 году Георги произведенъ былъ въ ординарные академики. Между-тѣмъ въ 1782 г. въ Лейпцигѣ вышло на нѣмецкомъ языкѣ второе изданіе упомянутой книги, а въ 1799 г. появилось также второе изданіе и русскаго перевода въ 4 частяхъ, гораздо исправнѣе и полнѣе, съ 100 рисунками и 8 виньетами иллюминированными *. Авторъ до-

* Въ I-й части описаны кратко, народы и письмена древнихъ Руссовъ, извѣстныхъ у Нестора подъ именами Чуди и Руси а нынѣ подъ именами финскихъ народовъ какъ то: 1. Лопарей, 2. Финновъ; 3. Латышей; 4. Эстовъ; 5. Ливонцевъ; 6. Ижорцевъ; 7. Черемисовъ; 8. Чувашей 9. Мордвы; 10. Вотяковъ; 11. Тептярей; 12. Вогуличей и 13. Остяковъ. Во. II-й части описаны народы татарскаго племени и другія нерѣшеннаго еще происхожденія сѣверныя сибирскіе, съ ихъ изображеніями, какъ то: 14. Татары Казанскіе; 15. Оренбургскіе; 16. Туралинцы; 17. Татары Тобольскіе; 18. Томскіе; 19. Нагайскіе Орды; 20. Татары Астраханскіе; 21. Таврическіе; 22. Нагайцы Кубанскіе; 23. Терекскіе; 24. Кондуровскіе; 25. Кавказскіе народы; 26. Лесгинцы; 27. Трукменцы; 28. Осеты; 29. Базіане; 30. Черкессы; 31. Абазы; 32. Кистенцы; 33. Чеченцы; 34. Югуши; 35. Мильгечи; 36. Карабулаки; 37. Кумыцкіе Татары; 38. Амбарлинцы; 39. Бухарцы; 40. Татарскіе поселенцы; 41. Башкирцы; 42. Мещеряки; 43. Барабинцы; 44. Киргизы; 45. Татары Обскіе; 46. Чулымскіе; 47. Качинскіе; 48. Телеуты; 49. Кистинскіе; 50. Тулибертскіе; 51. Абинцы; 52. Верхотомскіе; 53. Бирюссы; 54. Заянскіе; 55. Бел-

вольно основательно обработалъ свой предметъ, но художники слабо отвѣчали его перу своимъ искусствомъ. Эстампы приложенные къ этому сочиненію, вырѣзаны грубо, и ежели не всѣ, то по-крайней-мѣрѣ большая ихъ часть никуда негодится; они или худо сличены съ подлинниками, или худо срисованы, такъ что путешественники часто не узнавали въ нихъ тѣхъ народовъ, которыхъ они видѣли. Глава «*Россіяне*», написана по тогдашнимъ понятіямъ превосходно. Слогъ перевода въ свое время былъ хорошъ. Въ 1791 г. Георги издалъ въ С.-п.-б. на нѣмецкомъ языкѣ: *Описаніе столичнаго города Петербурга*, котораго не сравненно полнѣйшій и исправнѣйшій переводъ, подъ заглавіемъ *Описаніе російско-императорскаго столичнаго горо-*

тыри; 56. Якуты. Въ III-й части описаны народы Самоѣдскіе, правильнѣе Суомаіатскіе, Манжурскіе, Восточные, Симбирскіе и Шаманскаго вѣроисповѣданія, съ изображеніями ихъ, а именно: 57. Самоѣды; 58. Кайбалы; 59. Соѣоты 60. Мзторы; 61. Тубинцы; 62. Камачинцы; 63. Каракасы; 64. Народы смѣшанной породы; 65. Остяки Енисейскіе; 66. Аринцы; 67. Азалы; 68. Котовцы; 69. Народы Манжурскіе; 70. Тунгуссы; 71. Восточные Сибирскіе народы; 72. Юкагиры; 73. Камчадалы; 74. Коряки; 75. Чукчи; 76. Курильцы; 77. Жители острововъ восточнаго моря. 78. Шаманское вѣроисповѣданіе. Въ IV-й и послѣдней части описаны и изображены народы: 79. Монгольскіе; 80. Калмыки; 81. Ставропольскіе крещеные Калмыки; 82. Мугаметанскіе; 83. Буряты или Братскіе Татары; 84. Монголы; 85. Армяне; 86. Грузинцы; 87. Индѣйцы; 88. Нѣмцы и другіе Европѣйцы; 89. Поляки и 90. Россіяне съ краткимъ описаніемъ ихъ исторіи, предѣловъ, нарѣчій, очертанія лица, нравовъ, состояній, одѣянія въ каждомъ сословіи употребляемаго, самаго древняго и новѣйшаго, жилищъ, утварей домашнихъ, древнихъ и новѣйшихъ упражненій и занятій въ общежитіи обычаевъ и житейскихъ обрядовъ народныхъ музыкальныхъ орудій, забавъ, плясокъ привѣтствій и ласканій, суевѣрій, богопочитаній древнихъ и новѣйшихъ, расколовъ, набожности и проч. Казаки вообще, а именно: Донскіе, Гребенскіе, Терекскіе, Оренбургскіе, Моздокскіе, Чугуевскіе, Волгжскіе, Астраханскіе, Уральскіе, Сибирскіе, бывшіе Малороссійскіе, съ исторією о Малой Россіи, Запорожскіе, бывшіе Черноморскіе, Курляндцы, Литва и проч.

да. С, Петербурга и достопамятностей въ окрестностяхъ онаго, въ 15 отдѣленіяхъ, изданъ П. Безакомъ въ 3 частяхъ; С.-пб. 1794 года. Кромѣ сего Георги съ 1785 по 1787 годъ, издавалъ *Фальковы путешественныя записки*, въ 3 частяхъ, на нѣмецкомъ языкѣ. Последнее его сочиненіе издано незадолго до его смерти въ Кенигсбергѣ съ 1797 — 1802 г. подъ заглавіемъ: *Geograph. phys. und. natural. Beschreibung des russischen Reichs*, со многими чертежами, въ 3 частяхъ, съ прибавленіемъ. Хотя это сочиненіе Георги и не прямо относится къ нашему предмету, но мы дали ему здѣсь мѣсто единственно для полноты обзора вообще историческихъ трудовъ его. Онъ много также писалъ по части химіи *.

Андрей (Генрихъ) Карловичъ Шторхъ, академикъ, (родился въ Ригѣ 1766 года) получилъ образованіе въ іенскомъ и гейдельбергскомъ университетахъ, потомъ путешествовалъ по дальнимъ странамъ Европы. Въ 1788 году вступилъ въ службу профессоромъ литературы и исторіи въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, и въ 1798 году опредѣленъ наставникомъ при Великихъ Княжнахъ, а въ послѣдствіи и при Великихъ Князяхъ. Сдѣланъ академикомъ въ 1804 году. Онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ многія важныя сочиненія по части статистики россійскаго государства, а именно: 1. *Gemälde von St. Petersburg*, (Картина С. Петербурга). 2 части 1792 г. 2. *Statistische Uebersicht des Russischen Reichs* (Статистическое обозрѣніе россійской имперіи), въ таблицахъ, 1795. 3) *Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts*; von *Heinrich Storch*

* Этотъ трудолюбивый мужъ умеръ въ С.-пб. 1802 г.. на 72 году своей жизни.

(Riga und Leipzig, 1796—1803. Т. I—VIII). Сочиненіе это было переведено на французскій языкъ и вышло подъ заглавіемъ: *Tableau historique et statistique de l'empire de Russie*; 2 vol. in 8°, à Basle, 1804. Авторъ обозрѣвая Россію въ началѣ XVIII вѣка сравниваетъ ее съ положеніемъ, въ которомъ она находилась въ концѣ этого столѣтія, разсматриваетъ какъ преемники Петра Великаго продолжали его труды на тѣхъ основаніяхъ, которыя онъ положилъ; какіе успѣхи сдѣлало просвѣщеніе; какое было вліяніе нравовъ иностранныхъ на народъ русскій, какое дѣйствіе колоній заведенныхъ въ Россію—и какія слѣдствія политическихъ связей и торговли Россіянъ съ европейскими и азіатскими народами. 4) *Materialien zur Kenntniss des Russischen Reichs*, herausgegeben von Heinrich Storch; Riga 1796 года in 8°. 5) *Russland unter Alexander dem Ersten* (Россія въ правленіе Александра I.) 9 частей, 1803 — 1807. 6) на русскомъ языкѣ (вмѣстѣ съ ст. сов. Аделунгомъ): *Обозрѣніе литературы російской*, съ 1801—1805г. 2 части С.-п.-б. 1808 г. in 8°.

Мы не говорили бы здѣсь о трудахъ Шторха, еслибъ они не имѣли большею частью историческаго достоинства.

Мы указали на главныхъ двигателей исторической дѣятельности въ отечествѣ нашемъ до Карамзина. Но должны также замѣтить, что кромѣ означенныхъ нами сочиненій, въ концѣ XVIII столѣтія, появилось у насъ еще значительное число произведеній историческаго содержанія по разнымъ частямъ отечественной исторіи. Произведенія эти мелки, безъ именъ авторовъ и издателей и потому мы не рѣшились внести ихъ сюда въ видѣ каталога.

Въ заключеніе этого труда намъ остается сказать,

что въ царствованіе императрицы Екатерины II, не мало содѣйствовали развитію русской исторіи разныя ученныя экспедиціи, предпринятыя нашими академиками въ разныя части не объятной Россіи; въ нихъ лежатъ цѣлыя сокровища грубыхъ, необработанныхъ, но важнѣйшихъ историческихъ матеріаловъ а въ особенности *не-письменныхъ*. Съ какою тщательностію описывалось все уцѣлѣвшее отъ глубокой древности на поверхности пространной, русской территоріи и въ ея нѣдрахъ: развалины, окопы, городища, курганы могилы, урочища, и въ нихъ отрываемыя по временамъ и не значай предметы древняго русскаго быта, — все это уже давно описано и къ несчастію не замѣчено нашими архсологами! Преданія народныя, сказки, пословицы, поговорки, нѣсни, повѣрья и т. д. подслушаны и записаны, но до сихъ поръ ожидаютъ человѣка, который-бы разгадалъ ихъ и пролилъ свѣтъ на темную, безпрестанно удаляющуюся отъ насъ древнюю Русь! Не мало также содѣйствовали къ развитію нашей исторіи разныя ученныя общества, учрежденныя въ царствованіе Екатерины, а именно: *Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ*, основанное Харитономъ Андреевичемъ Чеботаревымъ, 2-мъ профессоромъ исторіи въ московскомъ университетѣ. Онъ былъ первымъ предсѣдателемъ этого «Общества» и трудился въ составленіи выписокъ изъ русскихъ лѣтописей для императрицы Екатерины II; онъ написалъ также «Россійскую исторію» для своихъ слушателей; но она не напечатана. Второе мѣсто должно занять *Вольное Россійское Собраніе*, учрежденное 1771 года при московскомъ университетѣ, по старанію куратора его И. И. Мелессино; оно имѣло цѣлью между-прочимъ и обработываніе отечественной исторіи. Дѣйствительными членами этого общества были профессора университета и другіе ученые и ли-

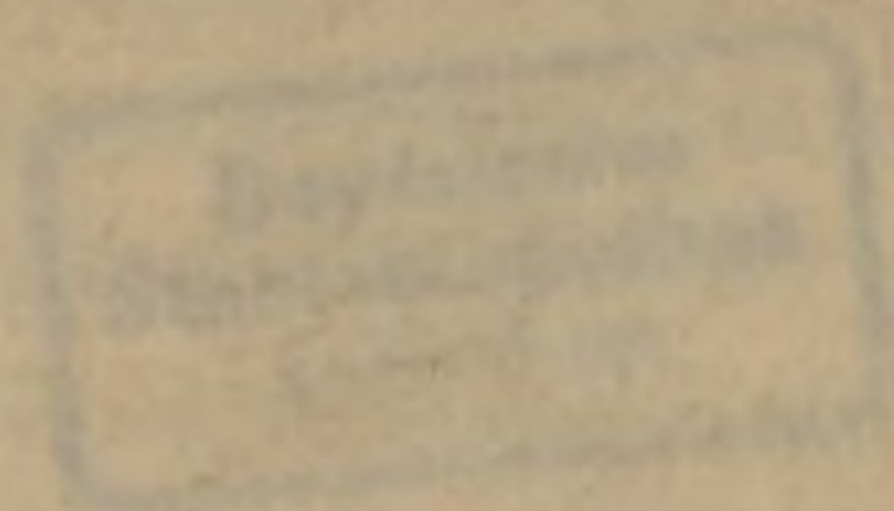
тераторы. Общество это съ 1774 по 1783 годъ изда-
ло шесть томовъ «Опыта трудовъ» своихъ, въ кото-
рыхъ въ особенности замѣчательны историческія
статьи, сообщенныя Миллеромъ и протоіереемъ Пе-
тромъ Алексѣевымъ. Занятія общества продолжались
около 14 лѣтъ, то есть до 1788 года и т. д.

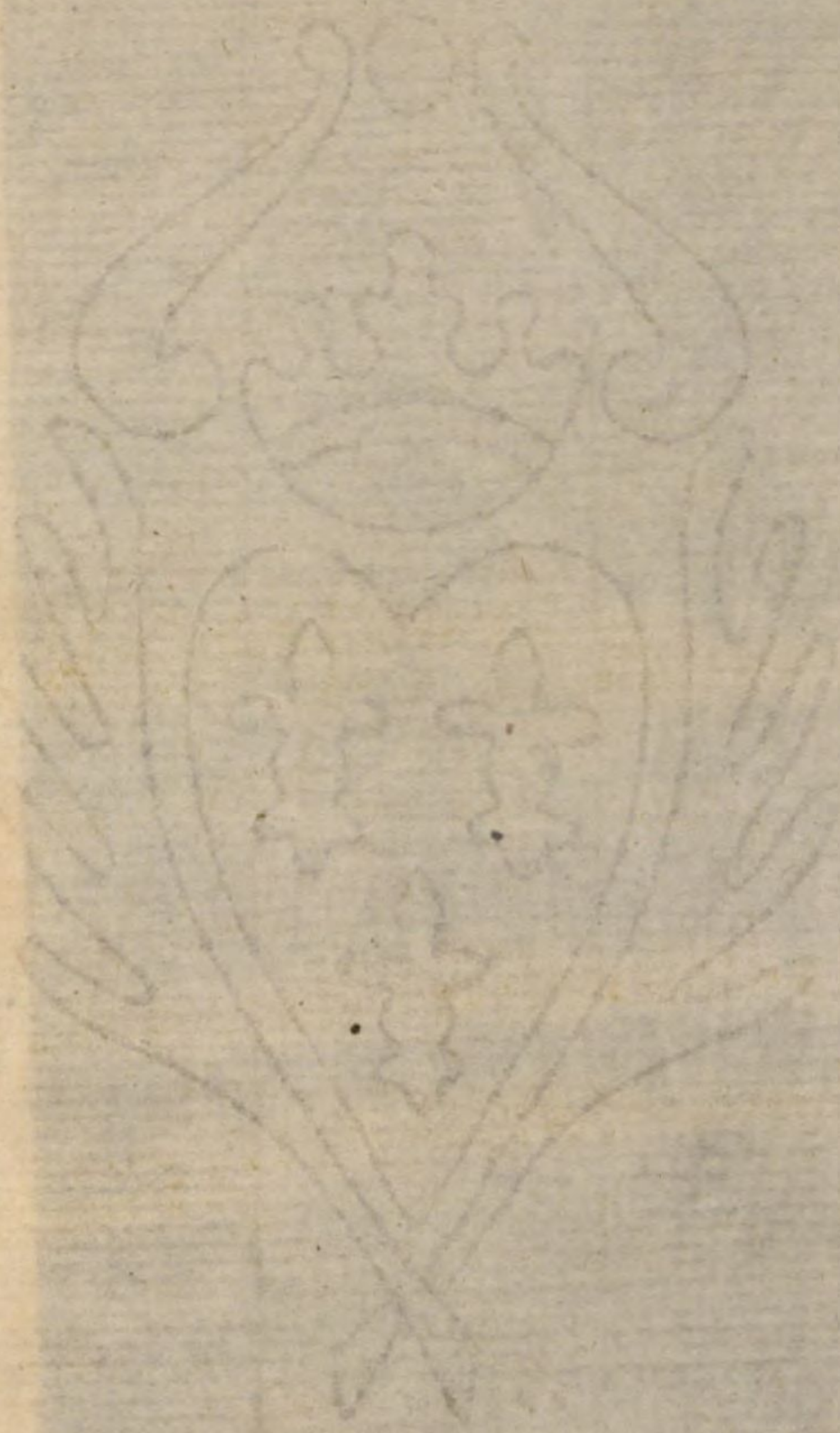
Мы постоянно слышимъ, что у насъ нѣтъ литера-
туры; эту жалобу можно простить только молодому
поколенію, которое еще порядочно неизучило Руси.
Литература у насъ есть, но намъ недостаетъ ея исторіи.
Намъ скажутъ можетъ-быть, что вся наша литерату-
ра никуда негодится пожалуй если такъ смотрѣть на
вещи, то все есть *суета суетъ*. Конечно если сравни-
те, нашу историческую литературу съ германскою,
французскою, англійскою, и италіянскою, то преиму-
щество будетъ не на нашей сторонѣ, потому-что, на-
ша литература носить неотъемлемый отчетокъ! не-
образованнаго или полуобразованнаго общества. Но
виноваты ли наши лѣтописцы что современники ихъ,
жившіе на западѣ имѣли болѣе способовъ чѣмъ они?

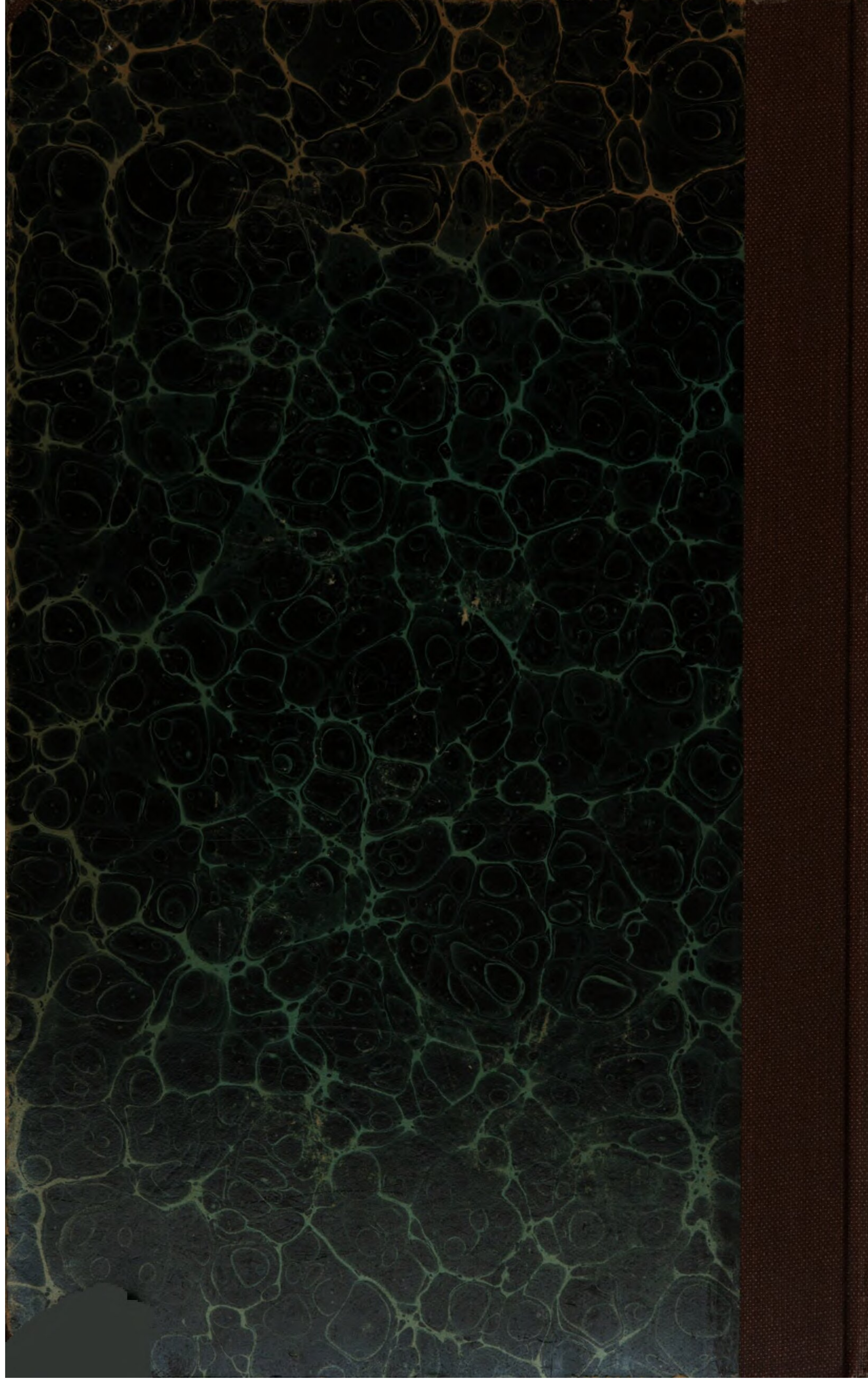
Однакожъ не смотря на все это до начала XIX сто-
лѣтія у насъ сдѣлано было чрезвычайно много по
части русской исторіи, и въ то самое время когда мы
лишились всѣхъ главныхъ двигателей ея въ по-
слѣдніе годы царствованія Екатерины II и при вос-
шествіи на престолъ императора Александра, явился
Карамзинъ, одинъ изъ первыхъ литераторовъ своего
времени. Уже талантъ этого писателя достигалъ выс-
шей точки славы, его привѣтливо встрѣчало новое по-
колѣніе, ему открывалась блестящая перспектива жиз-
ни, но Карамзинъ пренебрегъ всѣмъ для славы своего
отечества, простился съ мишурнымъ гостиннымъ
свѣтомъ и удалился въ пыльные архивы бесѣдовать
съ тысячами мертвыхъ свидѣтелей прошедшей судь-
бы Россіи. Что сдѣлалъ для нашей исторіи Карамзинъ,

что онъ могъ сдѣлать и какимъ образомъ явился
этотъ человѣкъ въ полномъ блескѣ, рѣшеніе этихъ
вопросовъ выходитъ изъ объема предпринятаго здѣсь
труда; но объ этомъ мы можетъ-быть опять когда ни-
будь поговоримъ, при удобномъ случаѣ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Starčevskij, Al'bert Vikent'evič

Očerky literatury russkoj istorii do Karamzina

Sanktpeterburg 1845

Russ. 233 m

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783825-5